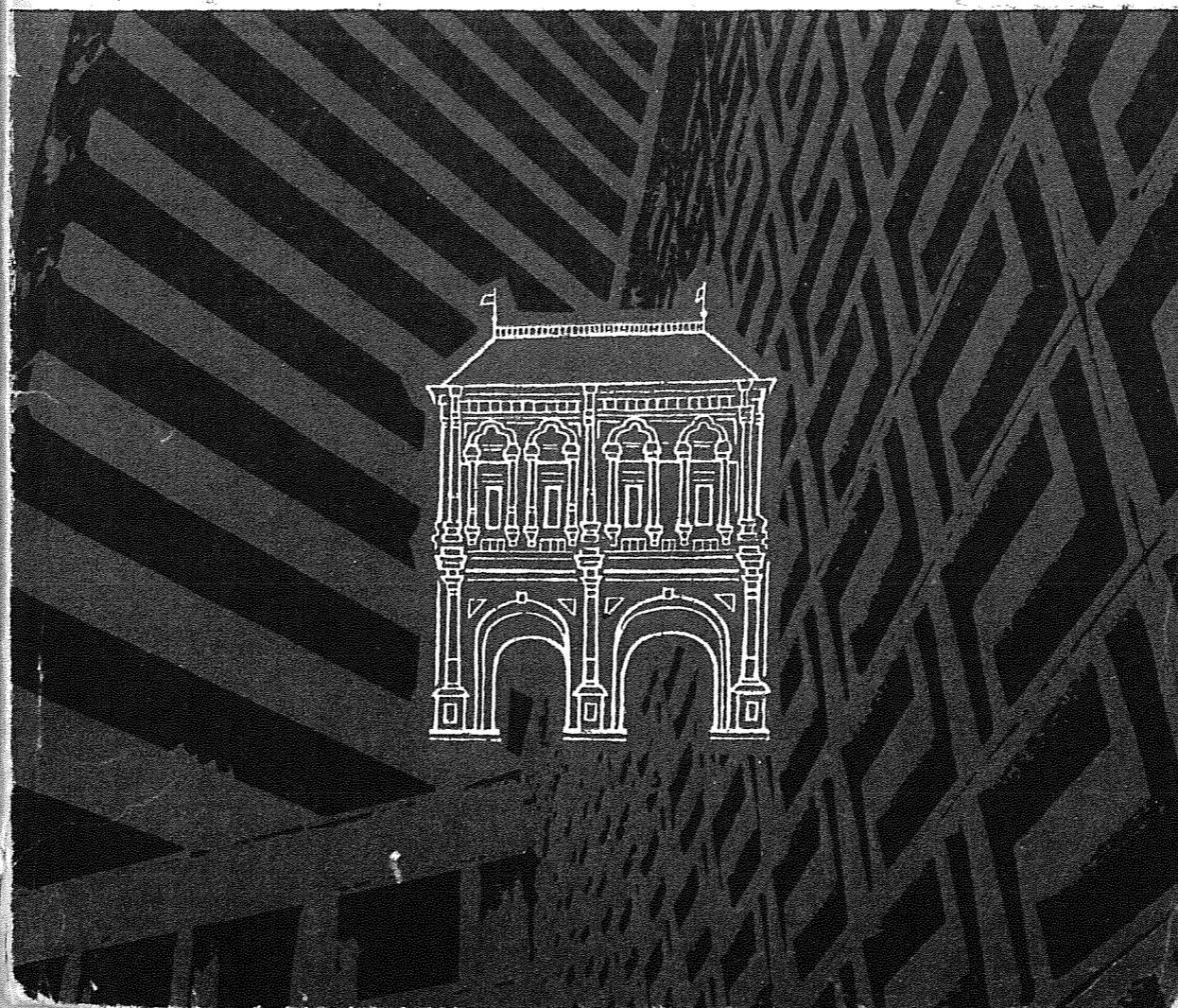

ПАМЯТНИКИ
АРХИТЕКТУРЫ
И СОВРЕМЕННАЯ
ГОРОДСКАЯ
ЗАСТРОЙКА

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ТЕОРИИ, ИСТОРИИ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ ПРОБЛЕМ
СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

35
из рецензии
1973 год

ПАМЯТНИКИ
АРХИТЕКТУРЫ
И СОВРЕМЕННАЯ
ГОРОДСКАЯ
ЗАСТРОЙКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ
Москва — 1973

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. П. Зворыкин, | П. Н. Максимов | (ответственный редактор).
Е. В. Михайловский

В книге освещается значение памятников архитектуры для современных, развивающихся и меняющих свой облик городов, рассматриваются методы сохранения таких памятников и включения их в новую застройку.

В первых главах дается представление о постепенном развитии города как архитектурного целого, о причинах иска-
жения его художественного облика и о том, что из архите-
ктурного наследия прошлого должно сохраняться в городах.
В последующих главах, составляющих большую часть книги,
рассматриваются методы сохранения и использования в съ-
временных условиях отдельных памятников архитектуры, архи-
тектурных ансамблей, памятников садово-парковой архите-
ктуры, обладающих архитектурной целостностью и красотой
частей города и целых городов. В отдельных главах говорится
о сохранении памятников архитектуры при решении проблем
городского транспорта и об использовании памятников архи-
тектуры для новых целей, отвечающих жизни современного
города.

Книга рассчитана на архитекторов, градостроителей, ис-
кусствоведов и всех интересующихся вопросами охраны памят-
ников и культурного наследия страны.

* * *

Иллюстрации подобраны и выполнены под руководством
Н. В. Фирсовой.

П 0321 — 367
047(01) — 73 46—73

ВВЕДЕНИЕ

| П. Н. Максимов |

Город со времени возникновения отражал в своей структуре уклад
жизни населения во всех его последующих изменениях. Развитие про-
мышленности, рост городского населения, увеличение плотности за-
стройки, появление новых видов внутригородского транспорта — все это
изменяло облик отдельных улиц, районов и города в целом.

В одних случаях развивалась сложившаяся ранее планировочная
система, появились новые районы на городской периферии, на месте ста-
рых возводились новые постройки, размеры которых не требовали пере-
планировки прилегающей территории. В других случаях расширялись и
выпрямлялись старые и прокладывались новые улицы в старых, плотно
застроенных частях городов или строились новые здания, размеры кото-
рых требовали изменения направления или расширения старых улиц,
что не обходилось без разрушений, иногда значительных.

При этом сносились отдельные здания, целые кварталы и боль-
шим изменениям подвергались городские районы, планировка кото-
рых или менялась в пределах прежней планировочной системы, или
даже создавалась заново в соответствии с новым назначением рекон-
струируемых частей городов, идеологическими задачами и материаль-
ными возможностями. С изменением планировки и застройки городов из-
меняется и весь их облик.

Процесс изменения планировки и застройки городов исторически
обусловлен и неизбежен. В городе, как и в живом организме, где отми-
рают и заменяются новыми элементы, утратившие свое значение, идет
процесс замены старого новым в соответствии с градостроительными
задачами путем своего рода хирургического вмешательства, избавляю-
щего город от всего отжившего и ставшего ненужным. Но архитектор,
осуществляющий реконструкцию города, не должен уподобляться пло-
хому врачу, который, сосредоточив свое внимание на лечении больного
органа, забывает об остальных, несмотря на то что применяемые им ме-
тоды лечения могут быть вредными или даже губительными для них.
Нельзя решать отдельно проблему нового строительства или городского
транспорта, не учитывая, как это скажется на городе в целом. При-
ступая к реконструкции города, чем бы она ни вызывалась, необходимо
ясно представлять себе взаимосвязь между всеми сторонами его жизни
и знать, что мешает его дальнейшему развитию и что должно быть обя-
зательно сохранено при всех его изменениях.

Материальная ценность построек уменьшается по мере старения и обветшания. Переходящая и утилитарная ценность зданий, нередко переживающих свое первоначальное назначение, и только их художественная ценность сохраняет свое значение и для последующих поколений. Кроме того, памятники архитектуры прошлого рассказывают позднейшим поколениям об истории их страны, устанавливают связь между прошлым и настоящим, позволяя людям нашего и будущего времени непосредственно соприкасаться с прошлым в его лучших созданиях. Творение своего времени, памятники архитектуры прошлого, неповторимы и уже в силу этого должны сохраняться. Часто их ценность повышается благодаря их градостроительному значению, потому что они не только красивы сами по себе, но и делают красивыми улицы, площади, целые города, наделяя их индивидуальным историко-художественным характером.

Но памятники архитектуры чаще всего страдают при реконструкции городов, осуществляющей неумелыми градостроителями, не понимающими стоящих перед ними художественных задач, а также того, что город, лишенный красивых зданий и целостной, гармоничной застройки, становится безотрадным, раздражающим, угнетающим действующим на сознание тех, кто вынужден жить и работать в нем. Нередкие, к сожалению, случаи проявления такого «градостроительного вандализма» обусловливают актуальность этой книги. Ее цель — показать значение памятников архитектуры, отдельных зданий или целых архитектурных ансамблей для современного города и познакомить читателя с градостроительными методами сохранения таких памятников и их включения в новую городскую структуру в качестве ее активных, живущих полноценной современной жизнью элементов.

Художественной целостности городов и взаимосвязи между памятниками архитектуры и окружающей их застройкой посвящена первая глава книги. Вопрос о взаимосвязи между памятником архитектуры и окружающими его зданиями перерастает в вопрос об архитектурном ансамбле, о группе зданий, воспринимаемых сознанием зрителя как одно художественное целое, где каждое здание композиционно связано с другими и где все подчинено центру композиции независимо от того, является ли им одно из зданий ансамбля или само пространство площади или улицы. Такие ансамбли, в которых каждое из составляющих их зданий усиливает впечатление, производимое другими, представляют собой памятники архитектуры, обладающие нередко большой силой эмоционального воздействия, поэтому им также уделено внимание в первой и второй главах. Не менее важным для городов должно быть и создание новых архитектурных ансамблей, включающих в себя памятники архитектуры прошлого и новые постройки. Архитекторы прошлого умели создавать такие ансамбли, объединяя в одно художественное целое произведения архитектуры разных эпох, нередко совершенно различные в стилистическом отношении и все же согласованные между собой. О разных видах архитектурных ансамблей, создававшихся в прошлом, также говорится в первой и второй главах, но основное содержание последней составляет малоизученная проблема — планировка города

как памятника архитектуры. Планировка города часто ценна как главная основа целостности городских архитектурных ансамблей. Затрагиваются в этой главе и такие случаи, когда существующей планировке этих городов или их отдельных частей, вполне продуманной с художественной точки зрения, сопутствует случайная и не согласованная внутри себя застройка. Такая планировка заслуживает сохранения как памятник градостроительного искусства прошлого и как основа для создания новых архитектурных ансамблей с целостной застройкой, подчиненной композиционным принципам, заложенным в старой планировке.

Особого внимания заслуживают города или значительные части их, которые сами представляют собой архитектурные ансамбли, где решавшее значение имеют памятники архитектуры прошлого, а рядовая застройка, не отличающаяся художественной ценностью, подчинена им в качестве своего рода нейтральной «соединительной ткани». Здесь необходимо думать о сохранении и выявлении не только отдельных памятников архитектуры, их групп или архитектурно целостных улиц и площадей, но и характера всего города, архитектура которого воспринимается не только в пространстве, но и во времени. Родственные между собой (не обязательно по стилю, но и по своим высоким художественным качествам) здания или архитектурные ансамбли, расположенные в разных местах и отделенные друг от друга не бросающейся в глаза рядовой застройкой, создают в сознании зрителя представление об архитектурном образе всего города и об его художественной целостности.

О таких городах и территориях — архитектурных заповедниках, их границах и режиме говорится в третьей главе, где также рассматривается вопрос о проектировании и режиме зон ограниченной застройки, промежуточных между заповедниками и новой застройкой городов, и охранных зон как одиночных памятников архитектуры, так и целых архитектурных ансамблей, причем это иллюстрируется примерами, взятыми из практики.

Ввиду особой опасности, которую представляет для памятников архитектуры и для исторически сложившейся городской среды бурное развитие городского транспорта, специальная глава (IV) посвящена его современному состоянию и перспективам дальнейшего развития. Эта глава должна дать архитекторам-реставраторам и градостроителям должное представление о том, как следует решать проблемы городского транспорта в частях городов, богатых памятниками архитектуры и сохранившими свой исторический облик.

В пятой главе рассматривается вопрос о музеях архитектуры под открытым небом как средстве сохранения и показа памятников архитектуры, которым невозможно обеспечить сохранность на месте их постройки, о принципах организации таких музеев и градостроительном значении некоторых из них для городов или пригородных территорий.

Шестая глава содержит материалы о сохранении природного ландшафта — рельефа, водоемов, зеленых насаждений, — создающего вместе с памятниками архитектуры свойственный городу облик. Говорится здесь и о сохранении памятников садово-паркового искусства, вошедших

в состав растущих городов, и о методах исследования и реставрации таких памятников.

Наконец, памятники архитектуры прошлого в большинстве случаев используются для современных утилитарных целей. Может быть только древние крепостные стены и валы, ставшие практически ненужными для современных городов, да памятники архитектуры, находящиеся в состоянии руин, могут рассматриваться только как объекты показа. Остальные памятники архитектуры должны, как правило, служить современным целям, позволяющим получать средства для поддержания памятников, а если нужно и для их реставрации.

В некоторых случаях памятники архитектуры используют по их первоначальному назначению, сохранив их внешний и внутренний вид. Но часто новое назначение оказывается причиной искажений и переделок таких зданий, снижающих их художественную ценность, поэтому седьмая глава книги и посвящена в основном использованию памятников архитектуры для новых практических целей, которое не причиняет им никакого ущерба и дает возможность их обзора снаружи и внутри. То же относится и к новому использованию сохранившихся от прошлого архитектурных ансамблей — усадеб, монастырей, улиц, площадей и их архитектурно-целостной застройки.

Несмотря на всю остроту и неотложность названных вопросов, для их решения пока сделано немного. В специальной литературе, советской и зарубежной, затрагивались лишь немногие из них. Эта книга, ставя широко проблему сохранения и использования памятников архитектуры в современных, развивающихся и изменяющихся городах, не претендует на то, чтобы дать на все исчерпывающие ответы.

Главная цель книги — привлечь к данной проблеме внимание специалистов, архитекторов-реставраторов и градостроителей, которые могут в своей постоянной, совместной работе многое сделать для охраны и правильного использования памятников архитектуры.

I. ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

А. И. Целиков, П. Н. Максимов

Выше уже отмечалось, что художественные достоинства отдельных зданий, групп зданий и целых городов — главная причина их сохранения и отнесения к памятникам архитектуры. О городах как о памятниках архитектуры будет идти речь в следующей главе, а здесь рассматривается вопрос о взаимосвязи отдельных зданий-памятников и их природного или архитектурного окружения.

Вопрос о сохранении памятников археологии или истории, не представляющих собой одновременно памятники архитектуры, решается обычно в плане их физического сохранения, спасения от разрушительного действия сил природы и людей. В отличие от этого сохранение памятников архитектуры означает, кроме того, сохранение их способности вызывать у зрителя определенные эстетические эмоции, что, в свою очередь, выдвигает перед архитекторами и градостроителями новые задачи.

Первая из них — задача повышения художественной выразительности памятников архитектуры путем их реставрации, возвращающей им их былую красоту, искаженную позднейшими переделками. Нередко эти переделки изменяли облик памятника архитектуры до неузнаваемости. Таких «скрытых памятников архитектуры», не числящихся в официальных списках, в древних городах может быть не меньше чем известных. В то же время изучение композиционных и конструктивных особенностей таких зданий и их строительных материалов, а также зондажи, позволяющие открыть из-под позднейших наслойений фрагменты первоначального убранства их фасадов, дают возможность составить правильное представление об архитектурной ценности таких построек, об их возможном значении для облика целого городского района и выявить необходимость их сохранения при реконструкции последнего.

Архитекторы-реставраторы в настоящее время не считают, что реставрация памятника архитектуры должна во всех случаях возвращать ему первоначальный облик. Нередко они сохраняют некоторые из позднейших добавлений благодаря художественной ценности последних или ограничиваются фрагментарной реставрацией. При этом, решая вопрос о характере и объеме реставрации памятника архитектуры, следует учитывать и соответствие его первоначального и измененного облика сложившемуся вокруг него архитектурному окружению. Вряд ли кому-либо придет в голову «очистить» московский Покровский собор от позднейших (XVII в.) галерей и шатровых верхов крылец и колокольни или киевский Софийский собор от глав и убранства фасадов конца XVII — начала XVIII вв. Дело здесь не только в художественной цен-

ности позднейших дополнений, но и в соответствии измененного облика названных зданий их архитектурному окружению. Облик московского Покровского собора с добавлениями XVII в. вполне соответствует кремлевским башням с их шатровыми верхами того же времени, а силуэт и убранство фасадов киевского Софийского собора по времени и стилю одинаковы с находящимися рядом колокольней, зимним собором и другими зданиями.

И вторая задача, выдвигаемая в целях сохранения эстетического и градостроительного значения памятников архитектуры, состоит в создании такой взаимосвязи между такими памятниками и их архитектурным и природным окружением. В отличие от других памятников культуры прошлого, которые можно видеть на стенах залов или в витринах музеев независимо от их окружения, памятники архитектуры смотрятся только вместе с последним. Они — своего рода музейные экспонаты, хранящиеся под открытым небом, составной элемент современных, развивающихся городов, придающий им неповторимый индивидуальный облик. В свою очередь, окружение памятников архитектуры может усиливать или ослаблять производимое ими впечатление, гармонировать или дисгармонировать с ними, поэтому вопрос о взаимосвязи таких памятников с их окружением приобретает первостепенное значение.

Место для строительства зданий выбиралось в соответствии не только с их утилитарным назначением, но и с идеологической и художественной значимостью. Природное окружение и существовавшая уже застройка должны были усиливать впечатление, производимое новыми зданиями, подчеркивая их архитектурные достоинства. Архитекторам всегда приходилось считаться с особенностями места возведения сооружений, которые, в свою очередь, становились средой для позднейших построек.

Окружающая природная среда — рельеф местности, водоемы, зеленые насаждения — влияли в известной мере на композицию архитектурных сооружений. Средневековые замки и кремли часто строились на возвышенных местах, порой при слиянии двух рек, что делало их более обороноспособными и в то же время повышало художественную выразительность. Возвышенности, на которых располагались такие сооружения, делали их господствующими над окружающей местностью. Водное зеркало озера или реки усиливает впечатление, производимое находящимися возле них зданием благодаря его отражению. Естественные зеленые насаждения вступают во взаимосвязь с памятниками архитектуры, создавая для них фон или образуя кулисы. В горных местностях здания, поставленные на вершине гор, кажутся продолжением естественных, природных форм (храм Джвари в Мцхете, монастырь св. Михаила близ Авранша в Северной Франции и др.).

Но позднейшие изменения природной обстановки часто разрушали синтез архитектуры и природы. Одни из них происходили постепенно, как, например, нарастание вокруг зданий культурного слоя, не только закрывавшего цоколи зданий, но и искажавшего пропорции последних, или рост деревьев, закрывающих памятники архитектуры и мешающих их обозрению. В первом случае необходимо бывает реконструировать

первоначальный рельеф или уровень местности путем срезки культурного слоя, но эту работу следует вести археологическими методами, особенно если здание, возле которого удаляется культурный слой, искажено позднейшими переделками. При этом фрагменты прежних завершений здания и убранства его фасадов могут быть найдены в толще культурного слоя и их местонахождение и положение нередко дают представление о том, где они находились первоначально. Чтобы открыть вид на памятники архитектуры, разросшиеся вокруг них старые деревья надо вырубать, пересаживать или подвергать обрезке, а при посадке новых зеленых насаждений возле таких памятников нужно предусматривать будущий рост деревьев.

Часто природное окружение памятников архитектуры изменяется людьми. Изменение рельефа местности ради удобства уличного движения приводит к срезке или подсыпке грунта возле зданий, что лишает эти здания естественного подножия или искажает их пропорции и закрывает нижние части. Изменение уровня воды в реках как следствие сооружения на них гидротехнических устройств не только изменяет художественно осмысленные соотношения между высотой берега и находящихся на нем зданий, но и сказывается на их техническом состоянии. Подъем уровня воды в реках часто влечет за собой и подъем уровня грунтовых вод прибрежных территорий, затопление подвалов зданий и разрушение кладки их нижних частей. Понижение уровня грунтовых вод, сопутствующее иногда такому же изменению уровня воды в близлежащей реке, может привести к гниению свайных оснований под ста-ринными зданиями.

Застройка берегов рек и озер отрезает от них памятники архитектуры, первоначально отражавшиеся в них, а случайное, без учета особенностей рельефа места, размещение новых высоких зданий лишает город живописности, создававшейся этим рельефом. Наконец, уничтожение зеленых насаждений для получения места под застройку или из-за неумения поддерживать их в современном городском микроклимате ухудшает окружение памятников архитектуры.

Особое значение синтез архитектуры и природы приобретает в сельской местности, по берегам рек и озер, близ магистральных автострад и железных дорог. Здесь, как и в городах, сохранились одиночные памятники архитектуры и целые архитектурные комплексы — монастыри, бывшие дворянские усадьбы, погосты, а иногда села и деревни, отличающиеся целостным архитектурным обликом. Здесь сохранение, а в некоторых случаях и реставрация природного окружения памятников архитектуры (о чем будет сказано в одной из следующих глав) особенно важны. Кроме того, поскольку памятники архитектуры рассматриваются как часть ландшафта, в некоторых случаях, может быть, следует включить в их число постройки, не имеющие особых архитектурных достоинств, но играющие большую роль в окружающем их пейзаже и неотделимые от него.

Еще теснее взаимосвязь между памятниками архитектуры и расположеннымными близ них постройками. Само местоположение памятников архитектуры среди рядовой городской застройки нередко влияло на их

композицию. Островному положению таких памятников, стоящих на площади и в равной степени открытых для обзора со всех сторон, соответствует центрическая или близкая к ней композиция их планов и объемов и относительная равноценность всех фасадов, хотя и не всегда одинаковых. Примерами этого могут быть Исаакиевский собор в Ленинграде, Покровский (Василия Блаженного) собор в Москве, Ильинская церковь в Ярославле и др. Это же относится и к таким памятникам архитектуры, которые представляют собой целые архитектурные комплексы, образующие отдельные открытые со всех сторон кварталы в системе города. Таковы кремли в Москве, Новгороде, Астрахани, Горьком, Казани, Туле, Зарайске, московские монастыри Новодевичий (рис. 1), Андроников, Донской, Спасский монастырь в Ярославле и др.

Размещение памятников архитектуры по красным линиям, свойственное эпохе барокко и классицизма, обуславливало выделение уличного фасада как главного. Это можно видеть в московских зданиях — домах б. Барышникова на улице Кирова, б. Самарина на Петровке, б. Гагарина на Страстном бульваре — и многих других постройках XVII — начала XIX в. При расположении здания на углу двух улиц или выделялся как главный фасад, выходящий на главную из них, или подчеркивался угол размещением на нем зала-ротонды с куполом или наружной колоннадой (московские дома б. Шереметева на проспекте Калинина и б. Юшкова на улице Кирова и др.).

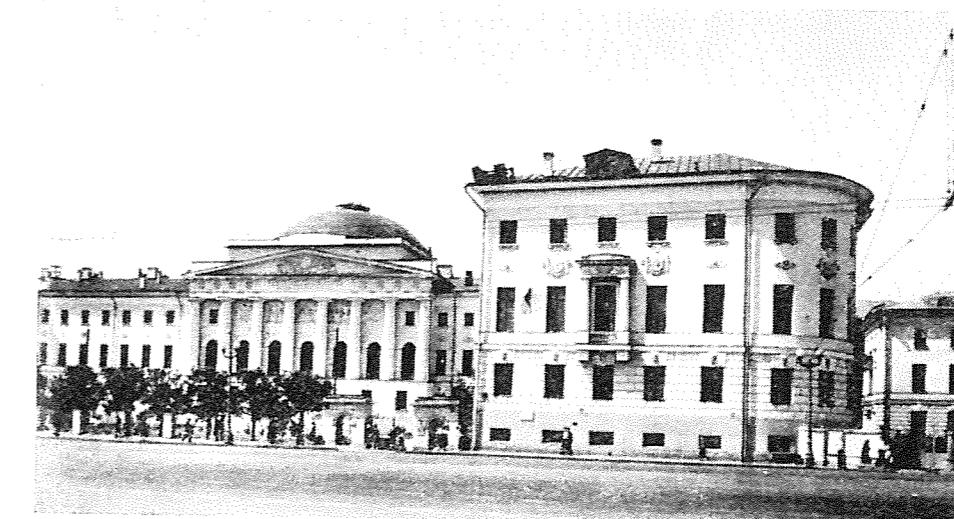
Если памятники архитектуры, находящиеся внутри кварталов, открыты со стороны улицы и отделены от красной линии парадным двором или полосой зеленых насаждений, то их обращенные к улице фасады трактуются как главные (Смольный институт и б. Марининская больница в Ленинграде, московские б. Голицынская и 1-я Градская больницы и др., рис. 2). Если же такие памятники заключены внутри кварталов, застроенных по периметру, то внутреннее пространство квартала можно рассматривать как площадь, среди которой стоит памятник (московская Меншикова башня, рис. 3, ярославская церковь Николы Надеина).

Когда застройка близ памятника архитектуры должным образом согласована с ним, она воспринимается вместе с памятником как одно художественное целое, как архитектурный ансамбль. В ансамбле улицы зодчего Росси в Ленинграде (1827—1832 гг.) фасаду Александринского театра, замыкающему перспективу и расположенному на оси этой улицы, подчинены фасады застройки обеих ее сторон (рис. 4). Они однотипны со зданием театра и имеют одинаковые с ним окраску и членение на нижнюю, рустованную часть и более высокую верхнюю, украшенную большим ордером. В то же время большая высота здания театра, симметрия его фасада, подчеркнутая наклонными линиями аттика, и более богатое убранство выделяют это здание как главное.

Повторение некоторых черт главного здания в подчиненных ему и выделение его благодаря другим, свойственным только ему особенностям, можно видеть и в архитектуре ансамблей, складывавшихся на протяжении более длительного времени. Пусть нет стилистического и цветового единства в ансамбле ленинградской Дворцовой площади, застраивавшейся с 1753 по 1843 г. Главное здание этой площади — Зим-

1. Москва. Новодевичий монастырь, XVI—XVII вв.

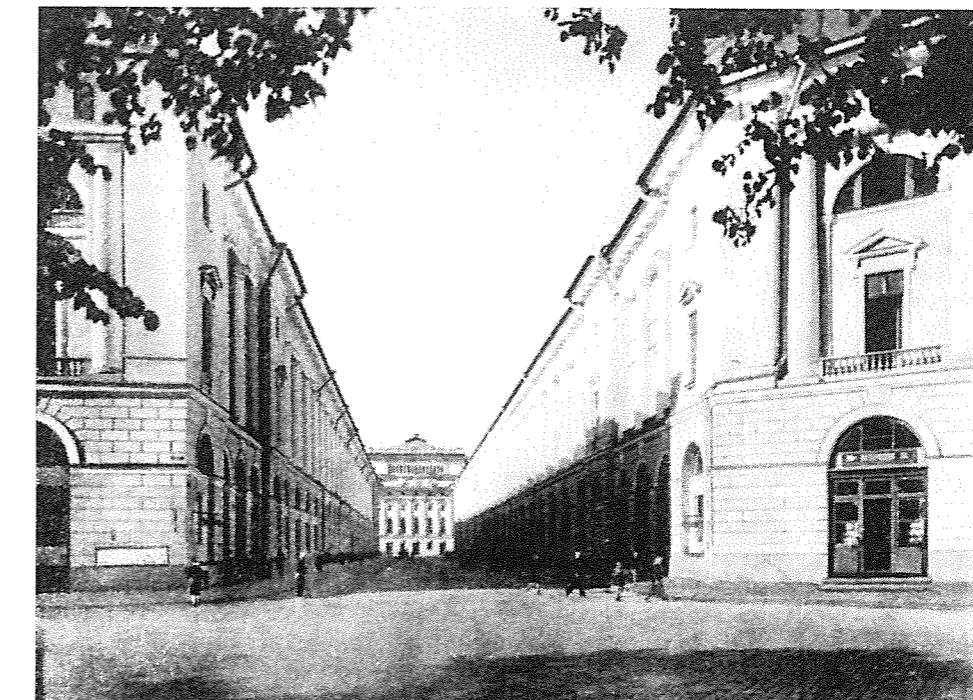
2. Москва. Старое здание Московского университета на Манежной площади, 1786—1793 гг., восстановлен в 1817—1819 гг.

3. Москва. Меншикова башня, 1705—1707 гг., восстановлена в 1780-х гг.

ний дворец (1753—1764 гг., арх. В. Растрелли) — типичный образец архитектуры барокко. Здание Главного штаба, охватывающее площадь полукругом с противоположной стороны, было построено арх. К. И. Росси в 1819—1829 гг. в формах классицизма, но оно — на одной оси с Зимним дворцом и с таким же, как в нем, членением фасадов на нижний этаж и два верхних, объединенных большим ордером. Этого было достаточно для того, чтобы связать в одно архитектурное целое и эти два здания, и третье здание этой площади — штаб гвардейского корпуса (1837—1843 гг., арх. А. П. Брюллов). Главенствующее положение в этом ансамбле Зимнего дворца подчеркивается его цветом, богатым убранством фасадов и сложным ритмом полуколонн.

В архитектурных ансамблях, складывавшихся на протяжении нескольких веков, основой целостности композиции был не заранее созданный проект, а внимательное отношение зодчих позднейших поколений к тому, что было сделано их предшественниками. Причем контраст между главным зданием и его архитектурным окружением нередко более значителен, чем в рассмотренных примерах, но приемы достижения художественной целостности оставались прежними. К числу таких приемов относится размещение зданий, то связанных между собой

4. Ленинград. Улица Росси, 1827—1832 гг.

общими осями, то образующих задний фон по отношению к главному или подводящих к нему передние «кулисы», то собранных в компактную группы среди остальных построек. Подобие масштаба, высоты, ритма архитектурных элементов, положения горизонтальных членений, цвета фасадов связывает воедино главное здание с его архитектурным окружением, а изменение одной или нескольких из перечисленных особенностей в главном здании выделяет его из среды остальных. В русских кремлях и монастырях главное здание — собор — выделяется среди других не только своим центральным положением, но и большей высотой, монументальностью, цветными пятнами наружных фресок и позолотой куполов. Иногда господствующее положение его усиливается и размещением поблизости от него и самого высокого здания комплекса — колокольни (московские Кремль и Новодевичий монастырь, Троице-Сергиева лавра, рис. 5).

В ряде случаев непосредственно при постройке здания уже учитывались особенности его местоположения и зрительного восприятия, что сказывалось на трактовке некоторых его деталей. На упоминавшейся уже улице зодчего Рогова в Ленинграде здания по обе стороны ее, воспринимаемые зрителем только в перспективе, имеют фасады, расчлененные редко расставленными парными полуколоннами сильного рельефа, а замыкающий улицу фасад театра, видимый в ортогоналии, расчленен не полуколоннами, а пилястрами, расставленными более часто (см. рис. 4). В таких случаях нужно сохранять не только здания, но и условия их зрительного восприятия, обеспечивающие наибольшую выразительность форм.

Здание, рассчитанное на то, чтобы производить на зрителя впечатление своим силуэтом, наиболее хорошо смотрится на фоне неба, что обеспечивается выбором места для его постройки. Церкви Вознесения в Коломенском, Иоанна Предтечи в Дьякове и Покровский собор в Москве, построенные на бровке берегового склона Москвы-реки, воспринимаются в силу этого на фоне неба как снизу от реки, так и с противоположной стороны. Выгодным для такого здания фоном служит более низкая и удаленная от него застройка (ленинградский Исаакиевский собор, видимый со стороны Невы). Наконец, памятник архитектуры со сложной объемной композицией и богатым убранством фасадов выигрывает при плоскостной трактовке и большей простоте фасадов подчиненных ему зданий (московский Покровский собор на фоне Кремлевских стен, ярославская Ильинская церковь и расположенные за ней губернаторский дом и присутственные места).

Не меньшее значение задний фон имеет и для скульптурных памятников. Торжественная архитектура зданий, служащих для них фоном, усиливает их выразительность. Это видно на примере ленинградских памятников Петру I Э. Фальконе на фоне зданий Адмиралтейства и Сената и Синода, К. Растрелли на фоне Инженерного замка, а также памятника Екатерине II А. Микешина на фоне Александринского театра. Так же выглядел и московский памятник Минину и Пожарскому И. Мартоса перед Торговыми рядами арх. О. Бове до замены их существующим зданием того же назначения. Обильная и мелкая декорировка фасадов

5. Загорск. Троице-Сергиева лавра, ансамбль XV—XVIII вв.

последнего отвлекала внимание зрителя от памятника и он не сочетался со зданием, несмотря на то что размещение памятника на главной оси фасада рядов сохранилось. Другая работа того же скульптора — памятник Ришелье в Одессе — стоит в центре полукруглой площади, на фоне строгих фасадов зданий присутственных мест и гостиницы. Одновременно он замыкает перспективы улицы, выходящей на площадь, и широкой лестницы, связывающей площадь с портом.

Здесь памятник-статуя сам участвует в организации пространства площади. Иногда удачная расстановка скульптур улучшала организацию сложившихся ранее площадей. Так, неправильная по плану средневековая площадь Синьории во Флоренции была в XVI в. разделена постановкой на ней фонтана со скульптурной группой и конной статуи Козимо Медичи на две меньшие площади почти прямоугольной формы, а скульптуры Микельанджело и Бандинелли, поставленные на одной линии с этими скульптурами на фоне палаццо Веккио, еще теснее связали их со всей площадью.

При тесной связи памятника архитектуры и окружающей его застройки очевидно, что позднейшие изменения последней могут снизить впечатление, производимое им. Со второй половины XIX в. бурный рост городов и отсутствие должного законодательства по охране памятников

6. Москва. Церковь Рождества Богородицы в Путинках, 1649—1652 гг.

в условиях частной собственности на землю привели к тому, что многие из этих памятников были закрыты с одной или со всех сторон новыми зданиями. В Москве, например, была закрыта с южной стороны высоким доходным домом церковь Рождества Богородицы в Путинках середины XVII в. (ул. Чехова, рис. 6), церковь Успения конца XVII в. на Никольской улице (ныне ул. 25 Октября) оказалась в тесном дворе дома, часть стены Китай-города 1530-х гг. была заключена в узкий проход позади гостиницы «Метрополь», а перед главными фасадами памятников архитектуры начала XIX в., нынешних Института имени Склифосовского и музея Революции, выросли одноэтажные торговые помещения (ныне снесенные).

Недопустимо и размещение перед памятниками архитектуры торговых и справочных киосков, телефонных будок, рекламных тумб. Эти сооружения невелики, но само назначение их требует, чтобы они были броскими, привлекающими к себе внимание. Точно так же нельзя размещать перед памятниками архитектуры павильоны городского транспорта, трансформаторные будки и т. п. Даже столбы для уличного освещения и воздушных проводов городского транспорта часто мешают виду на памятники архитектуры, поэтому расставлять их в таких местах (если это неизбежно) нужно с большой осмотрительностью. Нельзя крепить к фасадам памятников архитектуры подвески для воздушных проводов, а также размещать на стенах таких зданий газетные и рекламные стенды и вывески. Исключение возможно лишь для вывесок и уличных фонарей, являющихся памятниками культуры прошлого.

Мешает впечатлению, производимому памятниками архитектуры, и особенно их силуэтом, возведение позади них или рядом новых высоких зданий. Примером может служить вид из Кремля или от Исторического музея и Никольских ворот на Московский Покровский собор на

фоне гостиницы «Россия». Отрицательное воздействие такого соседства может быть ослаблено при цветовом контрасте памятника архитектуры и нового «заднего фона», особенно если он спокойный, с преобладанием гладких стен. Наиболее опасно для памятников архитектуры соседство с новыми большими, претенциозными по архитектуре зданиями, рассчитанными на привлечение к себе особого внимания. Таков по отношению к постройкам античного Рима находящийся рядом с ними памятник Виктору-Эммануилу. Большая разница в размерах новых и древних зданий может привести к их разномасштабности (московская церковь Симеона Столпника, XVII в., и новый многоэтажный дом на проспекте Калинина), что можно было смягчить, разместив между ними здание промежуточных размеров. Возведение чужого по архитектуре здания рядом с постройками, составляющими единый архитектурный ансамбль, нарушает его единство («ропетовский» дом Басина на Театральной площади в Ленинграде рядом с постройками России). С другой стороны, снижает выразительность архитектурного ансамбля разрушение хотя бы одного из его зданий: разрушение во время военных действий в 1941 г. колокольни Иосифо-Волоколамского монастыря как бы обезглавило этот комплекс и ослабило центр его композиции.

Возведение рядом с памятником архитектуры новых зданий, снижающих его выразительность,— тяжелая ошибка, так как из-за высокой стоимости последних не всегда возможен их снос, как это было сделано уже в советское время, с упомянутыми выше лавками перед Московским институтом Склифосовского и музеем Революции. Но и при разборке застройки вокруг памятников архитектуры для раскрытия вида на них иногда допускались ошибки. Баптистерий во Флоренции, казавшийся большим среди обычных жилых зданий, сильно проиграл, оказавшись рядом с огромным собором и высокой колокольней, после того как во второй половине XIX в. площадь перед баптистерием была объединена с соборной. Восстановление московских Триумфальных ворот (1827—1834 гг., арх. О. И. Бове) вернуло Москве ценный памятник архитектуры, но при выборе нового места для них не было учтено его отличие от прежнего. На сравнительно узкой Тверской улице, застроенной невысокими зданиями, ворота выглядели большими (особенно при наличии связанных с ними низеньких кордегардий). Совсем по-иному они смотрятся на широком Кутузовском проспекте с его многоэтажными домами.

Все сказанное выше убеждает в том, что нужно сохранять не только самые памятники архитектуры, но и их градостроительное значение. В некоторых случаях следует вносить в примыкающую к памятникам архитектуры застройку изменения, усиливающие воздействие этих памятников на окружающую местность и делающие их более активными составными элементами изменяющих свой облик городов. Одно из важных средств этого — организация охранных зон, зон регулирования застройки и заповедных территорий, которые становятся сейчас обязательными частями городов богатых памятниками архитектуры.

Охранные зоны — территории, примыкающие к памятникам архитектуры и обеспечивающие наилучшие условия для их сохранения и

обозрения. В охранных зонах запрещается новое строительство, а в прилегающих к ним в ряде случаев зонах регулирования застройки ограничивается ее этажность, плотность и предъявляются особые требования к размещению и облику новых зданий. В городах, богатых памятниками архитектуры, границы таких зон сближаются и их приходится объединять, превращая отдельные городские районы или даже целые города в архитектурные заповедники с особым режимом содержания, определяемым индивидуальными особенностями каждого такого города. Также в строгом соответствии с этими особенностями каждого из памятников архитектуры и его окружения определяются границы охранных зон и зон регулируемой застройки, о чем будет подробно сказано далее.

II. ПЛАНИРОВКА ГОРОДА КАК ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ

Е. В. Михайловский

В процессе развития и роста городов в них возводится много прекрасного, что должно быть сохранено как священная реликвия искусства. Не только отдельные, наиболее выдающиеся здания, но и передко вся композиция города или, во всяком случае, его значительной части, планировка, застройка, силуэт, городской ландшафт являются результатом совершенного художественного творчества, своеобразными и весьма ценными памятниками архитектуры.

Город имеет определенную структуру, соответствующую его функциональному назначению. В нем есть свой общегородской общественный центр, свой торговый центр, часто также спортивные центры и т. п. Жилая зона в нем отделяется обычно от производственных зон и от таких функциональных центров города.

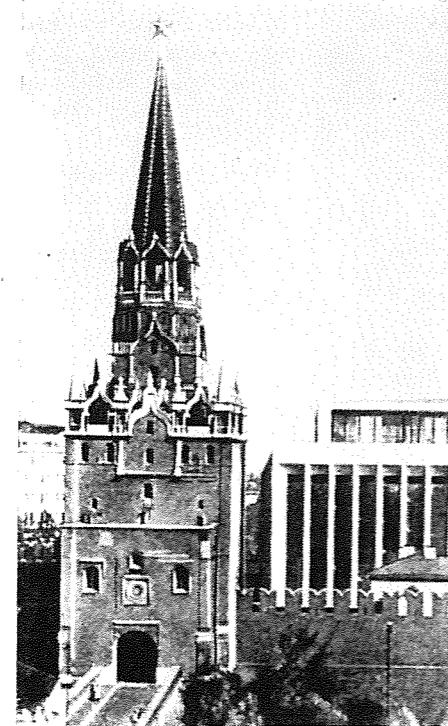
Город, как созданная человеком искусственная среда, обеспечивающая наибольшую эффективность его жизнедеятельности, немыслим без конкретной и достаточно тесной связи с природой. Степень этой связи с веками изменялась, природа при этом используется в опосредованной, обработанной человеком форме. Связь с природой осуществляется в городе внутренними планировочными мероприятиями (разбивкой парков, устройством садов, скверов и внутриквартальных насаждений, обсадкой улиц, устройством прудов, водоемов, открытых бассейнов и т. п.), а также соответствующей планировкой и регулированием пригородной зоны.

Процесс развития города и его формирования очень сложен. Город компонуется в процессе своего роста не только как функционально осмысленная и технически оснащенная целостная структура, но и как произведение искусства. «Техническое решение функциональных проблем должно сливаться с эстетическим», — говорил, например, Ф. Гибберд.

«Творческая деятельность архитектора, планировщика, архитектора по благоустройству и озеленению города, инженера-строителя, проектировщика промышленных зданий и топографа должна получать, каждая в своей области, яркое эстетическое выражение, но вместе с тем она должна создавать единое целое — ансамбль города»¹.

Архитектуру иногда сравнивают с музыкой. Однако город не всегда создается сразу, по единому плану, как была создана Бразилия Оскара Нимейера. В большинстве случаев планировку и реконструкцию города можно было бы сравнить с той высшей формой музыкального творче-

¹ Гибберд Ф. Градостроительство, 1959, с. 14.

1. Москва. Кремль

2. Краков. Улица в старом городе

ства, когда создается симфония, как глубоко прочувствованное, сознательное использование и переработка народных мотивов, песен и напевов, созданных еще раньше, еще до творческого акта композитора.

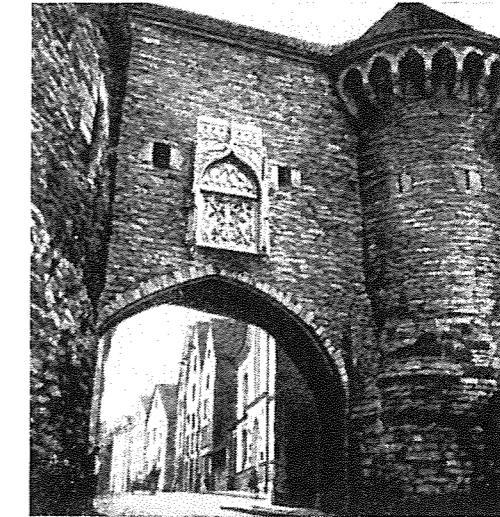
В самом деле, город создается и строится столетиями, иногда тысячелетиями. И в нем, как указывалось, бывают интересны, художественно значительны и ценные не только отдельные, уникальные здания и шедевры великих зодчих прошлого, но и сама планировка, соотношение его частей и элементов, городской «пейзаж», силуэт. Незабываемы и чаюющие прекрасны городские пейзажи Кракова (рис. 2), старого города Золотой Праги: ее Град, сеть переулков, древний Карлов мост. Прекрасно Сите Парижа со знаменитым собором Парижской Богоматери, как и планировочные эффекты ансамблей классицизма: площади Согласия, площади Звезды. Полны сказочной прелести Старый Таллин (рис. 3) и Вильнюс (рис. 4) с улицами, где часто можно добраться руками оба противостоящих дома. Замечательны архитектурные пейзажи Ленинграда, Москвы (рис. 5). Искусство современного архитектора в реконструкции и реализации генерального плана города заключается в том, чтобы использовать эти прекрасные «песни» прошлого в создаваемой новой

«симфонии» и тем обогатить и украсить ее содержание, оживить ее композиционное построение.

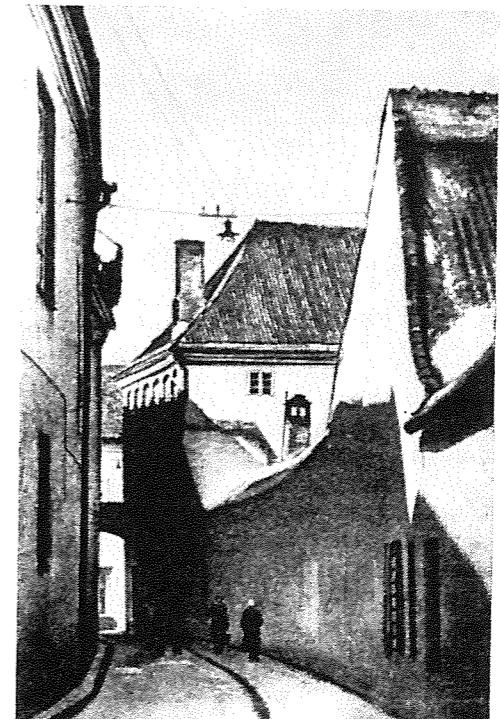
Планировка города, при его возникновении, никогда не является произвольной. Она определяется рядом объективных факторов, часть которых принадлежит к группе постоянно действующих, а другие влияют на композицию города лишь временно.

К постоянно действующим факторам, влияющим на планировку и общую композицию города, относятся: условия географические и климатические. Влияние географических факторов очень велико. Ими часто определяется выбор самого места расположения города; умелым их использованием выявляются его художественные достоинства. Так, резким противопоставлением высокого обрывистого берега Днепра, на котором расположен город, и бесконечной низменности противоположного берега, как и оврагами высокой части, в известной мере определены своеобразие, красота планировки и общей архитектурной композиции Киева. Огражденное горами ущелье Куры обусловило оригинальность планировки и застройки Тбилиси. Незабываемо прекрасны лагуны и каналы Венеции, как и холмы Рима. Стесненностью Манхэттена в значительной мере определена высотная композиция Нью-Йорка и т. д.

Климатические условия также влияют на планировку города. Жаркий климат вызывает, например, потребность в более энергичном насыщении города

3. Таллин. Морские ворота (XIV в.) и улица Пик

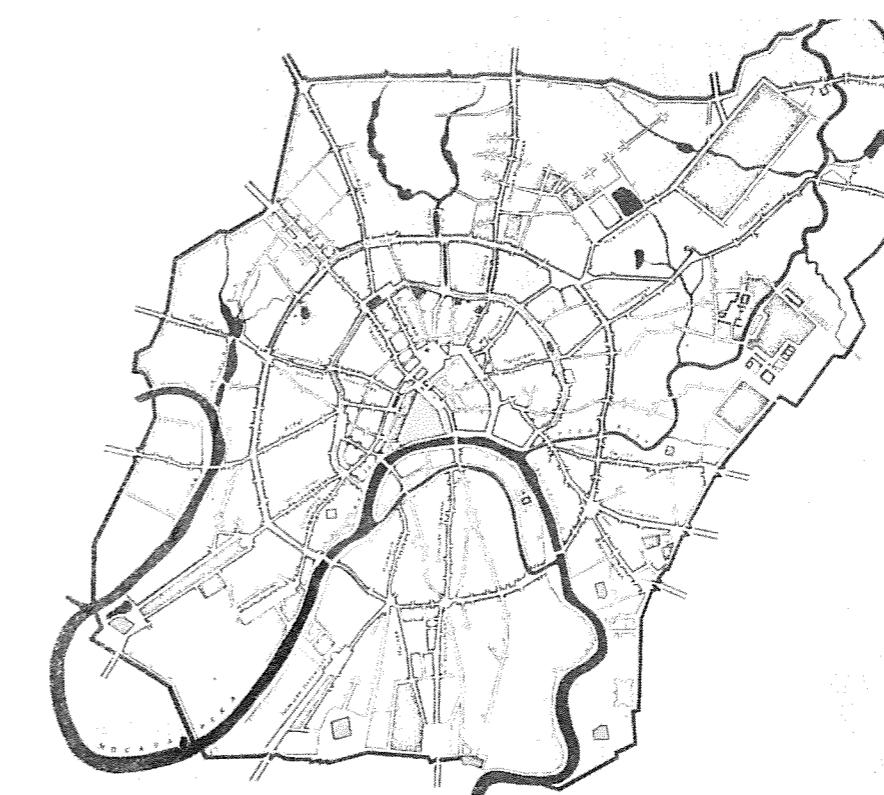
4. Вильнюс. Улица в старом городе

5. Москва. Вид Кремля

зеленью, водными бассейнами, фонтанами, там где это возможно. Регулярная планировка в теплых странах получает относительно большее развитие, чем в странах с холодным климатом и суровыми зимами. Ни географические, ни тем более климатические факторы не действуют, разумеется, изолированно. Они выступают во взаимодействии с другими факторами и в сочетании с ними способствуют созданию бесконечного разнообразия городских планировок.

Временные факторы оказывают влияние на планировку и общую композицию города лишь в какой-то краткий период его развития, но это влияние бывает существенным и во многом иногда содействует своеобразию и красоте города. Так, например, Коломна и Тула были некогда пограничными городами Московского государства, что вызвало необходимость строительства в них мощных крепостей (XVI в.), остатки которых, как и соответствующая им планировка, сохранились в этих городах и поныне и во многом определяют их характерные особенности и художественную ценность. Административное и политическое значение Новгорода и Пскова, некогда бывших столицами вечевых республик, отразилось в создании там кремлей, с их крепостными стенами, остающимися здесь и поныне славными историческими реликвиями.

6. Москва. Схема плана города, XIX в.

Близкая к радиально-кольцевой планировке Москвы в существенной мере определялась оборонными соображениями, теперь утратившими свое значение. По мере роста и развития города внутреннее кольцо его укреплений — Кремль — окружалось внешними, крепостными стенами: сначала Белого города (Бульварное кольцо), затем Земляного города (Садовое кольцо), более поздние укрепления начали возводиться по линии Камер-Коллежского вала (рис. 6). Наоборот, в Петербурге, который Леблон также хотел окружить кольцом укреплений, можно было ограничиться благодаря крепости Кронштадт лишь небольшой цитаделью — Петропавловской крепостью, и город получил свободную тангенциальную (радиально-регулярную) планировку.

Сложившаяся сеть торговых путей оказала влияние на планировку средневекового Парижа, которая и сейчас еще отчасти прослеживается в сети улиц его центральной части. В город тогда входили две крупнейшие магистрали страны с севера — из Кале через Амьен и из Брюсселя через Суассон — и две магистрали с юга — из Нанта, через Орлеан и из

Арля через Дижон. В пределах города они принимали регулярный характер и образовывали две параллельные улицы, пересекавшие весь город, а через мосты и его Сите. С северной стороны это были улицы Сен-Мартен и Сен-Дени, переходившие в Сите через мосты Понт-Нотр-Дам и Понт-дю-Шато, продолжением которых по другой стороне Сите служили мосты Пти-Понт и Понт-Сен-Мишель, подводившие сюда с юга улицы Сен-Жак и Рю-д-Анфер. Вместе с тем в планировке Парижа видны следы и его древних оборонительных сооружений, теперь замененных кольцом Больших бульваров.

Временные или постоянные факторы, влияющие на композицию города, крупные градостроительные замыслы, творческое дерзание талантливых архитекторов, экономические, политические или транспортные требования и т. п.— все это в конечном счете сказывалось на городской застройке и находило свое выражение в планировочных эффектах.

Оригинальность городов дает возможность отличать их друг от друга и воспринимать каждый из них свежо и по-новому, как самостоятельное и выдающееся архитектурное произведение. Поэтому при реконструкции, перестройке или расширении городов необходимо считаться с их своеобразием, с ценными в художественном отношении особенностями их планировки, старой застройки и находить такие решения, которые, обеспечив современные требования транспорта, снабжения и комфорта, позволяли бы в максимальной мере сохранить нетронутыми дошедшие до нас произведения градостроителей и планировщиков, архитекторов прошлых веков.

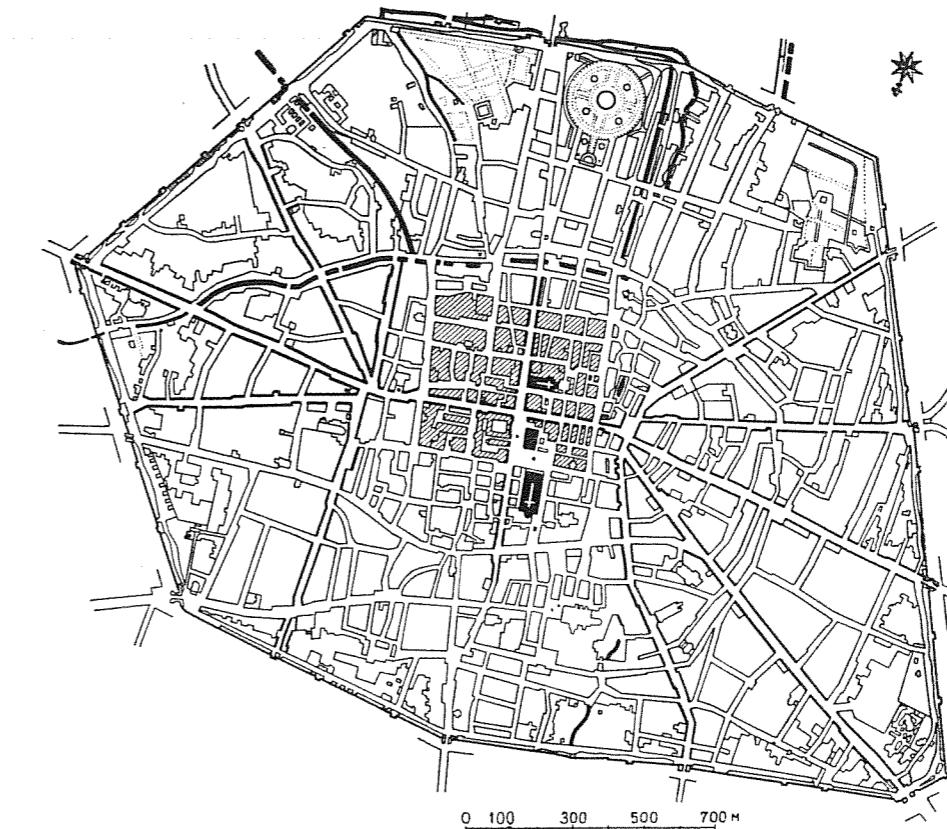
Практика показывает, что при решении проблем реконструкции старых городов далеко не все архитекторы (а нередко и утверждающие инстанции) ясно представляют себе, что же собственно характеризует в таких городах их историческую или художественную ценность. Как оптимальный вариант, часто с различными оговорками принимается в таких случаях во внимание лишь утвержденный список зданий — памятников архитектуры.

Многие, однако, не знают и даже не понимают, что выявление представляющих ценность памятников архитектуры в нашей стране, да и не только в нашей стране, в необходимых масштабах еще только начинается и представляет собой длительный и очень сложный процесс. Вместе с тем реконструкция старых городов проводится интенсивно и очень быстрыми темпами.

В этих условиях градостроитель должен научиться оценивать и выделять в реконструируемых городах их значительные в историческом и художественном отношении черты и особенности, подлежащие сохранению и выявлению в процессе реконструктивных работ.

Значительный интерес представляют прежде всего фрагменты и даже целые участки древней планировки города. Рассмотрим это на примерах.

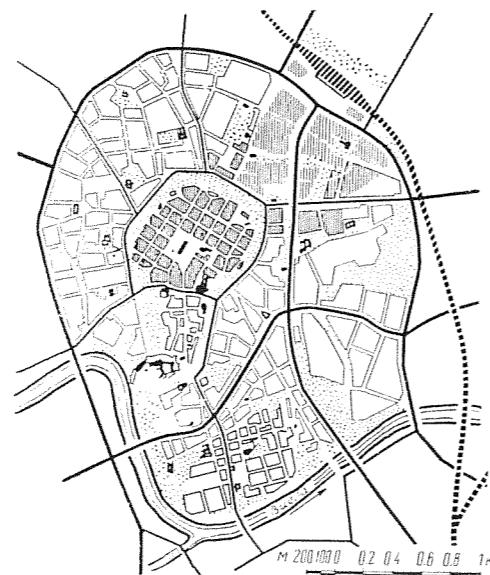
Античные города, заложенные в Центральной Европе древними римлянами, были в большинстве своем разрушены и лишь частично повлияли на формирование некоторых более поздних поселений. Однако центральные, наиболее древние части многих городов Европы сохранили

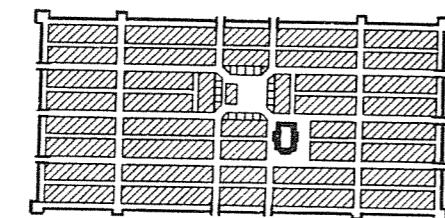
7. Болонья. План города, XIX в.

регулярную планировку, так как военные поселения древних римлян, как и многие их города, имели, как правило, строго регулярное расположение. Такую планировку имеет древний центр Флоренции, Болоньи (рис. 7) и ряда других городов. Даже в Англии сохранилось несколько городов, планировка которых восходит еще к временам античности (Чичестер, Уинчелси и др.). Следы этой древнейшей планировочной сетки представляют большую историческую ценность.

Приемы регулярной планировки городов вновь появляются в европейской архитектуре в XII—XIII вв. Таков, например, план древней части Кракова в Польше (рис. 8), где возле княжеского замка (на Вавельском холме) был разбит в XIII в. регулярный город с ратушной, прямоугольной площадью в центре, на которой размещались главный костел города — Марьянский, а также торговые ряды — знаменитые Сукеницы. Такой же регулярный план получили в те века и города Монпазье во Франции (рис. 9) и Ротвейль в Германии и т. п. Регулярная

8. Krakow. План города, XIX в.

9. Монпазье (Франция). План города XIII в.

чают в плане современного города фрагменты регулярной планировки античности от таковой средневековья и более поздних эпох, вплоть до нового времени. Остатки такой планировки в современном городе придают ему оригинальность и своеобразие и свидетельствуют о его древней истории и культуре.

Кроме регулярной планировки в старых городах часто встречаются образцы планировки радиально-кольцевой. Это очень характерный тип планировок средневековья. Возник он обычно стихийно. От общественного или торгового центра города застройка распространялась вдоль главных дорог, определявших направление главных радиальных улиц, прихотливо извивавшихся, как правило, в зависимости от рельефа местности и других природных условий. Кольца крепостных стен намечали попеченные улицы; промежутки планировались и заполнялись застрой-

планировка характерна для очень многих средневековых новых городов, получивших магдебургское право. Разумеется, и такие примеры регулярной планировки очень ценные как памятники истории материальной культуры и искусства, а сочетание элементов регулярной планировки с соседствующим средневековым замком в городах бургового типа отличает их от более ранних примеров и обуславливает значительный художественный эффект.

Регулярная планировка получила, наконец, самое широкое распространение в эпоху Возрождения и последующее время. Таков «идеальный город» Скамоцци, на плане которого еще сохранено кольцо крепостных стен. Сходную планировку имеет Ливорно в Италии, Саарлуи во Франции и т. п. В XVI—XVII вв. регулярная планировка появляется в ряде новых русских городов, заложенных Иваном Грозным и позднее (Самара, Астрахань, Бронницы, Тобольск и т. п.). Во многих случаях такая регулярная планировка появлялась и в новое время.

Специалисты соответствующего профиля без труда отли-

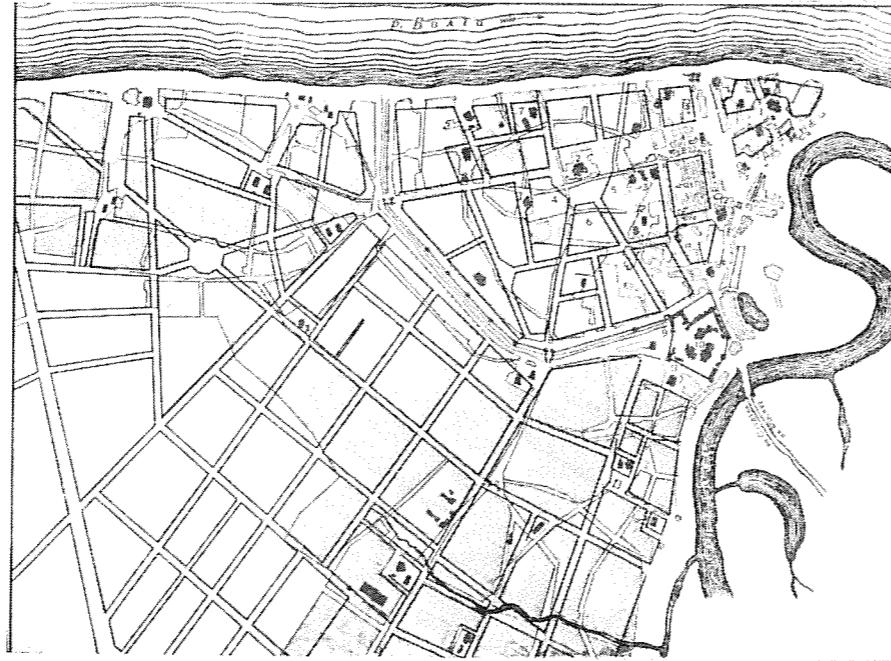
кой в зависимости от местных условий. Таков, например, план г. Нордлингена в Германии, как и многих других городов. Этот тип планировки пользовался большой популярностью и в эпоху Возрождения (например, г. Пальма Нуова, спроектированный Скамоцци и заложенный в 1593 г.). Радиально-кольцевой тип планировки потерял свое значение с развитием артиллерии и упразднением крепостных стен, однако реминисценции его встречались в отдельных случаях и позднее (сравнить план Карлсруэ). В тех случаях, когда такая планировка уцелела, она должна быть сохранена (с присущей ей шириной и траекторией улиц) и по возможности выявлена в планировочной структуре реконструируемого города.

Один из древнейших и чрезвычайно интересный тип планировки ландшафтный. В нем система улиц и кварталов застройки не определялась предвзятой идеей геометричности плана как при регулярном типе планировки и не стремилась к таковой в условиях реальных коммуникаций, как при радиально-кольцевом типе, а выявлялась как законченный континuum ландшафтных фракций, характеризуемых топографией и природными данными местности. Зодчий формировал при этом участки и районы застройки, подчеркивая выразительность существовавшего природного ландшафта средствами архитектуры и подчиняя планируемую сеть улиц помимо чисто коммуникационных требований также и задачам выявления и наилучшего обозрения формируемых ландшафтных подразделений. Очень многие древнерусские города планировались по этому принципу (Киев, Нижний Новгород, Переяславль-Залесский и др.). По принципу ландшафтной планировки начала формироваться и планировочная структура Москвы, лишь позднее приблизившаяся к радиально-кольцевому типу.

Ландшафтная планировка там, где следы ее сохранились, заслуживает самого пристального внимания, как одно из достоверных и наилучших свидетельств древности города и как одна из ценнейших его художественных особенностей. Планировка, например, центра древнего Вильнюса лучше всяких свидетельств и преданий говорит об его истории, его древности и вместе с тем создает ряд поразительных, дающих высокое эстетическое наслаждение художественных эффектов, по праву определивших значение этого города как города музея.

Отчасти сохранившаяся планировка центра Москвы создает у стен Кремля замечательный градостроительный эффект, выявляя и подчеркивая отходившие от него дороги на Смоленск, Ростов, Ярославль, Кострому, Владимир, Рязань, старую Самару и Астрахань, в Крымские степи и Золотую Орду. Бульвары Москвы раскрывают бывшее здесь прежде кольцо крепостных стен Белого города и т. д. Сохранившаяся в своих габаритах и планировочном решении с XVI в. (если не считать упраздненного рва) Красная площадь Москвы объединяет некоторые из этих радиальных магистралей; она, утратив свое прежнее преимущественное торговое значение, уже со времен Ивана Грозного стала превращаться в грандиозный форум столицы.

В планировке древних городов площади, особенно центральная площадь, имели не меньшее значение, чем сеть улиц, и играли роль своеобразной композиционной доминанты. Такова роль Красной площади

10. Ярославль. Генеральный план 1778 г., наложенный на исторически сложившуюся планировку города (заштрихована)

1 — Успенский собор; 2 — церковь Ильи Пророка; 3 — Афанасьевский монастырь; 4 и 5 — присутственные места; 6 — рынок (внутри квартала); 7 — Николо-Надеинская церковь; 8 — Знаменские ворота в посадской стене; 10 — Спасский монастырь с угловыми Угличскими воротами (9) и северо-западной глухой башней (11); 12 — старый торг и церковь Спаса

Москвы, уже упоминавшейся ратушной площади в Кракове или аналогичной площади в древнем Таллине, еще и сейчас сохраняющей значение общественного и культурного центра города. Таковы Вацлавская и Старомеская площади в старой Праге и т. п. Сохранение их в общей планировочной сети древней части города имеет первостепенное значение.

Помимо указанных типов планировки, т. е. ландшафтной, регулярной и радиально-кольцевой, в эпоху барокко, появляется также тангенциальная или лучевая (частный случай) планировка, впервые использованная в новой европейской архитектуре, вероятно, при пробивке новых улиц древнего Рима в XVI—XVII вв. Она была широко использована в парковых ансамблях Франции, а в конце XVII в. предлагалась для реконструкции пострадавшего в пожаре Лондона (проект Джона Ивлина и др.). В XVIII в. этот прием повсюду используется в европейской архитектуре и даже в США (генеральный план Вашингтона). В России такая планировка получила свое отражение в генеральном плане Петербурга, Екатеринослава, Твери, Воронежа, Ярославля и многих других городов (рис. 10). Сохранение элементов этой планировки

в генеральных планах реконструируемых городов также важно и в историческом, а в большинстве случаев, и в художественном отношении.

Город эпохи развивающегося капитализма отличался от города феодализма и структурно. Его общественный центр получает широкое развитие и уже не ограничивается теперь одной центральной площадью как в средневековом городе, а слагается из целой цепи площадей и проспектов. Таков общественный центр Петербурга середины XIX в. с группой его центральных площадей и набережных Невы: Дворцовая, Сенатская и Исаакиевская площади, площади перед Биржей, Марсово поле. Таков центр Москвы с ее площадями: Красной, Театральной, Лубянской (пл. Дзержинского) и др.

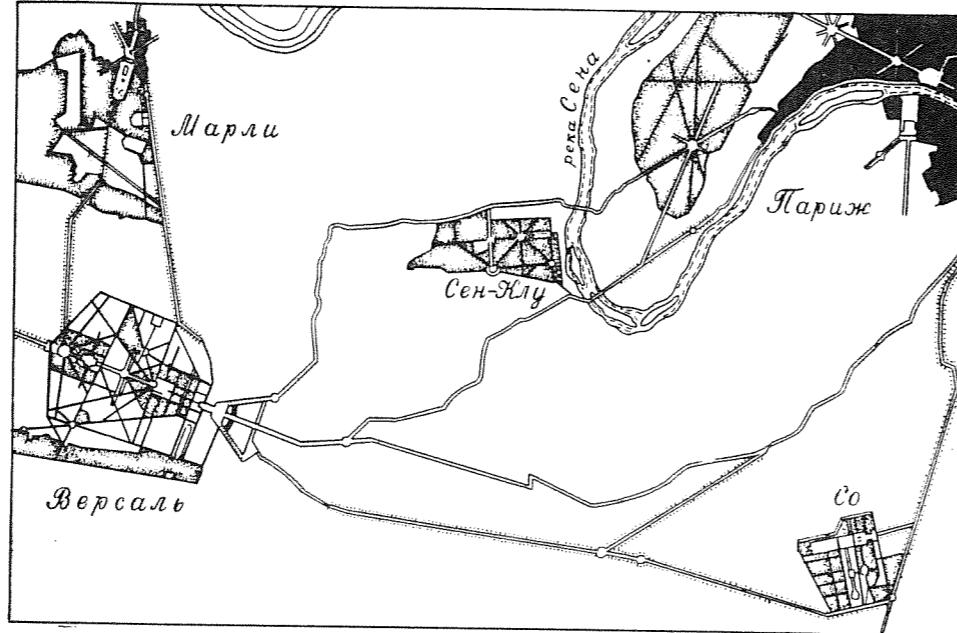
Необычайно разрастается тогда также торговый центр города, который в Москве, например, перешагнул границы Красной площади, захватил Охотный ряд и значительную часть Мясницкой улицы и улицы Маросейки, а в Петербурге занял практически весь Невский проспект. Кроме того, наряду с главным торговым центром, в крупных городах возникают большие региональные центры торговли с их рынками и скоплением магазинов. В этот период возникают и лечебные центры городов, пример которых для Москвы уже приводился выше.

Энергичное развитие получает в эпоху классицизма и в XIX в. центр Парижа. Сохраняя его прежнюю ось север—юг, определенную улицами Сен-Мартен и Сен-Жак, с одной стороны, и улицами Сен-Дени и Рю д'Анфер, с другой, архитекторы создают поперечную ось, развивая новый общественный центр города на северном берегу Сены, у основанного Филиппом II охотниччьего замка. Поперечная ось запад—восток развертывается последовательной цепью ансамблей, улиц и площадей от Елисейских полей и площади Звезды на западе через площадь Согласия, площадь Бастилии до застроенной уже в XIX в. площади Наций.

По плану Османа, в середине XIX в. проводится реконструкция некоторых старых и прокладка новых магистралей французской столицы: Авеню Императрицы, Авеню д'Опера, ряда бульваров (Сен-Мишель, Ришар-Ленуар и др.).

Крупные градостроительные мероприятия проводятся в XIX в. в Вене на Рингштрассе, с возникновением ансамблей у театра Гофбург, у музеев и т. д. Обширные площади и широкие улицы создаются и во многих других городах Европы.

Характерной особенностью градостроительства нового времени стало внедрение в планировочную сетку улиц и площадей города бульваров, обычно разбивающихся на месте древних укреплений, а также устройство скверов, садов и парков. Уже в конце XVII в. в Париже появляются бульвары, т. е. улицы, обсаженные деревьями, ширина которых превышала 20 м. Вслед за тем такие бульвары устраиваются и в других столицах Европы. В первой половине и в середине XIX в. парки и бульвары возникают во многих городах. Примерами могут служить знаменитый венский Ринг на месте древних укреплений города, Бульварное и Садовое кольцо Москвы (то же на месте древних укреплений), аналогичное зеленое кольцо в Кракове, Таллине и т. п. Здесь исторические особенности города имеют большое практическое значение.

11. Парковые ансамбли вокруг Парижа, конец XVIII в.

Существенно, что в эту эпоху город уже не представляет собой замкнутую архитектурную форму, резко ограниченную от окружающей местности крепостными стенами и самой планировкой его, а вступает в тесную взаимосвязь с природой и пригородами. Эта взаимосвязь определяется как композиционными приемами самой городской планировки (подобно решению площади Ройал Кресент в Бате или включению Булонского леса в территорию Парижа), так и организацией вокруг города целой сети ансамблей и комплексов, связанных с городом и функционально, и отчасти композиционно. Примером такого решения может служить сеть дворцов и парков вокруг Парижа: Версаль, Марли, Сен-Клу и др. (рис. 11).

Созданный в эту эпоху Петербург никогда не имел окольных крепостных стен и проектировался как город, открытый в окружающее пространство. Тем более естественно, что он, подобно Парижу, тоже был окружен эффектно задуманной сетью пригородных ансамблей, в число которых входили: Петергоф, Царское село, Гатчина и др. Однако вокруг Москвы, в которой крепостные стены (за исключением Кремля и Китай-города) были снесены и заменены бульварами, также создается в этот период кольцо великолепных ансамблей: Архангельское, Кусково, Кузьминки и т. п.

Сохранение древней планировочной структуры хотя бы в определенной части города помогает выявить и подчеркнуть его своеобразие и ин-

дивидуальные художественные особенности, а вместе с тем и историческую ценность, что существенно повышает его значение как памятника градостроительной и общей культуры народа. В этом смысле интересно, что даже самые смелые градостроительные реконструкции прошлого обычно (подобно, например, проектам Османа для Парижа) не разрушали полностью основного, древнего ядра города (в районе Сите и прилегающих кварталов). Можно отметить также, что в Лондоне после уничтожения застройки древнего города пожаром 1666 г. все же были отвергнуты очень интересные и талантливо спроектированные новые планы Кристофер Рэна и Джона Ивлина и сохранилась планировка исторического ядра.

О том, как интересно и важно, не только в научном, но и чисто практическом отношении сохранять существенные элементы древней планировки в структуре современного города, говорит пример Старе Място в Варшаве. Совершенно разрушенное во время второй мировой войны (рис. 12) Старе Място сохранило, однако, очертания своих древних улиц, отмеченных руинами взорванных и сожженных домов. Архитекторы Варшавы могли, разумеется, перепланировать эту часть города, но они приняли правильное решение — восстановить в центре

12. Варшава. Старе Място, 1945 г.

города его средневековую планировку, хотя при той грандиозной степени разрушения, которой подверглось Старе Място, у них, разумеется, была полная возможность и, казалось бы, достаточные основания с экономической точки зрения для расчистки поверхности и осуществления современных приемов планировки, как и для прямого пропуска магистрали восток—запад через территорию древнего центра.

Старе Място Варшавы было восстановлено точно в старых габаритах улиц. Вместе с тем был восстановлен и общий характер застройки с той же, что и раньше, высотностью домов, хотя во многих местах памятники архитектуры не сохранилось. При этом для пропуска новой магистрали восток—запад под всей территорией Старе Мяста устроили тоннель.

Жизнь оправдала это смелое и поистине оригинальное решение варшавских архитекторов. Старе Място стало символом возрождающейся Польши и приобрело, таким образом, кроме своего исторического, историко-культурного и художественного значения, также и огромное идеологическое значение. Вместе с тем его восстановление резко увеличило приток туристов, вследствие чего государственный бюджет не только не понес ущерба от дополнительных расходов на восстановление Старе Мяста, но приобрел статью постоянного, все увеличивающегося дохода.

Если мы рассматриваем город как памятник архитектуры и хотим сохранить его как произведение искусства, экспонат истории материальной культуры, его историческое значение, оригинальность, своеобразие, неповторимые черты, то недостаточно, разумеется, охранять лишь его планировку. Планировка воспринимается горожанином только в застройке и зрительно с ней связана. Поэтому невозможно или возможно в очень ограниченных пределах, не затрагивая древней планировочной сети улиц с их габаритами, произвести коренную реконструкцию или замену зданий. Отсюда прямой вывод — сохраняя ценные в историческом и художественном отношении части города, необходимо сохранять в них застройку. Следует также учитывать, что архитекторы сознательно использовали эффекты монументального строительства, чтобы подчеркнуть планировочную структуру города.

Если говорить в этом плане о сохранении древней застройки, следует отметить огромное градостроительное значение крепостных стен и башен там, где они уцелели. При подходе к остаткам крепостных стен как к памятникам архитектуры нередко высказываются суждения, что достаточно сохранить одну-две башни, одно-два прясла стен и наше потомство будет знать, какие были раньше крепости. Именно так рассуждали в XIX в. при намерении сломать стены и башни Китайгородской стены в Москве. Однако к остаткам крепостных стен нужно подходить не как к единичным памятникам архитектуры, а как к древней застройке, и сохранять их целиком, так как они тесно связаны с планировкой древних частей исторически ценных городов.

Как известно, крепости были наиболее характерной особенностью средневекового города. Городские укрепления — надежная защита от врагов в эпоху феодальной раздробленности и междуусобиц — были существенными элементами городской структуры, обеспечивающими

наибольшую эффективность человеческой деятельности, беспрепятственное и безопасное развитие торговли и ремесла.

Крепости сохранились во многих городах Европы. Если в городах Центральной и Западной Европы приходится различать среди таких укреплений замок сеньора и крепость собственно города, то в условиях нашей страны княжеские замки — редкость, а на территории РСФСР их вообще не сохранилось (обычно они были деревянными). Но городские крепости средневековья сохранились в нашей стране во многих городах.

Придавая столь большое значение этому важному элементу структуры средневекового города, жители его вкладывали в строительство крепостей огромные средства и колоссальный труд. Естественно, что при этом обращалось большое внимание и на художественные достоинства крепостных сооружений, являющихся, как правило, выдающимися произведениями народной архитектуры. Иногда мы знаем имена их строителей, как, например, итальянцев, строивших в конце XV — начале XVI вв. Московский Кремль. В большинстве же случаев эти всегда прекрасные творения народного зодчества прошлых веков остаются безымянными. Такие укрепления сохранились в Туле, Коломне, Новгороде, Пскове, Нарве, Таллине, Вильнюсе, Баку и других городах.

Художественное значение крепостных сооружений определялось не только их формами и композицией отдельных объектов, но и их связью со структурой и планировкой города. Самые мощные и высокие воротные башни часто располагались в перспективе главных улиц, подводивших к центру города важнейшие дороги. Эти башни входили, таким образом, органической составной частью в художественный замысел главных улиц, в их ансамбль. Высокая композиция башен придавала им значение организующей доминанты в планировке города, сходное со значением городского собора и церквей, которые давали городу ориентацию, помогали воспринимать его как композиционно целостный организм, что было важно для города средневековья с его нередко запутанной сетью улиц и переулков.

В Коломне, например, Пятницкие ворота крепости, сохранившиеся до наших дней, хотя и в отрыве от примыкающих к ним ранее стен, и поныне определяют направление главной улицы древнейшей части города, ведущей к центральной Соборной площади.

В Московском Кремле Спасская воротная башня указывает на направление главной улицы Кремля, выходившей на Ивановскую площадь, и одновременно направление главной дороги, соединившей Москву через Коломну — Рязань с юго-востоком страны. Эта дорога, изгибающаяся по Солянке, через современную Таганскую площадь «видела» проходившие по ней полки Дмитрия Донского, шедшие на Куликовскую битву и возвращавшиеся с победой.

Художественная выразительность крепостных сооружений была особенно впечатляющей при их обзоре снаружи, когда стены, башни и комплексы ворот сливались в одну общую, величественную картину апофеоза человеческого труда и искусства, мощи и смелости его творческих дерзаний. И даже в современных условиях, когда крепостные

стены оказываются окруженными новой застройкой не только внутри крепости, но и снаружи ее, при умелой организации прилегающего к ним пространства их художественная выразительность не уменьшается, а при некоторых условиях становится особенно доходчивой, как это показывают примеры Таллина, Новгорода и других городов СССР.

Вместе с тем, особенно в древнерусских городах, вокруг основной крепости-города строились начиная с XVI в. каменные крепости монастырей — его своеобразные форпосты, потом вошедшие в черту города. Их сооружения, хотя и более простые, перекликались с крепостными сооружениями самого города, вторили им и усиливали их художественную выразительность. Таковы Новодевичий, Донской и другие монастыри Москвы, монастыри Чернигова, Киева и других городов СССР.

Даже в тех случаях, когда крепостные сооружения древних кремлей уже разрушены и превратились в руины, как, например, Золотые ворота Киева, они сохраняют историческое и историко-культурное значение, выявляя, как говорилось выше, направление главных улиц первоначального города и особенности его планировки.

Во многих городах не сохранилось и руин древних стен и башен, но линии их расположения отмечают остатки древних земляных валов, как, например, в Рязани, Переяславле-Залесском или Владимире. Эти остатки также необходимо тщательно охранять как древнюю историческую реликвию.

Большое историческое, а во многих случаях и большое художественное значение имеет застройка центральной площади города или группы таких площадей.

Главная площадь — своеобразный форум средневековых городов, — как и их торговая площадь, была характерным элементом городской структуры. В ряде случаев такие общественные центры феодальных городов с их застройкой сохранили, в известной мере, свое значение и теперь. Такова Соборная площадь Московского Кремля и Торговая площадь города, ставшая теперь форумом мирового революционного движения, — Красная площадь Москвы. Сохранила свое большое общественное значение бывшая торговая площадь перед воротами детинца в Пскове. Не потеряла в определенном отношении свое значение площадь перед Софийским собором в детинце Новгорода. Ратушная площадь Таллина, как уже говорилось, — один из современных общественных центров города и т. д.

Центральные общественные и торговые площади средневековых городов хотя и не застраивались сразу, по единому плану, благодаря творческим усилиям поколений складывались в своеобразные, оригинальные ансамбли, обладающие высокими художественными достоинствами.

Замечательна, например, площадь св. Марка в Венеции, где средневековые постройки разных столетий вплоть до дворцов Возрождения сочетаются в неповторимом и полном своеобразной гармонии единстве. Чрезвычайно интересна в этом отношении и площадь Синьории во Флоренции, как и площади многих других городов Европы. Поразительна по своему художественному эффекту Соборная площадь Московского

Кремля, на которой в общем ансамбле сочетаются постройки XV, XVI, XVII вв. Очень красива застройка древних центральных площадей Праги, Кракова, Вильнюса, Риги, Таллина и других городов в странах социализма.

На таких площадях обычно возводилось какое-нибудь здание с отчетливо выраженной высотной характеристикой. Оно играло существенную роль в общей композиции и планировке города, определяя его центр и связывая этот центр с районными общественными центрами, которые нередко тоже отмечались вертикалями высотных сооружений и построек. Вместе с тем такое здание выявляло пространственную ось самой главной площади, организуя ее пространство. Таковы Кампанила на площади св. Марка в Венеции, Марьянский костел, а отчасти и Ратушная башня на главной площади древнего Кракова, колокольня Ивана Великого на Соборной площади Кремля в Москве и т. п.

Исключительно важное значение таких сооружений для пространственной организации главной площади и для общей планировочной композиции древней части города в целом заставляет относиться к ним с особым вниманием и всячески оберегать их от повреждений, переделок, а тем более сноса. В случаях неожиданной катастрофы, как это было в 1902 г. с колокольней венецианской площади, естественно возникает вопрос о полном восстановлении разрушений, поскольку такое здание имеет ценность не только само по себе, но и, как указывалось, очень большое градостроительное значение.

Такое высотное здание, однако, не всегда бывает главным на центральной площади. Композиционная структура древних ансамблей обычно очень сложна, и при решении вопросов, связанных с их даже частичным видоизменением, необходимо глубоко проанализировать ее.

Если, например, на площади св. Марка в Венеции главным зданием, композиционно подчиняющим себе все остальные, является собор, то уже при переходе на Пьяцетту композиционные соотношения существенно меняются и главным зданием становится Дворец Дожей. На этом примере мы можем также проследить, как умело зодчие эпохи Возрождения вписали в ансамбль площади новые постройки, найдя, например, для здания библиотеки элементы соответствия Дворцу Дожей (при совершенно ином архитектурном стиле) в пространственном решении, пластической выразительности, определенном соотношении масштаба и ритмических каденций, в какой-то мере даже в архитектурных формах. Вместе с тем путем повторения, хотя и в ином стиле, двухъярусной аркады в здании библиотеки ее зодчий умело подчинил эту новую постройку величественной громаде дворца. При изучении соответствия, гармоничного согласования построек разных эпох и стилей, кроме масштабного соотношения, ритмического сочетания, пластического созвучия, большое значение имеют и другие элементы композиционного построения: силуэт, архитектурные формы, рисунок, цвет составляющих элементов и тому подобное.

Для того чтобы сохранить и приумножить красоту и своеобразие современного города, чтобы подчеркнуть его историческое прошлое и оригинальность, нужно принимать все возможные меры для охраны и

поддержания в них этих драгоценных остатков средневекового прошлого, в первую очередь сохранившихся сооружений и зданий трех важнейших планировочных элементов города эпохи феодализма: его крепости, его общественного центра и его торгового центра.

Формирование архитектуры в эпоху капитализма (Возрождение, барокко, классицизм) также дало нам совершенные образцы градостроительного творчества, крупные, великолепно задуманные и блестящие осуществленные ансамбли. Королевская площадь, площадь Согласия в Париже, собор св. Петра с его площадью, Пьяцца дель Пополо, Капитолий, Пьяцца Навона в Риме, площадь Ковент-Гарден и постройки Нэша в Лондоне; Ройал Кресент и площадь Цирка в Бате, Дворцовая и Сенатская площади в Ленинграде и многие другие являются широко известными примерами ансамблевого строительства этого времени.

Если в эпоху феодализма ансамбли центральных площадей складывались в городах постепенно в результате усилий многих поколений и состояли обычно из зданий разного стиля, то в период Возрождения и барокко, а затем и классицизма такие ансамбли нередко создавались сразу, а иногда и просто одним архитектором, как это было при застройке Доменико Фонтана Пьяцца дель Пополо в Риме или, скажем, площади «Цирка» в Бате, возведенного Джоном Вудом. Такие ансамбли получали, естественно, отчетливо выраженную стилистическую характеристику, что существенно повышало их художественную ценность, придавая общей композиции внутреннюю целостность и законченность.

Самый характер площади в эту эпоху изменился. Средневековая площадь была всегда замкнутой. Она как бы уходила во внутреннее пространство помещенного в ней собора, оставляя снаружи лишь узкие обходы, как это можно видеть на примере собора Санта-Мария дель Фиоре во Флоренции и в других местах, либо тесно обстраивалась глухими фасадами вплотную примыкавших друг к другу зданий, своею замкнутостью напоминая дворы рыцарских замков.

Площадь периода барокко, Возрождения и классицизма прежде всего нарушила этот характер замкнутости с устройством в первых этажах зданий аркад. Такова знаменитая площадь Анунциаты во Флоренции, площадь Вогезов в Париже, площадь Ковент-Гарден в Лондоне. При этом случайный в известной мере характер застройки средневековых площадей становится закономерным, подчиненным общей композиционной идеи, с введением обычно на одном из концов площади главного здания. В дальнейшем открытый характер городских площадей барокко и классицизма еще больше усиливается. Одна из сторон при этом обычно остается без застройки (площадь Капитолия в Риме и др.). Возникают даже площади, застроенные только по одной из своих сторон (площадь Согласия в Париже, площадь Биржи в Петербурге).

Характернейшей особенностью общественных площадей Возрождения и барокко, а затем и классицизма было сочетание архитектуры со скульптурой, что особенно важно учитывать при реконструкции древних частей городов. Средневековая площадь нередко оживлялась

благодаря цветовому решению. Особенно интересна в этом отношении площадь св. Марка в Венеции, где полихромия мраморов и мозаик собора сочеталась с розовым цветом Дворца Дожей и красной кампанией. Площадь барокко и классицизма обычно одноцветна или значительно более сдержанна в цвете, но зато оживлена скульптурой, которая как бы сошла со стен зданий и превратилась в отдельно стоящие монументы, обелиски, колонны, фонтаны. Замечательный пример тому — площадь Капитолия, Пьяцца Навона и другие площади Рима, площадь Людовика XV в Париже, Сенатская и Дворцовая площади в Петербурге и т. п.

Постановка монументов, к которым следует причислить и триумфальные арки, на площадях всегда была результатом тщательно продуманных и тонко рассчитанных композиционных построений архитектора и скульптора, даже тогда, когда такие монументы воздвигались на уже сложившихся площадях средневековья, как это мы видим на примерах монументов Гаттамелаты Донателло или Коллеони Верроккио. Поэтому перемещение монументов на новое место при возможных реконструкциях не должно допускаться как прямое нарушение архитектурно-художественного ансамбля.

Немалую ценность для выявления особенностей планировочного решения имеют зачастую застройка и общее архитектурное решение улиц древнего города. Средневековые улицы создавались и застраивались постепенно. Их живописные эффекты и архитектурные ценности формировались, как и на площадях, в результате усилий многих поколений. Значительные в художественном отношении перспективы, завершенные башней городских ворот, колокольней или собором, редко были результатом заранее продуманных композиционных построений и часто возникали как последующие добавления. Парадная улица древней Флоренции улица Кальцайоли, например, не связана перспективой, ни с собором Санта Мария дель Фиоре, ни с синьорией. Однако сложившийся характер ее застройки отвечает и ее габаритам и общей планировочной композиции и должен, разумеется, охраняться при возможных реконструкциях города и при необходимой модернизации жилой застройки.

Жилая застройка города эпохи феодализма осуществлялась при строгой регламентации высоты, а главное, ширины домов. Городское право средневековья (так называемые Магдебургские статуты) предоставляло гражданам городов ряд политических прав и значительно большую степень свободы по сравнению с сельским населением. Вместе с тем в нем предусматривались некоторые градостроительные указания, например ограничения ширины жилой застройки. Поэтому дома выходили, как правило, на площади и улицы своими узкими фасадами и получали развитие в глубину участка, что должно учитываться в условиях реконструкции.

При восстановлении Старе Мяста Варшавы, реставрируя памятники архитектуры, архитекторы, например, по возможности сохраняли эти особенности планировки жилых домов. Однако в тех случаях, когда для сохранения общего характера застройки и местного «колорита» строи-

лись здания на совершенно пустом месте, варшавские архитекторы, выдерживая особенности средневекового фасада, существенно модернизовали планировку строящегося дома и самого участка, предоставляемую будущим жильцам Старе Мяста весь максимум удобства и санитарного обслуживания современного европейского города.

В эпоху Возрождения, барокко и классицизма роль улицы в общей планировочной и пространственной композиции города, как и ее собственное композиционное построение, существенно меняется. Так, во Флоренции построенная позднее улица Уффиций, во-первых, получает законченное ансамблевое решение, во-вторых, ориентируется так, что перспектива ее завершается башней синьории и куполом собора. Улица Корсо, как и две смежные улицы в Риме, завершаются в перспективе обелиском на Пьяцца дель Пополо. Улицы, сходящиеся к площади Звезды в Париже, ориентированы на Триумфальную арку, Невский проспект в Ленинграде — на шпиль Адмиралтейства и т. д.

Интересен в этом отношении проект реконструкции города Ярославля, разработанный в конце XVIII в. (см. рис. 10). Важнейшие улицы города по этому проекту, сходящиеся в его общественном центре, ориентированы на замечательное по своим художественным достоинствам здание Ильинской церкви XVII в., а весь общественный центр решен в виде обстроенной правительственными зданиями площади, переходящей в широкую эспланаду, перспективу которой завершало здание собора.

Улицы получали в тот период обычно ограниченную по высоте застройку, что обеспечивало целостность ансамблевого решения. Они вместе с тем украшались раскрывающимися на них сложными ансамблевыми построениями. Начало таким композициям было положено, вероятно, блестящим замыслом Испанской лестницы на улице Бабуино и Испанской площади в Риме, что нашло позднее свое великолепное развитие в таких шедеврах, как площадь Казанского собора в Ленинграде.

Высокие художественные достоинства созданных в эту эпоху ансамблей, своеобразие и оригинальность общей планировки, нередко охватывающей целые районы города и, как правило, осуществлявшейся в то время по заранее разработанному плану (реконструктивные мероприятия Лондона, Парижа, Петербурга, Москвы и т. д.), побуждают нас тщательно оберегать сохранившиеся образцы такой планировки и определяющей ее застройки.

Сохранить планировку городов эпохи формирующегося капитализма значительно легче, чем планировку средневекового города. Она во многих случаях почти без реконструктивных мероприятий (или лишь с незначительными из них) может быть приспособлена к требованиям современной городской жизни. Примером является застройка центра Ленинграда, где и требования современного транспорта, и другие специфические запросы современного города могут быть удовлетворены при правильной организации этого дела в рамках и габаритах улиц XVIII и XIX вв.

Высокие архитектурные достоинства застройки этой эпохи, целостные законченные ансамбли, возведенные, как правило, архитекторами

с мировым именем, естественно, ограничивают посягательства на искашение пространственных решений города.

Если в период Возрождения и барокко облик города слагался из отдельных зданий и разрозненных ансамблей, хотя и достигавших порой обширного развития, то город периода классицизма стал рассматриваться уже весь как законченное целое.

Этот принцип не всегда удавалось распространить на весь город. Но, во всяком случае, значительные части города все же подчинялись, по воле архитекторов, этому строгому требованию, чему существенно способствовали, в частности, регламентация застройки по высоте и вывод зданий на красную линию. И когда ставится вопрос о сохранении элементов старой планировки и застройки этой эпохи в каком-нибудь городе, приходится учитывать самым внимательным образом все рассматриваемые положения.

Понятие ансамбля в это время воспринималось очень широко и связывало в единую композицию не только группу выдающихся общественных зданий, но и эти последние с кварталами рядовой застройки. Так, без Невского проспекта и Гороховой улицы с их рядовой застройкой, хотя и прерываемой (на Невском проспекте) подчас выдающимися произведениями архитектуры, Адмиралтейство с его центральным шпилем было бы значительно менее эффектным.

«Новая Голландия» в том же Ленинграде, только в противопоставлении окружающей ее рядовой застройке и в сочетании с ней, сохраняет и выявляет полностью значительность своего архитектурного решения и свое поэтическое очарование.

Здание библиотеки им. В. И. Ленина (дом Пашкова) в Москве, построенное В. И. Баженовым, получает выразительность и выявляет впечатляющую красоту своей композиции в таком же сопоставлении с окружающей его рядовой застройкой, регламентированной по высоте и решенной в простых архитектурных формах.

Таким образом, во многих случаях сохранение памятников архитектуры эпохи классицизма немыслимо и не достигает цели без сохранения окружающей их рядовой застройки, с которой они образуют законченное целое — своеобразный ансамбль. Вместе с тем, оберегая наряду с выдающимися шедеврами архитектуры прошлого также и окружающую их рядовую застройку, мы охраняем нечто большее, чем такой ансамблевый комплекс, — мы оставляем в городе образцы его древней архитектурной планировки, образцы градостроительных решений, которые сами по себе могут и должны быть предметом специальной, тщательно проводимой охраны.

При проведении в жизнь новых градостроительных решений сохранение выдающихся образцов старой планировки и определяющей ее застройки представляет собой дополнительную сложную задачу. Однако талантливый градостроитель и архитектор всегда найдет правильное, полноценное решение, учитывая оба аспекта композиционных поисков. И здесь будет уместно вспомнить слова Бернини, который говорил: «Я всегда был того мнения, что тот, кто может построить большие и величественные здания, не разрушая уже построенного, заслуживает уже

величайшую похвалу, так как для того, чтобы это сделать, требуется больше знаний»¹.

Примеры бережного отношения к архитектурному наследию прошлого и стремление сохранить не только отдельные здания, памятники архитектуры, но и образцы той высшей формы архитектуры, которая зовется «городом», можно отметить в различных европейских странах и в практике советских архитекторов.

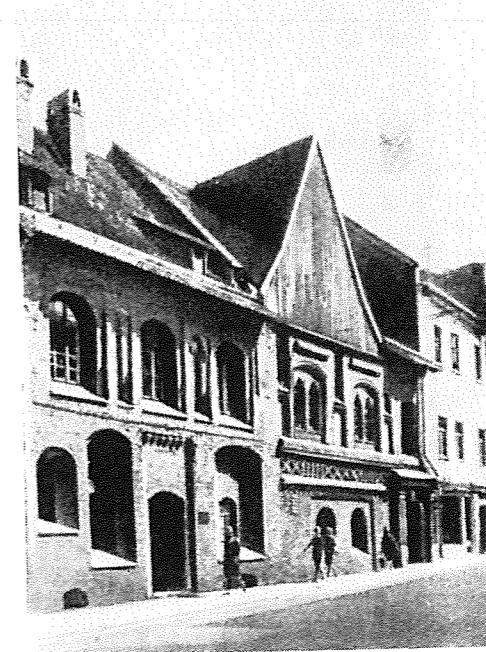
Образцы высокой градостроительной и общей культуры показали архитекторы Литвы, Эстонии и некоторых других республик Советского Союза. В Таллине, Вильнюсе и других городах архитекторы оставили нетронутой древнюю застройку старой части города, выискивая, реставрируя имеющиеся там памятники архитектуры (рис. 13) и сохраняя дома рядовой застройки, которые намечено реконструировать лишь в отношении их санитарного оборудования и осуществления современных требований к планировке и благоустройству квартир.

В тех же случаях, когда вследствие разрушения старой постройки или по другим причинам возникала необходимость строительства в старой зоне нового здания, оно проектировалось с должным тактом и учетом всех требований городской застройки средневекового города, хотя, разумеется, и в современном нам стиле. Примером может служить Дом профсоюза рыбаков на Рыночной площади Старой Риги и т. п. (рис. 14).

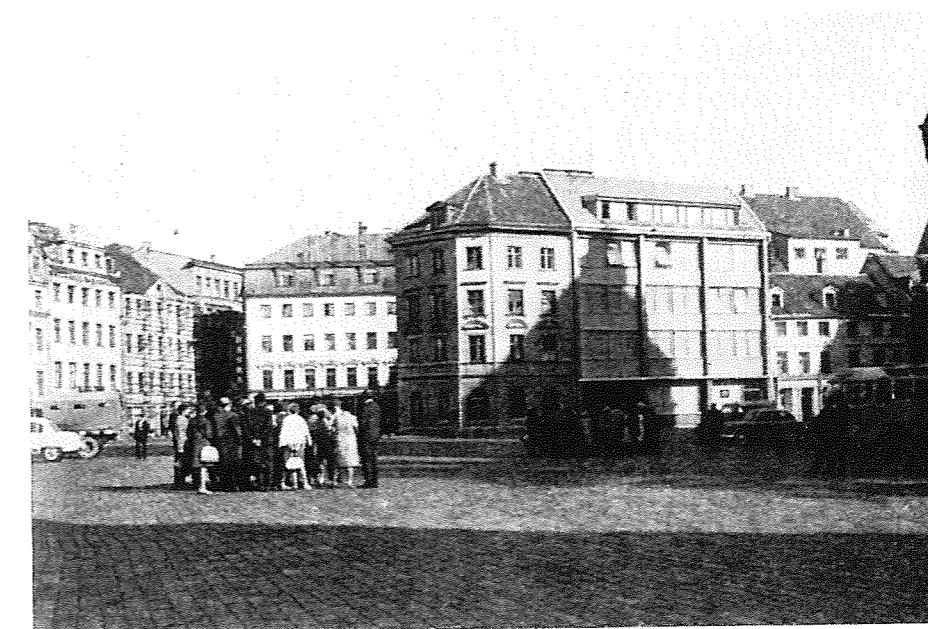
Красота и чарующие живописные эффекты средневековых городов с их замкнутыми перспективами и многообразием аспектов рассмотрения при сохранении их застройки и должной реставрации памятников архитектуры с обеспечением, разумеется, высокого уровня благоустройства вызывают обычно всеобщее восхищение. Огромное эстетическое наслаждение доставляют в таких городах не только художественные достоинства сохранившихся там зданий, но и наглядное у становление дистанции культурного развития и прогресса, пройденной человечеством на протяжении столетий. Созерцая сохранившиеся творения зодчих прошлых веков, человек интенсивно воспринимает мощь своего творческого гения, способность его произведений противостоять разрушительному дыханию времени и преодолеть его, осознает свою власть над природой и способность творить для вечности.

Вместе с тем постоянное общение с творениями своих предков наполняет человека гордостью за свой народ. «Сохранение в нашей стране многочисленных исторических памятников древнерусского зодчества... является одной из основ формирования коммунистической культуры и важнейшим средством воспитания современного поколения в духе глубокого уважения к истории родины, к огромному труду и творческому гению нашего народа»².

13. Вильнюс. Реставрированный жилой дом на улице Горького, XVI в.

14. Рига. Рыночная площадь ▼

¹ Мастера искусства об искусстве, т. I, 1937, с. 318.

² Пособия М. В., Орлов М. А. и др. Проектные предложения и технико-экономические обоснования по созданию туристического центра в Суздале. М., 1967, с. 3.

Каким же образом может практически осуществляться консервация древних кварталов и районов исторических городов?

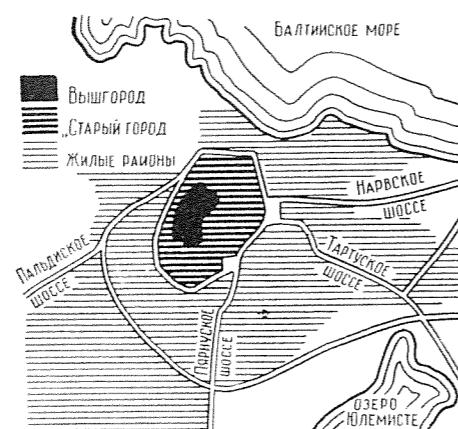
Первым и главным условием творческой работы современного архитектора, направленной на сохранение исторического лица древнего города, служит обязательное выявление путем реставрации древних зданий, средствами новой застройки или хотя бы планировки первоначального центра такого города (рис. 15), даже в тех случаях, когда древних зданий в нем не сохранилось. По-видимому, большой ошибкой реконструктивных работ в Минске было полное игнорирование этого требования, вследствие чего место возникновения города, его древнее «замчище» осталось «не обыгранным» в новом генеральном плане.

Очень важно сохранить древнюю сеть улиц, во всяком случае в районе исторического центра. И снова, если часть из таких улиц разрушена или искажена, необходима их реконструкция если не средствами застройки, то хотя бы планировочными приемами ландшафтной архитектуры.

Самое важное мероприятие — сохранение древней застройки исторического центра, что всегда обогащает архитектурный образ города и повышает его эстетические качества. При этом, если отдельные объекты такой застройки, имеющие историческую и художественную ценность, пришли в аварийное состояние, они должны быть сохранены в состоянии руин, как это было сделано с Золотыми Воротами Киева или с разрушенным во вторую мировую войну собором в Ковентри и т. п.

При незначительной же их ценности и при отсутствии встроенных древних значительных остатков руины могут быть заменены новой постройкой, не нарушающей, однако, высотные и всякие другие ограничения, существовавшие ранее в этой части города, и по своему архитектурному образу отвечающей композиции окружающих зданий, хотя

и в другом стиле. Пример такого типа встройки в Риге приводился выше. Интересны также примеры застройки в Яворе или проекты застройки острова Трончетто в Венеции и т. п. Очевидно, что сохранившиеся здания там, где это не нарушает целостность имеющихся исторически ценных интерьеров, должны быть внутри модернизированы для доведения их гигиенических и культурно-бытовых особенностей до уровня современного комфорта. Здания с сохранившимися ценностями в художественном и историческом отношении интерьерами следует считать неприкосновенными памятниками архитектуры, система использования которых должна

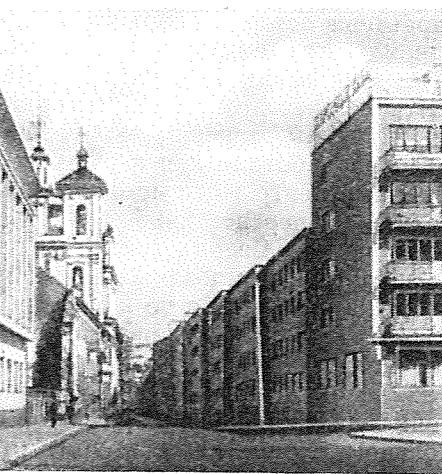

15. Историческое ядро Таллина в структуре города

подчиняться требованиям государственной охраны.

Все здания в районе сохраняемой исторической застройки необходимо подвергнуть тщательному и глубокому исследованию специалистов-реставраторов, так как многие из них могут скрывать под позднейшей малооценной оболочкой подлинные и замечательные образцы древней архитектуры.

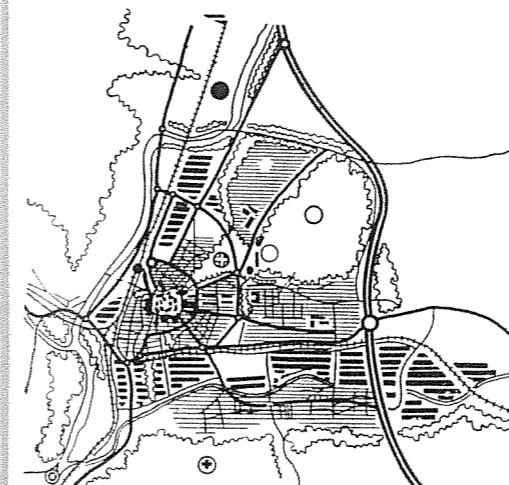
Окончательная реставрация, отделка и подготовка к туристическому показу древних частей исторических городов должны быть темой специальных градостроительных планов, входящих существенной составной частью в общий генеральный план развития и реконструкции всякого исторического города. Здесь необходимы особые, тщательно разработанные технико-экономические обоснования и предварительные эскизные проработки, как это было сделано для Суздаля, в подготовке которых принимают активное и существенное участие научные учреждения и проектные мастерские, специализированные по вопросам охраны и реставрации памятников архитектуры.

16. Вильнюс. Застройка улицы Гарялио

Важнейшей основой сохранения и консервации планировки и определяющей ее застройки древних частей исторического города должно быть общее принципиальное решение перспективного генерального плана, составленного с учетом требований такой консервации.

В практике советского градостроительства в ряде случаев были взяты правильные принципиальные установки для перспективного генерального плана. Правильно намечено развитие Вильнюса, в первую очередь вдоль Красноармейского проспекта и на заречной стороне, с сохранением общего

17. Жилина (ЧССР). Генеральный план развития города

характера исторического ядра города (рис. 16). Аналогичное решение приняли для разработки Таллина, хотя в этом вопросе встречается здесь еще много трудностей, в частности, с размещением промышленности и с выходом города к морю.

Правильное решение о развитии городского общественного центра было разработано для г. Горького, где сначала хотели оставить общественный центр в его историческом ядре, в нагорной части, а затем наметили его перспективное развитие на берегу Оки. Аналогичное решение приняли для Свердловска, где развитие общественного центра пошло по широтной композиционной оси от Верхне-Исетского пруда до озера Шарташ, а селитьба по принципу формирования комплексных планировочных районов была приближена к местам приложения труда¹.

Ряд интересных в этом плане решений дает зарубежная практика. Так, проект развития Кракова еще в 1930-х гг. предусматривал консервацию центральной исторической части города и окружения ее зеленым кольцом. Привлекают в этом отношении внимание также последние проекты развития Белграда, где застройка древней части города сохранена, а перспективное его развитие намечено на левом берегу Савы. Сходные решения можно отметить и в малых городах, например в г. Чешские Будейовицы, в г. Жилина и др. (рис. 17).

Важным моментом для правильного понимания задач сохранения и консервации древней планировки и определяющей ее застройки исторических городов служит разработка предложений о принятии под государственную охрану исторически ценных городских районов и кварталов (осуществленная, например, органами охраны памятников архитектуры Вильнюса, Таллина и некоторых других городов).

Широкое внимание советской общественности к этому вопросу, а также специальных научных учреждений обеспечивает должную основу правильного решения этой сложной и трудно разрешимой проблемы.

¹ Хауке М. О. Планировочная структура крупного города. В сб.: Планировочная структура и центры городов, Киев, 1967, с. 7 и др.

III. ОТДЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ, АРХИТЕКТУРНЫЕ АНСАМБЛИ. МЕТОДЫ ИХ СОХРАНЕНИЯ

В. Я. Либсон, Д. Н. Кульчинский

Как видно из анализа развития городов, изложенного в предыдущей главе, изменения планировочной структуры и застройки закономерны как следствие поступательного развития общества. И долг архитектора-градостроителя заключается в том, чтобы при всех изменениях реконструируемого города способствовать сохранению памятников архитектуры и их градостроительного значения. При этом под памятниками архитектуры подразумеваются не только отдельные здания, но и целые комплексы; окружающая застройка, соответствующая им по принципу подобия или контраста; части города, обладающие архитектурной целостностью; планировка отдельных районов его, связанная или не связанная с памятниками архитектуры, и даже природные особенности, наделяющие город красотой и свойственным ему индивидуальным обликом.

Консервационные и реставрационные работы сохраняют памятники архитектуры, обеспечивают им дальнейшее существование, возвращают им искаженную позднейшими переделками былую красоту. Но градостроительное значение этих памятников, их влияние на окружающую застройку и на облик города в целом должны сохраняться и усиливаться соответствующими планировочными мероприятиями. В тех случаях, когда развитие города происходит за счет освоения новых территорий, не затрагивая старых частей его, задача сочетания старой и новой архитектуры решается сравнительно просто. Но значительно труднее решить ее в случае реконструкции старых частей городов, нередко их центров, наиболее насыщенных памятниками архитектуры прошлого и значительно сохранившими общий облик, свойственный минувшим эпохам. Здесь необходимы специальные градостроительные мероприятия не только для включения памятников архитектуры прошлого в ткань реконструируемого города, но и для их сохранения. Важнейшие из таких мероприятий — создание охранных зон и зон регулируемой застройки.

Исторически сложившиеся территории современного города можно рассматривать как архитектурно-целостную и одновременно постоянно развивающуюся среду, где сталкиваются и приходят в определенные противоречия условия существования старого и нового. Современные требования к городу, связанные с развитием промышленности, транспорта, ростом населения, ростом степени комфорта и обслуживания, увеличением фонда зданий и плотности застройки, со всей очевидностью

обнаруживают необходимость реконструкции старых городов. Одновременно с повышением культуры градостроительства все большее внимание уделяется сохранению исторического наследия, что базируется на понимании его первостепенного значения для современного общества, для развития самобытной национальной и общечеловеческой культуры. Ставится вопрос об эффективном использовании сохранившихся архитектурных памятников, об их активном влиянии на социальное и архитектурное формирование современного городского пейзажа. Об этом красноречиво говорят материалы конгресса Международного союза архитекторов в Праге.

Интенсивность современного строительства так обостряет противоречие между ростом городов и стремлением сохранить их исторически сложившийся облик, что для правильного разрешения этого противоречия в каждом конкретном случае, кроме индивидуального творческого подхода, требуются общие методологические и правовые установки. Эти установки должны исключить соблазн «легкого» решения задач градостроительства за счет объектов истории, архитектуры, культуры. Градостроительные ограничения, направленные на защиту памятников, не только от «физического» уничтожения, но и от «морального», композиционного уничтожения их новой застройкой, могут стать действенным средством обогащения палитры города, позволят отказываться от неоправданных типовых и банальных вариантов застройки. Технические возможности современного строительства позволяют легко компенсировать отход от нормативных плотностей застройки постановкой высотных сооружений, применением эффективных решений для организации движения транспорта.

Термины «охранная зона» памятников архитектуры и «зона регулирования» возникли сравнительно недавно. Однако проблема охранной зоны историко-архитектурных сооружений, проблема сохранения древних ансамблей в процессе реконструкции населенных пунктов существует практически несколько столетий.

Достаточно привести в качестве примера перепланировку Парижа в XVIII в. и в 50-х гг. прошлого века. Новые магистрали и знаменитые ныне бульвары буквально прорубались в толще средневековой застройки. Однако наиболее древняя часть столицы Франции — остров Сите с собором Парижской Богоматери и рядом других сооружений — была сохранена в неприкосновенности, так же как и большие дворцовые комплексы XVI—XVIII вв. Мало того, в результате реконструкции многие выдающиеся сооружения получили более полное раскрытие и были органически включены в новые ансамбли. В следующем столетии в Риме сносом кварталов со старой застройкой между Колизеем и памятником Виктору-Эммануилу были раскрыты древние сооружения форумов.

С особой остротой проблема территориальной неприкосновенности участков, занятых памятниками зодчества, возникла в конце XIX в. в связи с ростом городов и бурной концентрацией в них населения. Не маловажную роль в этом вопросе сыграло повышение интереса к памятникам истории и культуры. Еще в 1737 г. Комитет Санкт-Петербург

ского строения разработал регламентацию «регулярной» застройки города, предусматривающую определенные соотношения между высотой зданий и шириной улиц. Эта регламентация получила дальнейшее развитие в градостроительном законодательстве.

Со всесторонним учетом исторически сложившегося облика северной столицы эти правила видоизменялись, регламентируя и застройку второй половины XIX и начала XX в. Благодаря этим градостроительным правилам сложились в органическом единстве, несмотря на разностильность построек XVIII—XX вв., ансамбли Невского проспекта и других улиц.

Такого же рода заботой об ансамблевости, но уже в другом аспекте, в плане художественного контраста новой застройки конца XVIII в. с древними сооружениями Кремля характеризуется в Москве деятельность М. Ф. Казакова и несколько позже Бове, руководившего восстановительными работами после пожара 1812 г., проводимыми Комиссией строений.

Однако, несмотря на ряд директивных мероприятий в области градостроительства, огромное количество историко-художественных сооружений пострадало от позднейшей застройки, возводившейся иногда вплотную к стенам памятников зодчества. Укажем, к примеру, на монументальный собор XVII в. в Измайлово, к северному и южному фасадам которого во второй четверти XIX в. были сделаны безобразные пристройки корпусов казарменного типа. Многие архитектурные ансамбли были испорчены на рубеже XIX и XX вв. в Ленинграде. Так был застроен доходными домами фасад Адмиралтейства со стороны набережной Невы, нарушены ансамбли у Таврического дворца и Смольного института.

Примеры, характеризующие бездумную застройку территорий, где расположены памятники зодчества, приведшую к нивелированию художественного облика многих исторически сложившихся мест, можно продолжать до бесконечности. Особую остроту проблема сохранения эмоционального воздействия памятников зодчества при реконструкции городов имеет сегодня, когда эта реконструкция ведется в масштабах, неизмеримо больших, чем раньше, а массовая застройка осуществляется в некоем обезличенном «функциональном» стиле, общем не только для отдельных стран, но и для целых континентов.

К решению вопросов организации территорий, занятых памятниками зодчества, их органического включения в новые ансамбли в процессе реконструкции городов в Советском Союзе приступили сравнительно недавно. Сформулированы лишь самые общие требования в соответствующих разделах строительных правил и норм. Выпущен и действует ряд директивных документов и постановлений. К сожалению, эти законодательные и нормативные материалы все еще недостаточно влияют на практику реконструкции городов Советского Союза, что является результатом недооценки значения памятников культуры в современной планировке и застройке.

Установление охранных зон — одно из основных мероприятий по сохранению памятников архитектуры и призвано обеспечить условия

для максимального раскрытия архитектурно-художественных качеств памятников в современной городской застройке.

Для каждого памятника (ансамбля) охранная зона требует особых подходов, который зависит от архитектурных, художественных качеств памятника и его места в структуре городской застройки.

Основные требования, определяющие размеры и конфигурацию территорий охранных зон, заключаются в следующем:

а) включение в охранные зоны основных обзорных точек, обеспечивающих возможность лучшего осмотра памятников;

б) включение в территорию охранных зон отдаленных видовых точек и секторов обзора для памятников архитектуры и историко-архитектурных ансамблей, имеющих по своим архитектурно-художественным, композиционным и природным качествам градостроительное значение;

в) включение в охранную зону застройки, создающей исторический и масштабный фон для памятников архитектуры;

г) возможность обеспечения архитектурно-пространственной связи с расположеннымными вблизи памятниками архитектуры.

На территории охранных зон памятников архитектуры запрещается новая застройка, и все вопросы использования территории (благоустройство, озеленение, размещение временных сооружений и пр.) решаются с учетом создания наиболее благоприятных условий для сохранения и экспозиции памятника и согласовываются с органами государственной охраны памятников архитектуры.

На территории охранных зон подлежат сносу постройки, искажающие памятники и мешающие их осмотру, а также малооценные и ветхие сооружения, захламляющие территории.

Наиболее ответственный и острый момент в проектировании охранных зон — определение их границ. Ведь ценность городских территорий не позволяет устанавливать границы охранных зон свободно, «с запасом», но вместе с тем ошибка в сторону их уменьшения может привести к тому, что охранные зоны не будут достигать тех целей, для которых они предназначаются. Определением оптимальных зон ограничения и создаются условия для перевода конфликта между «новым» и «старым» на путь поиска их гармонического сочетания. Один из важнейших этапов для определения этих условий — историко-художественная оценка городской территории, обуславливающая принципиальное направление ее развития в структуре реконструируемого города.

«Надо уметь отобрать то, что должно быть сохранено, не все имеет право на вечность» (из Афинской хартии).

Исторически сложившиеся территории охранных зон, содержащие памятники культуры, можно разделить на три категории.

I. Территории ансамблей — с сохранившимися памятниками культуры, образующими единое градостроительное образование.

II. Территории комплексов, на которых отдельные памятники культуры объединяются с окружающей застройкой и представляют ценность в историко-градостроительном, художественном или этнографическом отношении.

III. Территории охранных зон отдельных памятников культуры.

В Советском Союзе проведена громадная работа по инвентаризации и учету памятников культуры, подлежащих охране. Эта работа — лишь одна из частей обследования — правда, может быть наиболее трудоемкая. Имеющиеся данные, внесенные в исходные проектно-планировочные материалы, помогут ориентировочно определить характер изучаемой территории, наметить участки, которые в потенциале несут те или иные черты предлагаемой классификации памятников архитектуры, позволяют организовать дальнейшую работу, определить ее объем и специфику.

Остановившись подробнее на перечисленных категориях классификации, следует указать, что она определяет не только взаимосвязь между памятниками культуры и окружающей архитектурной средой, но и обуславливает, зачастую, как функциональное зонирование на исторически сложившихся территориях, так и главную тему их объемно-пространственной композиции.

I. Сохранившиеся ансамбли на территории первой группы должны быть композиционными центрами этих территорий, которым необходимо подчинить всю проектируемую застройку. Это могут быть не только территории ансамблей, сохранивших свой первоначальный облик и исторически сложившиеся границы, отмечаемые обычно сооружениями по их периметру (стены кремлей и монастырей, застройка площадей и улиц, строения и парки усадеб), но и ансамбли, частично утратившие элементы былого облика, известные по документальным данным и сохранившимся фрагментам. Проектные решения должны предусматривать реставрацию искаженных частей ансамбля, воссоздание утраченных его частей, снос находящихся на территории чуждых сооружений. Проектные решения должны предотвращать проведение строительных мероприятий, ведущих к дальнейшей утере архитектурно-художественного образа памятника архитектуры.

Пример — единственная сохранившаяся в Москве площадь из числа созданных при реконструкции и восстановлении Москвы после пожара 1812 г. «Театральная площадь» (пл. Свердлова), на первый взгляд уже не представляющая собой памятник градостроительного искусства начала XIX в. Но изучение ансамбля показывает, что здесь наряду с полным сохранением первоначальных красных линий застройки до нас дошли почти все основные элементы замысла архитектора О. И. Бове: четкой симметричной композиции, центром которой является Большой театр, фланкированный по длинным сторонам двухэтажными зданиями с аркадами по периметру, противопоставляется живописный «прорыв» на Китай-город с теремами, колокольнями, куполами церкви Василия Блаженного и шатрами Кремлевских башен. Все эти элементы первоначальной композиции существуют: Большой театр, Малый театр, двухэтажные здания по западной стороне с фрагментами аркад (правда надстроенные), панorama Китай-города, фонтан с группой скульптора Витали и т. д. Наибольший урон цельности ансамбля принесло сооружение гостиницы «Метрополь» в начале 1900-х гг. Но масштаб, ритм членений, мотив аркад нижних этажей отвечает первоначальной

застройке площади, позволяя зданию не быть чуждым ансамблю Бове. Нарушенная этажность и пластическая обработка сооружений по западной стороне могут быть легко документально восстановлены. Имеются также все данные, чтобы восстановить разобранный участок китайгородской стены с полукруглой башней и раскрыть панораму древних строений Печатного двора, Славяно-греко-латинской академии и др.

Первоочередная задача в этом случае — создание градостроительных ограничений, не допускающих уничтожения и имеющейся потенциальной возможности воссоздания ценного ансамбля постановкой сооружений, противоречащих масштабу и основному принципу первоначального замысла. А такие предложения неоднократно делались. Среди них и проект реконструкции площади акад. И. В. Жолтовского, проекты кинотеатров арх. Д. Н. Чечулина, Л. Павлова, проекты реконструкции гостиницы «Москва».

II. Для иллюстрации второй категории памятников в предлагаемой классификации можно рассмотреть территорию, примыкающую к площади Свердлова с юга.

Вдоль улицы 25-го Октября расположены замечательные памятники культуры, затерянные среди застройки конца XIX — начала XX вв. Среди них Печатный двор (XVI—XIX вв.), Славяно-греко-латинская академия (XVII—XVIII вв.), Монетный двор (XVII—XVIII вв.), к северу во дворе церковь Успения (конец XVII в.), церковь Ильи Пророка в Новгородском подворье (XVI—XVII вв.), почти неразличимая в позднейшей обстройке. Этот комплекс через здания Богоявленского монастыря (XVII в.) и Гостиных дворов (XVIII—XIX вв.) соединяется с ансамблями Зарядья, Красной площади, Кремля и т. д. (рис. 1).

И здесь памятники должны быть фактором, определяющим архитектурно-планировочное решение территории, но, очевидно, в таком случае уже не может идти речь о воссоздании облика всей первоначальной застройки. Задача проектировщика-градостроителя — закрепить сохранившиеся исторические «красные линии», раскрыть видовые точки и обеспечить зрительную и композиционную связь между отдельными памятниками, создать пространственную среду, благоприятную для восприятия памятников.

Для определения границ охранных зон территорий комплексов очень важно выявить в застройке, окружающей памятники культуры, стоящие на учете здания, близкие к ним по времени возведения, стилю, масштабу, здания, ценные в мемориальном, историческом отношении. Эти здания дают «стилистический фон» для памятников, позволяющий сохранить облик древних улиц, переулков, которые в конечном счете представляют собой не менее важные объекты охраны и изучения, чем отдельные сооружения. «Понятие исторического памятника охватывает не только отдельные произведения архитектуры, но и городской и сельский ландшафт, который представляет свидетельства об определенной цивилизации, важном направлении развития или об историческом событии».¹

¹ Из выступления на IX Международном конгрессе архитекторов в Праге Бернара Вайри, главного архитектора Парижа.

1. Москва. Вид с улицы Разина на Кремль и Красную площадь

III. Территория, где задача сохранения исторического ландшафта становится уже невыполнимой, относится к третьей группе с охранной зоной памятника, оторванного от своей первоначальной среды. Здесь вопрос включения памятника в городскую среду заключается прежде всего в выделении территории для благоустройства, обеспечивающего обзор и нормальную функцию памятника в современных условиях.

Вопросы художественного восприятия памятника могут решаться как путем создания подчиненного ему фона, так и на основе контрастного сочетания «старого» и «нового», подчеркиванием уровня архитектурно-тектонических и технических возможностей современного строительства. Из палитры самых разнообразных приемов, совершенствуемых при творческой индивидуальности и таланте автора-проектировщика, очевидно, должно быть исключено лишь подражательское эклектическое использование памятника — смешение времен. Старые и новые сооружения должны достаточно полно представлять свое время.

Классификация территорий в городах с исторически сложившейся застройкой — основное мероприятие, позволяющее правильно установить

градостроительные ограничения, призванные обеспечить полноценное участие памятников культуры в композиции современного города. Эта работа выполняется в несколько этапов.

1. Выявление общих принципов подхода к исторической территории в целом.

2. Определение зон временного осуществления градостроительных мероприятий до проведения детального обследования историко-художественной ценности застройки.

3. Установление временных ориентировочных границ территорий регулирования застройки и охранных зон (на стадии выполнения генерального плана города).

4. Определение точных границ градостроительных ограничений, связанных с требованиями охраны памятников и создания условий их обновления (на стадии уточнения исходных данных для проекта детальной планировки).

На этом этапе целесообразно на основе визуального обследования всех зданий сопоставление архивных, литературных источников и фотографий, нанесение на рабочие планировочные материалы картограммы, иллюстрирующей:

1) анализ территории по времени возведения отдельных зданий;

2) анализ территории по наличию объектов, имеющих художественную, историческую, мемориальную и археологическую ценность, с нанесением на генеральный план:

а) памятников культуры (включая и памятники архитектуры);

б) мест жизни и деятельности замечательных людей;

в) мест исторических (и революционных событий);

г) археологических объектов.

В результате данные классификации территории с предложениями по градостроительным мероприятиям, направленным на сохранение и выявление исторической застройки, сводятся на опорный план, где наносятся: памятники архитектуры и здания, предлагаемые к постановке на охрану; здания, сохраняемые в зоне; здания, снос которых необходим; красные линии улиц, переулков, площадей, намечаемых к сносу с выявлением границы зон регулирования застройки вокруг охраняемых объектов, включая в их число как ансамбли и комплексы, так и отдельно стоящие памятники (с указанием классификации территории).

5. Проработка проекта детальной планировки с проведением обследования зданий ценных в историческом отношении, составлением поэтажных планов, определением необходимых мероприятий по благоустройству и санации территорий, реставрации памятников культуры и пр.

Объем и характер проектно-изыскательских работ в каждом отдельном случае зависит от конкретной градостроительной ситуации. Бережное отношение к исторической застройке, тщательное обследование и изучение ее вплоть до составления картограмм строительных периодов в целых кварталах поэтапно служат основой градостроительной деятельности в ряде социалистических стран — Болгарии, СФРЮ, Чехословакии и др.

Работа пражского градостроительного института характеризуется стремлением к сохранению старой топографии города и максимальному сохранению естественных природных условий. «Основу старого города составляет его план,— явление, равное по своему значению комплексу выдающихся зданий. План старого города должен быть неприкосновен» (Лоренц. «Градостроительство в Чехословакии»).

Основными элементами работы института являются:

1. Географический анализ. Поиски видовых точек и раскрытия панорам и силуэта города с подъездных дорог и с различных точек населенного пункта.

Работа эта проводится комплексной бригадой в составе архитекторов, инженеров, озеленителей.

2. Исторический анализ. В результате проведенной работы составляются планы, отражающие каждый этап исторического формирования города, с момента его основания до настоящего времени. Конечный результат работы — разработка сводного плана, на котором различными цветами выделен каждый строительный период, что выявляет основы художественной выразительности города при помощи: а) анализа композиционного построения города и выявления градостроительных доминант; б) классификации всех зданий с позиций:

градостроительной ценности объектов,
интересов охраны памятников архитектуры,
материальной ценности их сохранения,
изучения микроклиматических условий.

В Советском Союзе проводятся очень интересные работы по реконструкции «Старого города» в Вильнюсе и исторического ядра Таллина. В этих городах успешно развиваются и дополняются методические приемы, выработанные в Чехословакии.

Во многом опыт Чехословакии использован в Эстонской и Литовской ССР в работах по реконструкции Таллина и Вильнюса, пока еще единственных в СССР по существу своей научной методики.

Рабочая программа проектирования древнего центра Таллина предусматривает следующую последовательность выполнения решений:

1) анализ современного состояния исторических ансамблей;

2) проведение исследований и разработка научных рекомендаций к охране памятников архитектуры и исторических ансамблей.

Для оценки застройки проводится научно-техническая инвентаризация всех зданий, входящих в состав древнего комплекса с целью определения их исторической и архитектурной ценности, а также технического состояния зданий. Суммарно эта работа служит как предварительная для оценки дальнейшего использования зданий. В кварталах старого города инвентаризуются все здания независимо от их качественной характеристики и датировки. Однако инвентаризация менее значительных построек ведется ориентировочно. О масштабе этой работы говорят, например, следующие цифры: инвентаризации подлежат 700 участков, а на каждом участке расположены (в среднем) 3 дома. Общая характеристика и оценка квартала дается вместе с принципиальными установками и предложениями по его реконструкции. В итоге

этой работы получаются исчерпывающие исходные данные как для определения границ охранной зоны, восстановления первоначального архитектурного облика древних сооружений, так и для современного их использования.

Начато проведение таких работ и в Москве. Но если в Вильнюсе и Таллине работы по обследованию проводятся в основном внутри четко определенных территорий, ограниченных периметром древних городских стен, то в Москве необходимо еще выделить эти территории в хаосе разновременной застройки, ввести на них статут зон с особым градостроительным режимом, определить охранные зоны ансамблей, комплексов и отдельных памятников, определить зоны регулирования застройки вокруг них. Эти работы выполняются мастерской № 12 управления Моспроект-2 и мастерской № 7 института Моспроект-3.

Зоны регулирования застройки устанавливаются за пределами охранных зон с целью сохранения исторически сложившейся планировки, характера природного окружения памятников архитектуры (историко-архитектурных ансамблей и комплексов) и создания наиболее благоприятных условий обзора с отдельных точек подходов к памятникам. На территории зон регулирования застройки новое строительство допускается с условием ограничения этажности и плотности застройки. Все архитектурно-планировочные мероприятия, проводимые на территории регулирования застройки, должны согласовываться с органами по Государственной охране памятников архитектуры. Если охранная зона сравнительно невелика и легко определяется по условиям сохранения и обзора памятника, то зона регулирования застройки ограничивает высоту и обуславливает характер застройки на очень больших территориях. Так как вопросы этажности и плотности застройки в современном городе стоят весьма остро, то для определения (и защиты!) этих рубежей ограничения должны быть выработаны четкие объективные критерии.

Поскольку речь идет о сохранении (или восстановлении) композиционного влияния памятника в городской среде, то с этой точки зрения и надо классифицировать памятники при составлении для них зон регулирования застройки.

Для правильного определения значения памятника в современном городе необходимо знать его первоначальное градостроительное значение, условия его восприятия, на которые рассчитывал строитель, и сравнить их с его восприятием в существующей сложившейся застройке.

Так, в Таллине раскрытие улицы, подводящей к ратушной площади, позволило создать интересный зеленый партер и мемориальную зону, но одновременно нарушило характер средневековой улицы, привело к утрате эффекта неожиданного выхода из тесной улички на относительный простор площади. И сейчас разрабатывается проект, позволяющий восстановить эти утраченные ощущения городского пейзажа. Можно предложить такую классификацию зданий и архитектурных ансамблей по их роли в окружающей застройке:

а) доминирующие над населенным пунктом (высотные композиции, застройка возвышенных мест);

б) организующие отдельные архитектурные комплексы (площади, улицы, кварталы), замыкающие перспективу улиц или переулков, предстающие на композиционный акцент в застройке улиц;

в) не выделяющиеся из рядовой застройки и формирующие ограниченные территории в непосредственной близости от памятника.

В современном городе многие памятники потеряли свое первоначальное градоформирующее значение. Даже Московский Кремль во многом утратил свое значение центрального ориентира для всей застройки Москвы (и даже для центра). Появились новые высотные ориентиры. Тем острее встает вопрос о сохранении тех видовых точек и секторов осмотра Кремля, где еще сохраняется впечатление от него как градостроительной доминанты Москвы (Замоскворечье, пойма Москвы-реки, трассы древних улиц, ориентированных на Кремль).

Также важно учитывать вновь появившиеся возможности обзора Кремля — видовая площадка Ленинских гор, телебашня в Останкино и пр.

В качестве иллюстрации вышеизложенных положений можно привести следующие примеры.

Московский Кремль. Архитектурный ансамбль — наиболее древнее ядро Москвы — до настоящего времени сохранивший с прилегающей к нему территорией свое значение политического и культурного центра столицы. Хотя относительно новой, многоэтажной застройкой рельеф Кремля, являющийся его основанием холм и сооружения в значительной степени нивелированы, Кремль до сего времени остается архитектурной доминантой центральной части города, в значительной степени организующей огромное пространство.

Габариты Кремля четко ограничены стенами и башнями. Однако границы охраняемой зоны ансамбля должны охватывать значительно большую территорию вокруг, включая примыкающие к нему площади, зеленые массивы и исторически сложившуюся застройку (на Красной площади, проспекте Маркса и с запада). Следует отметить, что, несмотря на отсутствие в прошлом каких-либо правил и норм и самого термина «охранная зона», зодчие конца XVIII и начала XIX в. с большим тщанием решали застройку на прилегающих к Кремлю участках. Это относится не только к обстроившим древнюю Моховую — Баженову, Казакову, Жилярди, Тюрину, но и к творчеству архитекторов конца XIX в. Шервуда, Клейна, Померанцева. Можно не согласиться с эклектическим псевдорусским стилем здания ГУМа, Исторического музея, Нижних торговых рядов, но по своему масштабу эти сооружения хорошо согласуются со стенами, башнями, дворцами и соборами Кремля.

Вид на Кремль полностью или частично раскрывается с дальних и ближних подходов, со всех радиальных магистралей города, с набережной Москвы-реки (от Крымского до Новоспасского моста), с Ленинских гор и с многих других мест столицы. К сожалению, как отмечалось, в процессе реконструкции возможность наиболее полного раскрытия вида на Кремль с востока в значительной степени утрачена с постройкой огромного массива гостиницы «Россия».

Кремль и его окружение ставят перед проектировщиками новой Москвы серьезные задачи сохранения эмоционального воздействия замечательного ансамбля памятника архитектуры. Столь же сложные задачи стоят и при реконструкции таких городов, как Горький, Псков, Новгород, Астрахань и ряда других, где кремли занимают иное положение в системе планировки города, чем в Москве, и отличаются по топографии, но так же, как и в столице, являются архитектурной кульминацией этих древних городов.

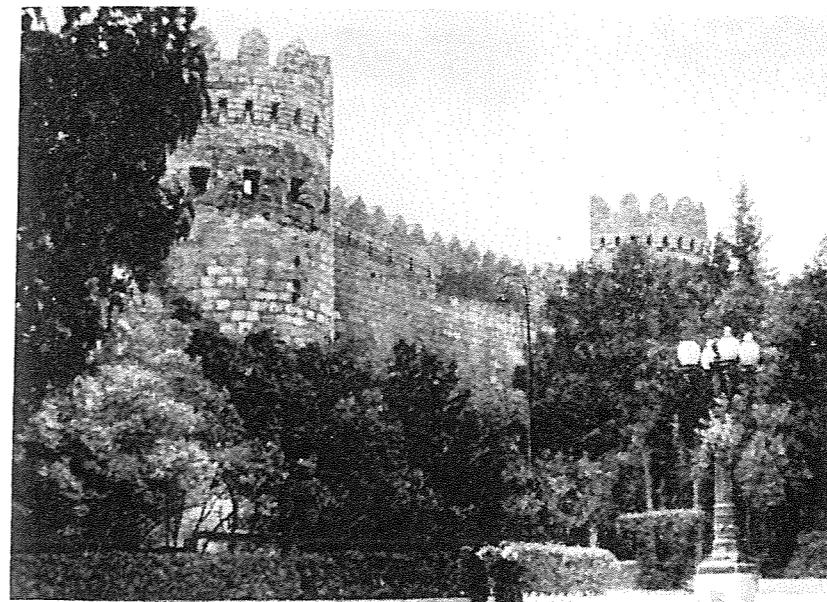
И если возведение в непосредственной близости от кремля новых построек в Пскове значительно разбило цельность впечатления от него, то в Астрахани благодаря реконструкции центральной части города кремлевский ансамбль, ранее закрытый с трех сторон случайной малоценной застройкой, в настоящее время великолепно смотрится с севера и с востока (реконструкция города со стороны Волги еще не закончена). Охранная зона, в которой запрещено какое-либо строительство, здесь также охватывает значительно большую территорию, чем габариты кремля, очерченные линией стен и башен.

Государственная охранная зона средневековой части Таллина состоит из исторического ядра города и зеленого пояса, созданного на бывших укреплениях, окружающих историческое ядро. В границы охранной зоны входит ряд площадей и бульваров.

Древнее ядро столицы Азербайджана г. Баку — крепость, занимающая сравнительно небольшую площадь в юго-восточной части города. От двойного кольца оборонительных сооружений IX—XVI вв. уцелели внешние стены (рис. 2), возведенные на месте более древних и заключающие старый город, полностью сохранивший не только уличную сеть, но и характер архитектуры. Узенькие улочки поднимаются к композиционному центру крепости — ансамблю Дворца Ширваншахов XV—XVI вв. (рис. 3). Среди жилых домов старого города, преимущественно XVIII, XIX вв. немало и древних сооружений. К реставрированным в 1950 г. стенам и башням крепости с северной стороны примыкает площадь Низами, застроенная современными по стилю зданиями и отделенная от крепости зелеными насаждениями сквера.

Здесь градостроителями найдено удачное соотношение старого и нового. Целостности впечатления способствуют и работы по благоустройству площади. С наиболее высокой отметки старого города — террасы перед главным входом во Дворец Ширваншахов, через стоящие на первом плане минарет мечети и купола усыпальницы «Тюрбе» раскрывается широкая панорама современной застройки Баку, расположенной амфитеатром на сложном рельефе (рис. 4). Несмотря на разностильность городских построек, выполненных в «функциональном» стиле и в «ориентальном» с некоторой долей эклектики, в целом, при сравнительной дальности расстояния пестрая застройка воспринимается как живописный фон и не вступает в художественное противоречие с архитектурой древнего ансамбля.

Стоило бы появиться в пределах охранной зоны или зоны регулирования, в поле зрения панорамы, одному единственному чужому по масштабу сооружению, как вся цельность впечатления от

2. Баку. Крепостные стены среди нового озеленения, XII в.

3. Баку. Застройка части города у Дворца Ширваншахов

4. Баку. Вид от Дворца Ширваншахов на город

памятников зодчества в городском ландшафте была бы нарушена. Очевидно, что при проектировании охранных зон, зон регулирования, комплексов памятников, активно участвующих в пространственно-композиционной структуре города, необходимо максимально учитывать сферу их влияния. Одна из основных задач — обеспечение оптимальных видовых точек не только извне на памятники зодчества, но и изнутри ансамблей на раскрывающейся городской ландшафт.

Таким образом, градостроительную практику в Баку можно отнести к положительным примерам решения органического сосуществования историко-архитектурного наследия с современным городским ландшафтом. В качестве отрицательного примера укажем на новую застройку древнего ядра Самарканда. По существу границы единой охранной зоны здесь должны объединять обширную территорию от холмов Афросиаба с уникальным комплексом Шах-и-Зинда до мавзолея Гур-Эмир, включая ансамбли Биби-Ханым и Регистана.

К сожалению, крайне неудачная застройка кварталов между Регистаном и Гур-Эмиром типовыми пятиэтажными жилыми домами совершенно разбила цельность древнего города, в значительной степени снизила впечатление от монументальных историко-архитектурных сооружений. Это не значит, что обширную площадь между Регистаном и Гур-Эмиром не следовало реконструировать и благоустраивать, но делать это надо было с полным пониманием сложности творческой задачи, с учетом масштабного соотношения памятников зодчества с новым строительством и сохранения видовых точек.

Аналогичные требования максимального раскрытия историко-архитектурных комплексов распространяются и на отдельные ансамбли, объединенные единым композиционным замыслом и играющие важную роль в планировочной структуре города. В Москве — это Новодевичий, Данилов, Новоспасский, Донской, Андроников монастыри, Измайлово, Коломенское, Кусково. В Ленинграде — Елагин остров, Александро-Невская лавра, ансамбль Смольного. Охранные зоны этих объектов включают часть прилегающей территории, на которой должно быть удалено все мешающее восприятию этих уникальных ансамблей.

В качестве положительных примеров можно указать на Новодевичий и Андроников монастыри в Москве, где работы по благоустройству не только отлично раскрыли вид на эти ансамбли, но и удачно связали их с новой застройкой, подчиненной требованиям зоны регулирования. К сожалению, намеченные границы охранной зоны и зоны регулирования ценнейшего архитектурного комплекса Измайлова были нарушены застройкой жилых массивов с востока на расстоянии, недопустимо близком к памятникам зодчества.

К крупнейшим градостроительным ошибкам, допускаемым в результате игнорирования значения архитектурного наследия, надо отнести застройку территорий, прилегающей к ансамблю Коломенское, ныне объявленному заповедником. Эта ошибка в еще большей степени усугубляется намеченным освоением заречной территории: строительством станции аэрации и ряда складских и промышленных сооружений, что

по существу уничтожит активнейший компонент ансамбля — панораму широких незастроенных пространств поймы Москвы-реки.

При бурных темпах реконструкции столицы, разрешении транспортных проблем порой очень сложно осуществить задачу сохранения ряда отдельных памятников зодчества, особенно в центральной части города, в пределах Садового кольца, где на небольшой, по сравнению с габаритами современной Москвы территории сосредоточено около $\frac{2}{3}$ общего числа историко-архитектурных сооружений. Обследование центральных кварталов выявило, что помимо сооружений, состоящих под государственной охраной, большой историко-архитектурный или мемориальный интерес представляет целый ряд зданий, значение которых еще не оценено.

Как показал опыт, границы охранных зон отдельных памятников архитектуры, особенно в центральной части Москвы, накладываются одна на другую. Поэтому в местах сосредоточения памятников зодчества целесообразно проектировать объединенные охранные зоны, охватывающие зачастую обширные территории. К таким районам относятся многие участки в Бауманском районе, Китай-город, Зарядье, улиц Богдана Хмельницкого, Чернышевского с прилегающими к ним кварталами, старый Арбат, Кропотkinsкая и Метростроевская, целый ряд кварталов Замоскворечья, где сохранились и древние сооружения и общий колорит купеческой Москвы XIX в., и ряд других.

Все многообразие впечатлений от застройки исторически сложившихся частей города, создаваемое игрой контрастов, силуэтами зданий сменой стилей, характеризующей различные этапы градостроительного искусства остротой ракурсов и перспектив, раскрывающихся через арки проездов в узкие ущелья московских переулков с их крутым рельефом, светом и тенью,— все это составляет романтику большого города, как бы его душу, и оставляет неизгладимый след в памяти человека, развивая чувство прекрасного. Речь идет, разумеется, не о сохранении трущоб, оставшихся в наследие от эпохи промышленного капитализма. После тщательного «прочесывания» старых кварталов необходимо ликвидировать в них все малоценнное, мешающее цельности восприятия архитектурного ландшафта, максимально раскрыть оптические видовые точки на памятники зодчества, провести санацию территории.

В отличие от природных заповедников, где охранный режим исключает хозяйственное использование территории, городские историко-архитектурные «резервации» будут продолжать жить жизнью города. За исключением наиболее ценных построек, предназначенных для музейного показа, остальные здания будут использоваться, как и раньше, по жилье, административные и культурные учреждения и т. д. Очевидно, что наряду с реставрацией историко-архитектурных сооружений здесь должны быть произведены работы по реконструкции, сохраняющие и внешний (а в отдельных случаях и внутренний) облик и обеспечивающие наилучшие условия для жизни и работы в них.

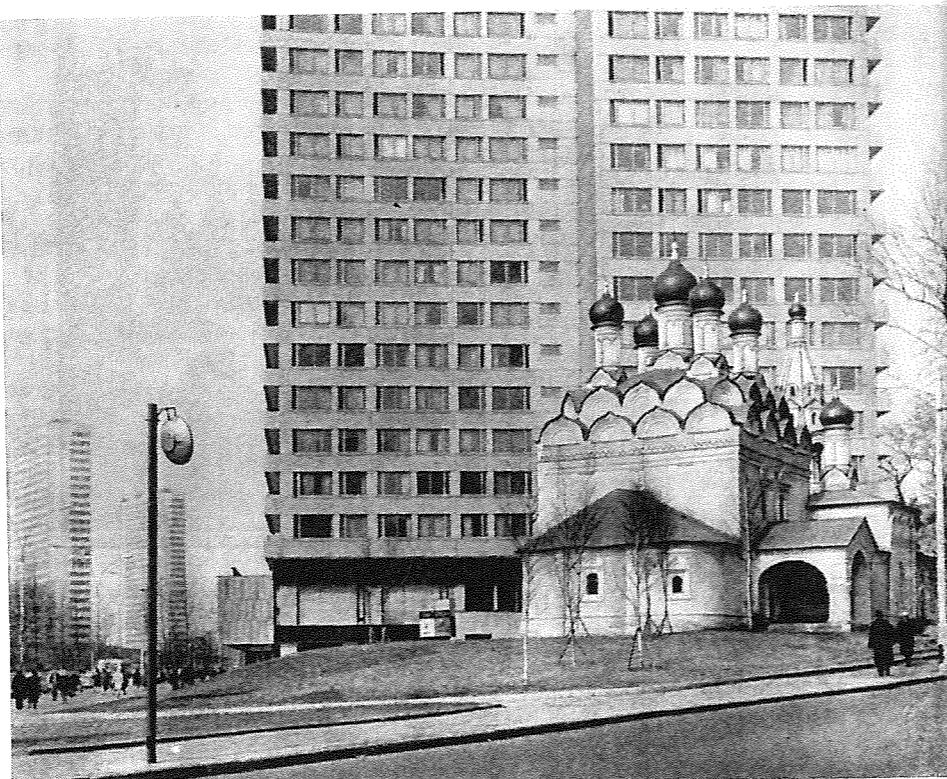
Примером одного из ценных комплексов разновременных историко-архитектурных сооружений, которые сосредоточены на небольшой тер-

5. Москва. Памятники архитектуры на улице Разина и гостиница «Россия» с западной стороны

6. Москва. Раскрытие вида на памятники архитектуры на улице Разина

7. Москва. Новая застройка проспекта Калинина и церковь Симеона Столпника (1670-е гг.)

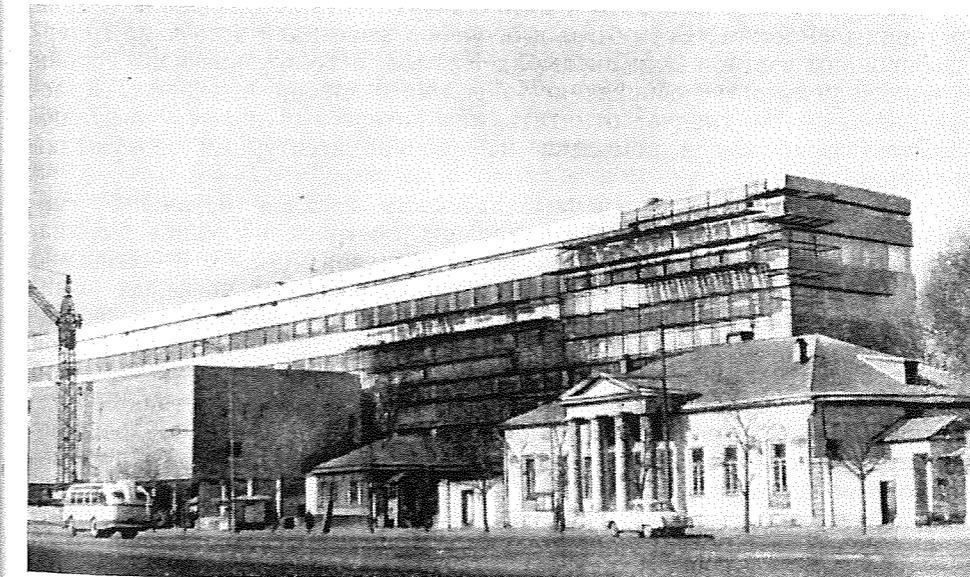
ритории между улицей Володарского и Котельнической набережной, в Москве, может служить Швивая горка, примыкающая в западной части к высотному зданию. К сожалению, высокий холм, вершина которого была увенчана в конце XVIII в. великолепным по архитектуре домом Тутолмина, ныне закрыт с реки новыми жилыми многоэтажными корпусами. Но вдоль улицы Володарского сохранился ряд ценных памятников зодчества XVI—XIX вв. (церковь Никиты за Яузой, дом Клаповской, жилой дом по Котельническому пер. № 3 и ряд других). Композиционный центр комплекса дом Тутолмина — был перестроен и надстроен. Однако фасады конца XVIII в. сохранились вкомпонованными в новый фасад многоэтажного здания (при реставрации всего комплекса памятников они были выделены цветом). Охранная зона объединяет здесь 7 памятников архитектуры, состоящих под государственной охраной, и ряд жилых домов XVIII—XIX вв., хорошо дополняющих ансамбль древней улицы.

В такого рода районах важно сохранить не только выдающиеся памятники зодчества, но и рядовые постройки, как бы им аккомпани-

рующие и создающие оптимальную архитектурную среду. Сама планировка здесь (например, территория, примыкающая с юга к улице Богдана Хмельницкого, представляет собой ценный памятник градостроительной культуры прошлого). Государственная охрана «каменной летописи» прошлых эпох, фрагментарно расположенной на огромной (в пределах МКАД) территории Москвы, позволит сохранить неповторимое своеобразие архитектурного облика столицы, во все века отличавшегося подлинно художественным контрастом старого и нового. Сошлемся на опыт ленинградских градостроителей, которые в результате проектирования охранных зон отдельных памятников зодчества пришли к выводу о необходимости образования единой обширной объединенной зоны центра, включающей территорию от Литейного проспекта на юго-востоке до р. Невы на северо-западе, и пять зон крупных архитектурных ансамблей с полным сохранением планировочной сети кварталов.

При проектировании охранных зон для сохранения отдельных памятников архитектуры в процессе реконструкции города возможны различные решения.

В основном требования здесь сводятся к обеспечению оптимальных видовых точек на памятник архитектуры и по возможности масштабного соотношения соседних с историко-архитектурным объектом построек.

8. Москва. Садово-Кудринская. Памятник архитектуры начала XIX в. на фоне новой застройки

Возможно и контрастное соотношение старого и нового — в истории мирового зодчества немало примеров удачного включения памятников архитектуры в современную застройку.

Исключительная «ансамблевость» Ленинграда заключается в той силе преемственности, которая характеризует мастеров первой четверти XIX в. Достаточно указать, как уже отмечалось, на Дворцовую площадь, где сочетание постройки середины XVIII в.— Зимнего дворца Растрелли — с разорванным аркой главного штаба полукружием здания Росси образует уникальную в мировом зодчестве композицию.

Это чувство преемственности характерно и для архитекторов, перестраивающих на протяжении столетий Париж (ансамбль Лувра и Тюильри). В качестве современного примера укажем на сохранение древних фрагментов терм Диоклетиана в вокзале Термини в Риме, хотя эти фрагменты относятся скорее к археологии. Первые же шаги в столице Италии дают ощущение того, что вы находитесь в «вечном» городе.

В Москве причудливый силуэт колокольни и пятиглавия, полихромия церкви Николы в Хамовниках, классические корпуса б. Хамовнических казарм и здание Шеффского дома вносят столь необходимое разнообразие в лапидарную и несколько однообразную по силуэту архитектуру Комсомольского проспекта. Можно спорить (и архитекторы спорят) о месте, избранном для постройки Дворца съездов, но нельзя отрицать того, что современное, оригинальное по архитектуре здание в то же время является тактичным фоном для древних кремлевских сооружений.

Не будем анализировать в деталях архитектурное решение здания гостиницы «Россия». Его объем и особенно высотная часть явно гипертрофированы в отношении ансамбля Кремля, а положение новостройки нарушило цельность восприятия Покровского собора со стороны Красной площади. Но следует отметить, как интересный пример сочетания с «Россией», большой комплекс историко-архитектурных сооружений в Зарядье.

Здесь ритмично расчлененные плоскости фасадов гостиницы заменяют привычный фон неба для древних построек на улице Разина, Китайском проезде и Москворецкой набережной (рис. 5, 6). Взаимно обогащают друг друга остро современный, лаконичный по форме комплекс телекоммуникаций с колоссальной игрой телебашни и ансамбль Останкина с церковью Троицы узорчатого стиля и изящной архитектурой дворца эпохи классицизма. Однако и в этом случае площадь охранной зоны должна обеспечить достаточный разрыв между памятником зодчества и вновь возводимыми зданиями. К чему приводит недооценка этого фактора, можно видеть на примере решения головной части новой застройки проспекта Калинина в Москве, где отсутствие минимально необходимого разрыва в значительной степени снизило впечатление от эффектного сочетания высотного здания со сложным по силуэту памятником зодчества XVII в.— церковью Симеона Столпника (рис. 7).

IV. ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ И ГОРОДСКОЙ ТРАНСПОРТ

Н. П. Зворыкин

История развития городских транспортных систем. Структурное развитие городов, развитие их уличной системы во многом определялось историческими условиями зарождения и периода становления того или иного населенного пункта. В средние века громадное влияние на структуру планировки города оказывала близость рубежей страны, возможность набега кочевников или вторжения вражеских полчищ.

Существенное значение имели такие географические условия расположения города, как топография местности, наличие широких водных рубежей. В условиях равнины города могли легко развиваться по любой планировочной структуре и в этом случае доминирующее значение приобретали те из них, которые имели преимущество в отношении торговли или обороны города.

На просторной равнине Восточной Европы, где формировалось Русское государство, значительное количество городов XIII—XVI вв. складывалось по радиально-кольцевой или полукоильевой системе. Последняя форма, характерная для городов, расположенных у широкой реки, не менее, а, пожалуй, даже более часто встречалась среди городов древней Руси.

Стремление селиться вблизи рек понятно, если учесть, что сообщение по воде было наиболее удобным средством передвижения, особенно для перевозки каких бы то ни было грузов.

Складывавшиеся обычно на берегу крупного водного протока, часто при слиянии двух рек города обносились крепостными валами кругом или только на участке легкого прохода неприятелем при осаде города. Примером этого могут служить города Нижний Новгород (ныне Горький), Углич, Ярославль, Ростов и многие другие.

Радиально расходящиеся магистрали, связывавшие город с соседними населенными пунктами, начинались обычно от основного ядра города, в котором сосредоточивался стратегический центр обороны (крепость).

Магистрали обстраивались жилыми домами сначала в пределах создававшихся крепостных валов, а затем и в посадах за пределами огороженной территории вдоль расходящихся от города дорог. Для нужд обороны вдоль окружных валов создавались кольцевые проезды. Так формировались и закреплялись магистрали многих средневековых городов, из которых некоторые сохранили основу своей транспортной сети до наших дней.

Наиболее последовательно принципы радиально-концентрического формирования города нашли выражение в плане Москвы. На схеме сети магистралей XIII—XIV вв.¹ ясно представлены концентрически охватывающие город и его центр — стены Кремля, Китай-города, Белого города и Земляного города, а также веер расходящихся улиц, которые за пределами стен переходят в дороги, связывающие столицу со многими городами страны. Схема показывает историческое формирование города, сохранявшего систему основных транспортных магистралей на протяжении многих столетий (рис. 1). С ростом города росли, однако, и недостатки структурной сетки Москвы, проявившиеся уже тогда в слабой связи периферийных районов между собой.

Близка московской схема развития магистралей в древнем Пскове², примыкавшем к широкому водному рубежу — р. Великой (рис. 2). Это предопределило одностороннее развитие города лишь на правом берегу реки, тем более что за рекой недалеко проходили внешние рубежи государства.

Таким же путем, концентрически, с радиальными магистральными развивались до конца XVIII в. и многие другие города страны³ (рис. 3, 4, 5).

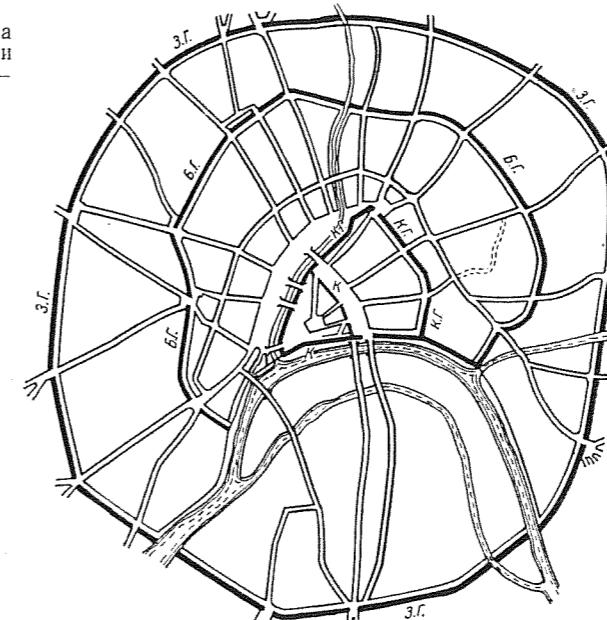
Ряд городов под влиянием топографии местности формировался по линейной системе обычно вдоль водного протока, как, например, Владимир, Корсун и Галич (Костромской). Иначе складывалась уличная сеть Новгорода Великого; обе части города, на правом и левом берегах Волхова имели рядовую систему застройки⁴ (рис. 6).

Сложная топография местности сильно влияла на дорожную сеть как в пределах застройки, так и на ближайших подходах к городу. Примером этого могут служить такие города, как Киев. Исторически он возник из трех поселений — Софийской части, Нижнего города (Подола) и Печерска. Сообщение между этими частями было неудобным, Софийская часть и Печерск разделялись глубокой «Крещатой» долиной, а от Подола обе эти части были отрезаны крутыми наднепревскими склонами. Некоторое представление о планировке дают фрагменты плана города, составленные стольником Ушаковым в конце XVII в.⁵ (рис. 7).

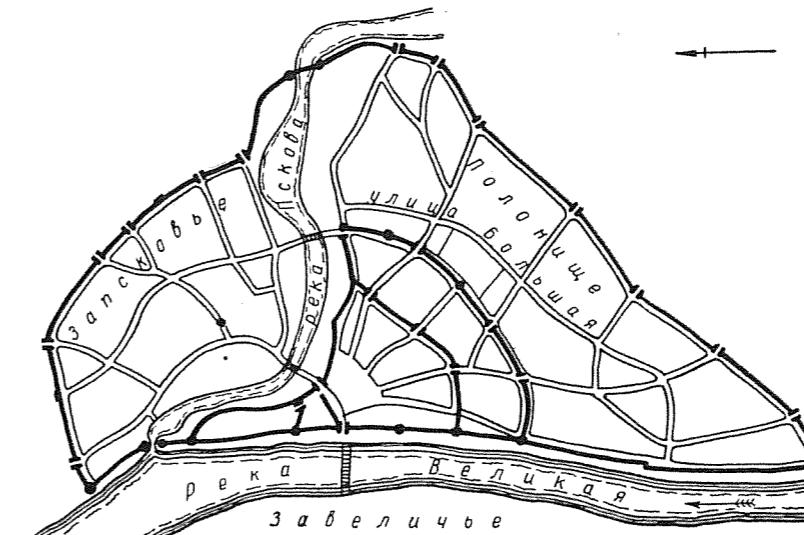
Возникший в горной долине Тбилиси в процессе своего развития принял удлиненную форму и основные транспортные магистрали следовали направлению реки.

Совершенно необычную форму получил Дербент — в виде удлиненного прямоугольника, перегораживающего береговую полосу между Каспийским морем и отрогами Кавказского хребта (рис. 8). Благодаря

1. Москва. Схема радиальной сети магистралей XIV—XVII вв.

К.—Стены Кремля
Б.Г.—Стены белого города
К.Г.—Стены Китай-города
З.Г.—Укрепления Земляного города

2. Псков. Схема формирования главных магистралей, XIV—XVI вв.

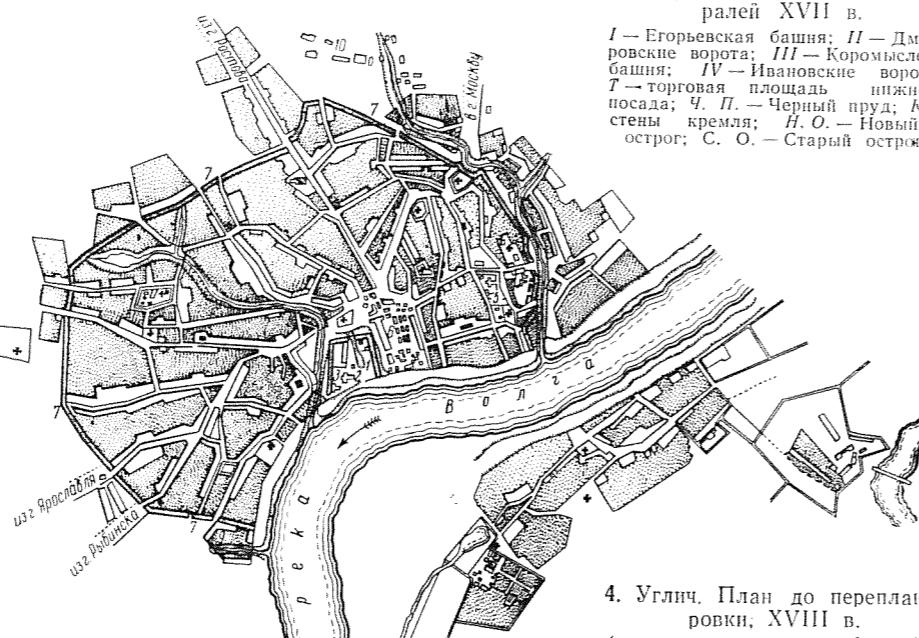
¹ Тверской А. М. Русское градостроительство до конца XXII в. М., 1953, с. 136.

² Там же, с. 37.

³ Там же, с. 33, 115, 118 и 128.

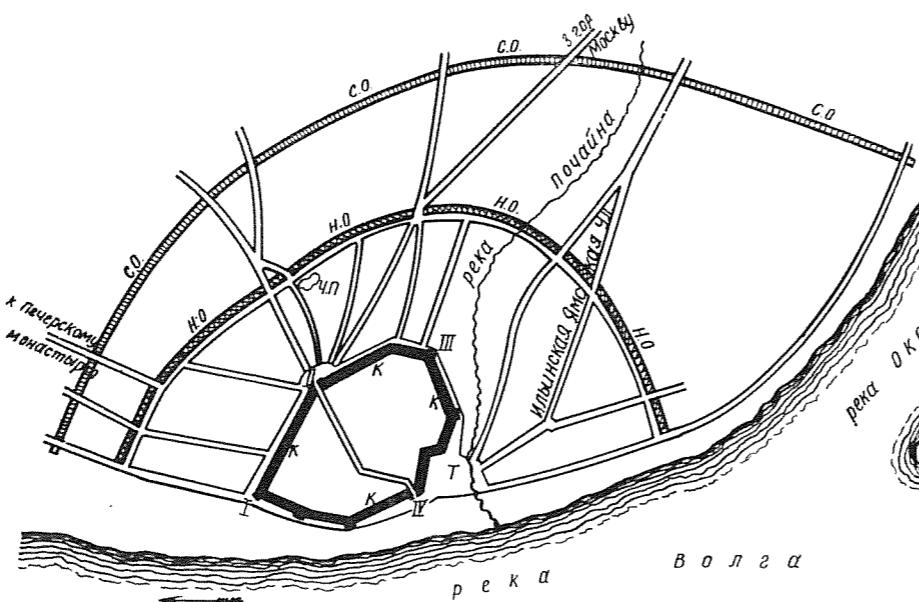
⁴ Там же, с. 161.

⁵ Бунин А. В. История градостроительного искусства, т. I. М., 1953, с. 306—312.

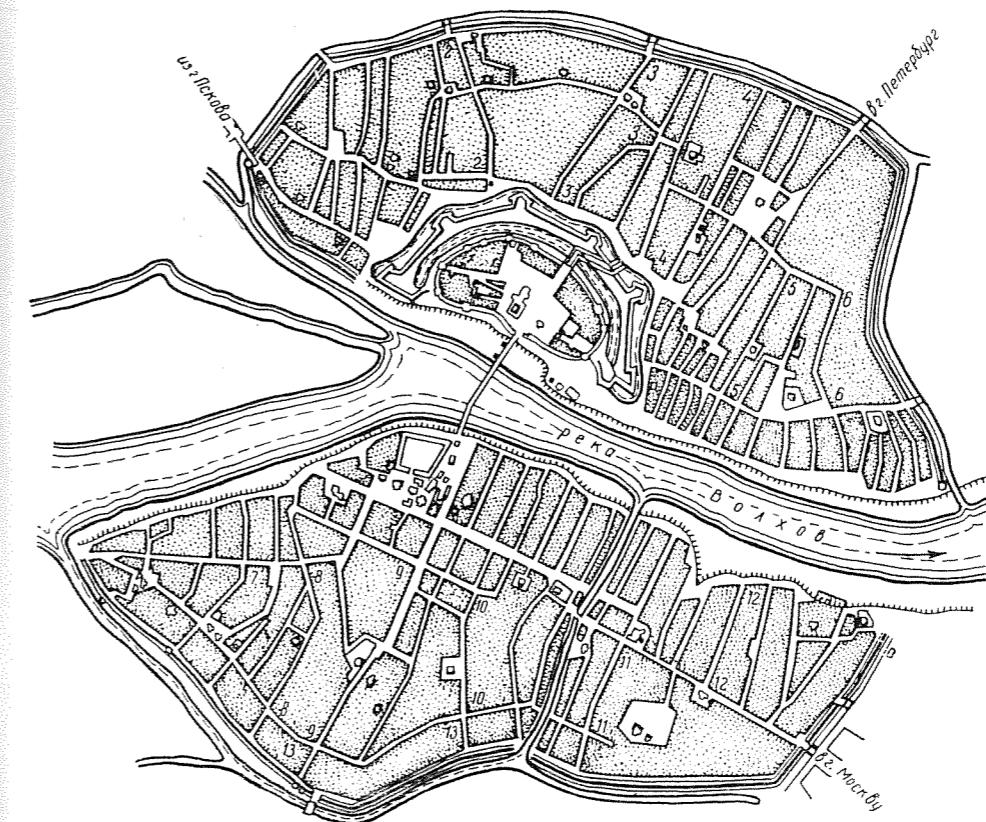
4. Углич. План до переплановки. XVIII в.

1 — земляная крепость; 2 — собо-
р; 3 — дворец, в котором жил ца-
рь монастырь; 6 — лавки; 7 — землян-
ковод; 10 — кирпичный завод

3. Нижний Новгород. Схема формирования главных магистралей XVII в.

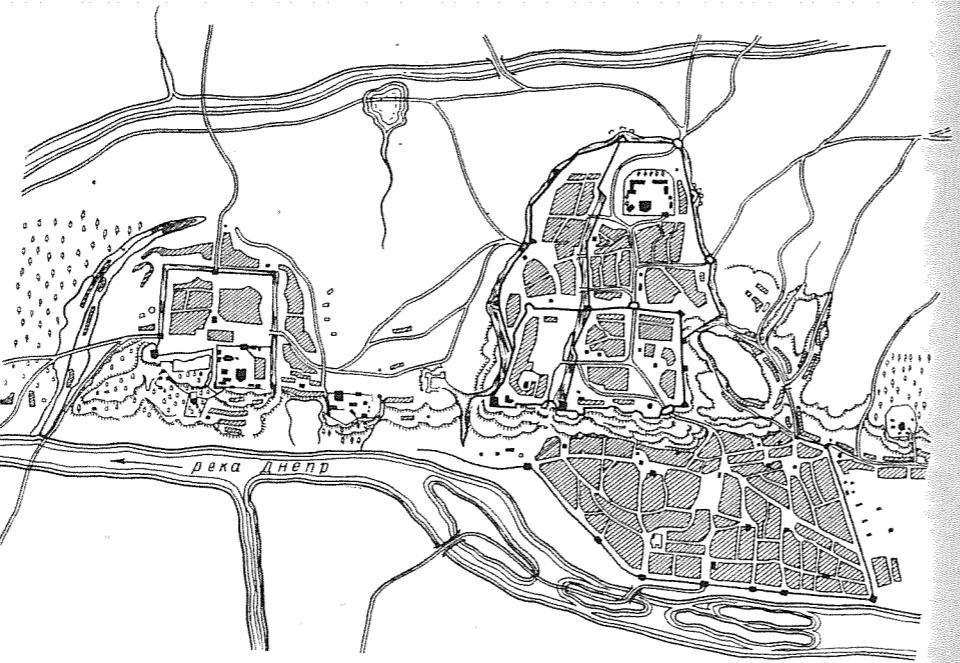
I — Егорьевская башня; II — Дмитровские ворота; III — Коромыслова башня; IV — Ивановские ворота; T — торговая площадь низинной посады; Ч. П. — Черный пруд; К — стены кремля; Н. О. — Новый острог; С. О. — Старый острог.

The figure is a geological map of the Krasnaya River area. The map shows several river systems: the Krasnaya River flowing generally eastward, the Bol'shaia Krasnaya River, and the Sredniaia Krasnaya River. The map is divided into four main geological zones labeled I, II, III, and IV. Zone I is located in the lower right, featuring a hatched area and a small lake. Zone II is the central area, containing several numbered locations (1 through 5) and a shaded polygon. Zone III is the upper central area, also containing numbered locations (6 through 9). Zone IV is the lower left area, characterized by a dense network of river channels. A dashed line labeled 'река' (river) runs diagonally across the map, separating Zone III from the rest. A vertical line labeled 'долина' (valley) is also present. The map includes a legend at the bottom left with symbols for 'река' (river), 'озеро' (lake), 'песчаная равнина' (sandplain), 'лес' (forest), 'луг' (meadow), 'луг с кустарником' (meadow with shrubs), and 'лес с кустарником' (forest with shrubs).

5. Ярославль. Схема исторического формирования главных магистралей, XIII в.

I — первый концентр (Рубленый город); II — второй концентр (Земляной город); III — третий концентр; IV — четвертый концентр; 1 — Спасский монастырь; 2 — церковь Михаила Архангела; 3 — церкви: Спаса на городу; 4 — церковь Николы (Рубленый город); 5 — торговая площадь; 6 — земляная крепость

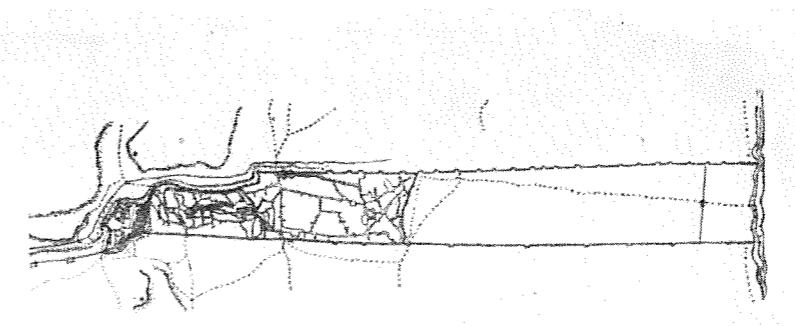
7. Киев. План (ортогональная интерпретация плана, составленного стольником Ушаковым между 1693 и 1695 гг.)

своему назначению города-крепости он запирал единственно удобный путь из Юго-Восточной Европы в Переднюю Азию.

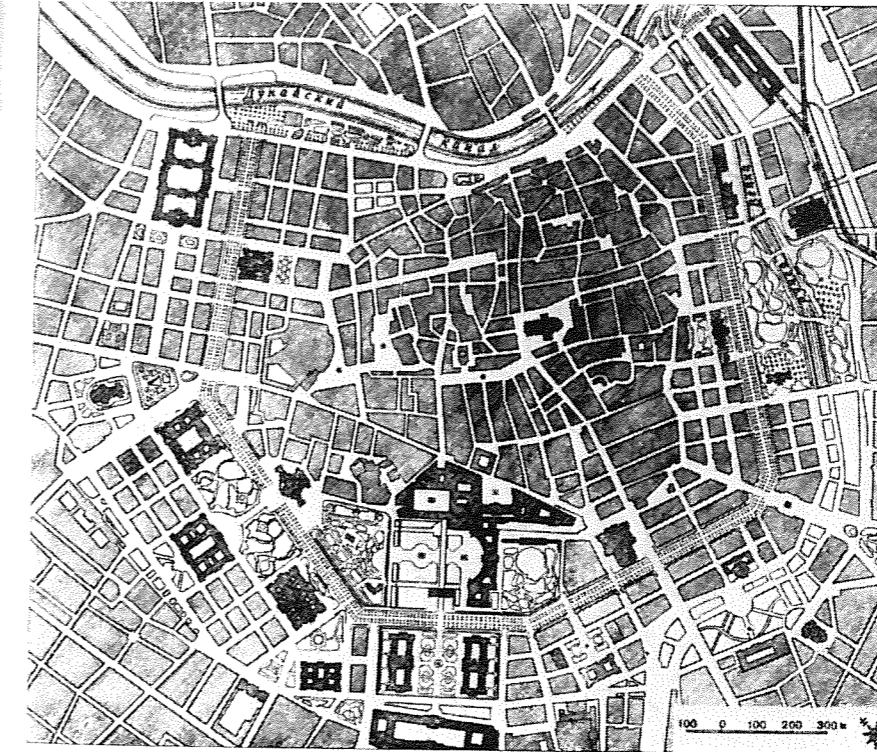
Из крупных европейских городов, сохранивших следы средневековой планировки, можно назвать Вену, Брюссель и отчасти Будапешт (рис. 9). Число подобных средних и мелких городов значительно, однако наслаждения позднейших перепланировок также сильно сказываются на структуре их плана.

Еще в конце XVIII в. при Екатерине II, под руководством Комиссии Бецкого, была произведена существенная перепланировка очень многих городов с признаком им «регулярного» плана. Ряд городов получил при этом радикально измененную планировку, как, например, Муром, или Путивль, ничего общего не имеющую с исторически сложившейся структурой¹ (рис. 10, 11, 12, 13). Однако в большинстве городов все же была сохранена принципиальная схема сложившихся ранее магистралей и проездов с признаком геометрически правильной

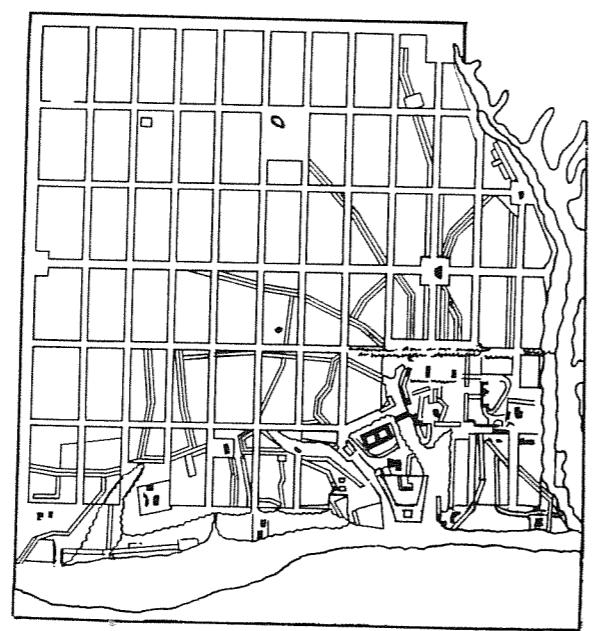
¹ Тверской А. М. Русское градостроительство до конца XVII в. М., 1953, стр. 113, 114, 130, 132.

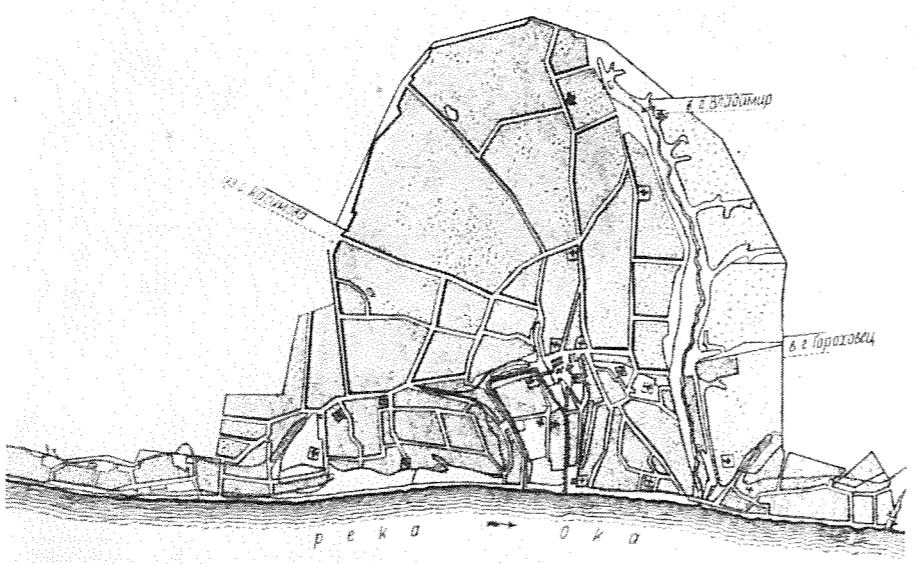
8. Дербент. План, начало XVIII в.

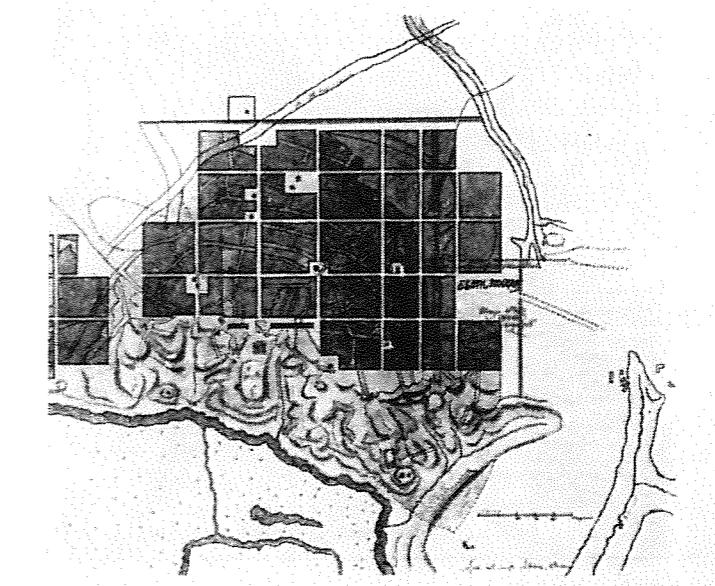
9. Вена. План центрального района, XIX в.

10. Муром. План до пере-
планировки, XVIII в.

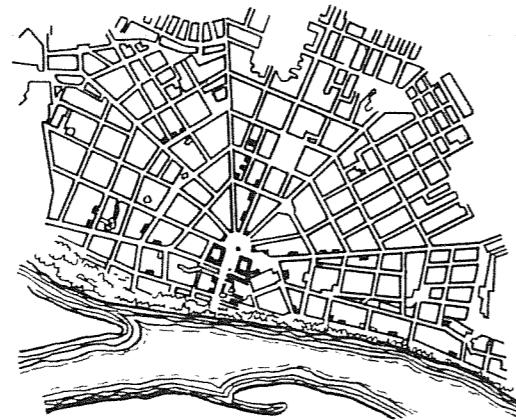

12. Путивль. План
до перепланиров-
ки, XVIII в.

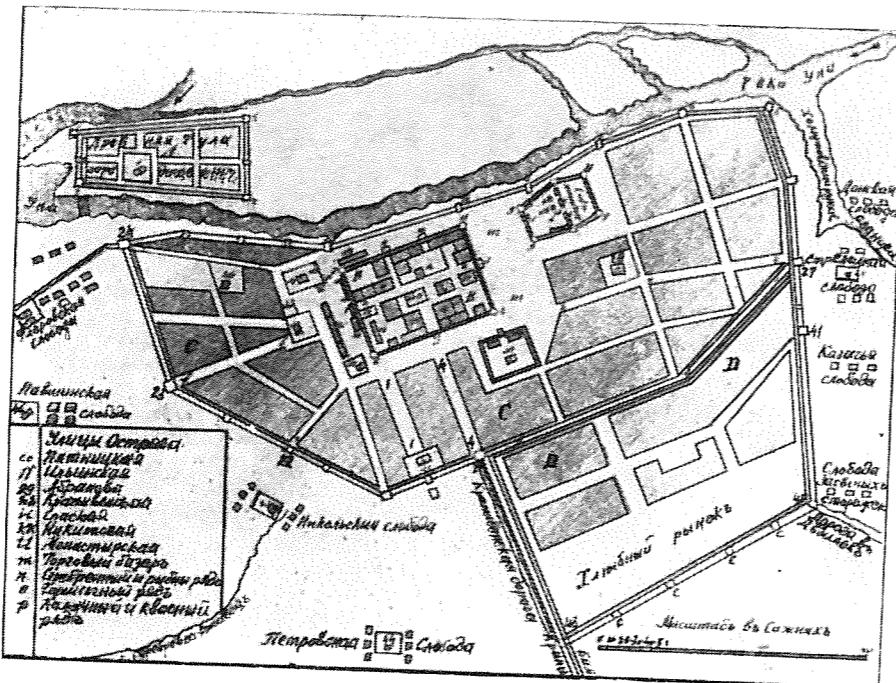

13. Путивль. План,
утвержденный в
1784 г.

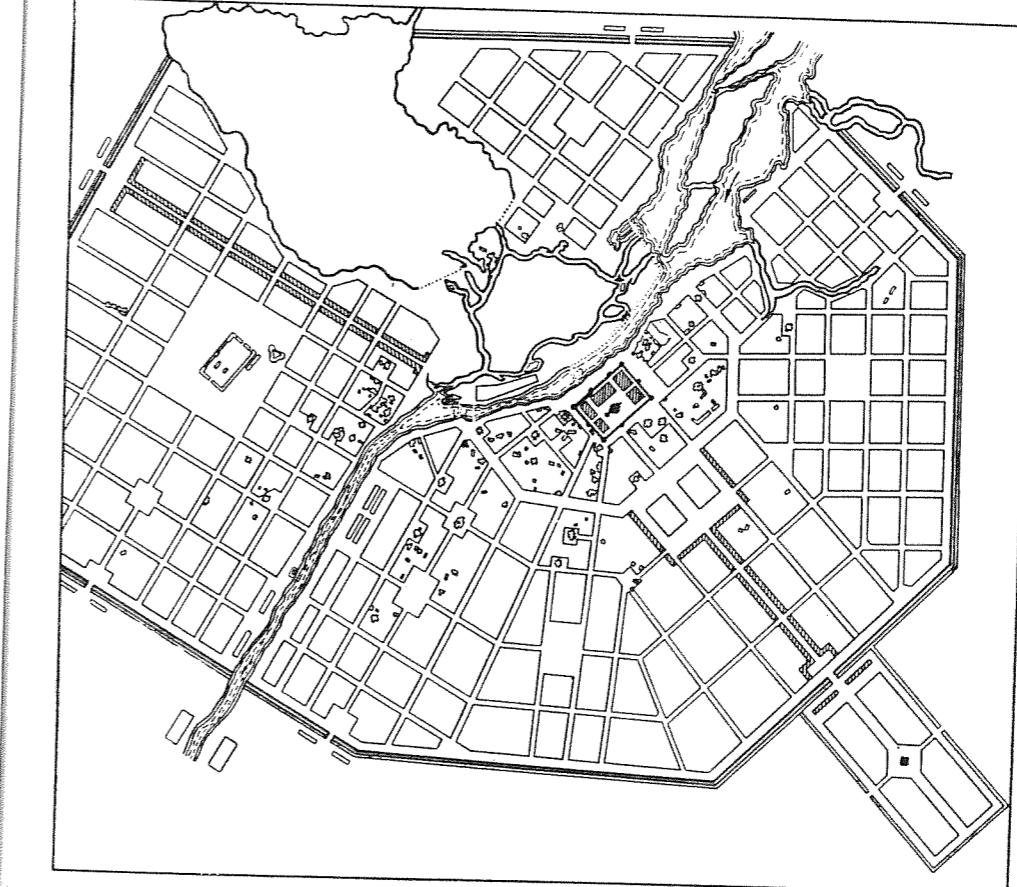
14. Кострома. План, начало XIX в.

15. Тула. План по описям XVII в.

16. Тула. План 1779 г.

формы структурной сетке. Это можно проследить на планах городов Владимира, Костромы¹, Пензы, Ярославля, Тулы², Пскова и некоторых других (рис. 14, 15, 16). Следует отметить большое внимание, проявленное тогда при построении сетки новых магистралей, к древним сооружениям и историческим памятникам, что исключало возможность их уничтожения. Это можно проследить на совмещенных планах, например, такого города, как Ярославль³ (см. рис. 10 гл. II).

Такая реконструкция старых городов протекала в XVIII в. и примерно до середины XIX в. При этом организованные проезды закрепля-

¹ Баранов Н. В. Композиция центра города. М., 1964, с. 52.

² Бунин А. В. История градостроительного искусства, т. I, М., 1953, с. 361.

³ Там же, с. 365.

лись часто постройкой каменных зданий. Этому способствовали и пожары в городах. Большой перестройке подверглась Москва после пожара 1812 г.

Созданием капитальной застройки в отдельных районах древних городов уже значительно осложнялась возможность их реконструкции в дальнейшем, тем более что среди построек этого периода встречаются совершенные архитектурные произведения.

В последующее время в XIX в. и начале XX в. сохранялась устоявшаяся структура транспортной сети, хотя облик крупных и некоторых средних городов стал быстро меняться в связи с постройкой многоэтажных доходных домов. Это строительство еще сильнее закрепляло старую планировку без учета дальнейшего развития города, без перспектив развития транспортных систем.

Особенно стихийно происходило развитие промышленных городов, в том числе и старых, приобретавших промышленный уклон.

В эпоху капитализма, в центре многих городов, среди жилых, кварталов и особенно на берегах рек возникали фабрики и заводы, создавая запутанную сеть переулков и тупиков. Все это, конечно, препятствовало нормальному движению транспорта, затрудняло его развитие. Правда, и транспорт того времени не претендовал на многое. Основным средством передвижения был тогда конный извоз, как пассажирский, так и, особенно, грузовой.

После Октябрьской революции, начиная с первых пятилеток, интенсивное строительство промышленных предприятий и жилых зданий происходило преимущественно на вновь осваиваемых территориях и отчасти на окраинах существующих городов. Постепенное укрупнение городов, образование комплексных агломераций из существовавших ранее городов и вновь созданных жилых и промышленных районов, примыкающих к городам, уже сейчас вызывает все нарастающий поток транспорта, интенсивно внедряющийся в новую и старую застройку города.

В настоящее время планировка большинства городов Советского Союза сильно отличается от складывавшейся в процессе развития структуры этих населенных мест.

Создается необходимость реконструкции транспортной сети старых городов и в том числе городов, богатых архитектурными памятниками истории и культуры народа.

Причем в зависимости от того, находятся ли памятники в комплексном ядре старого города или они разбросаны по отдельным районам и кварталам всего города, и должны различно решаться проблемы реконструкции транспортных систем.

Схемы планировки улиц в существующих городах могут быть довольно сложны, но в основном их можно подразделить на следующие виды: 1) радиальную; 2) радиально-кольцевую; 3) прямоугольную; 4) смешанную.

Радиальная схема, как уже отмечалось, возникала в древних городах, когда застройка велась вдоль улиц, расходящихся из центра города и переходящих за городской чертой в дороги внешних сообще-

ний. Из крупных городов такую схему сохранил, например, Харьков — город, интенсивное развитие которого в XVIII—XIX вв. уже не было связано с необходимостью создания крепостных валов. Ненебежность всех сообщений через центр города вызывает сейчас громадную перегрузку центра.

Радиально-кольцевая схема осуществлена во многих городах, имевших радиальные магистрали и системы крепостных валов и рвов, опоясывавших город. Создание транспортных колец на месте крепостных сооружений характерно для многих городов Советского Союза и за рубежом. Однако и в этом случае около трети транзитных потоков из района в район все же концентрируются в центре города¹.

При этой одной из наиболее распространенных схем можно добиться значительного снижения концентрации транспорта в центре города, обеспечением скоростного движения по окружным кольцам с одновременным регулированием его в местах пересечений вблизи центра. Рассредоточенность движения в центре при веерном подходе, а также прокладка хордовых магистралей на некотором расстоянии от ядра города может значительно снизить чрезмерную концентрацию транспорта в центре города.

Прямоугольная система планировки, принятая при реконструкции городов в XVIII в., а также сложившаяся в городах более поздних, удобна для застройки и организации движения. Ее основной недостаток — значительный перепробег транспорта, доходящий до 40% (между вершинами квадрата).

Смешанная система с прокладкой диагоналей между отдельными транспортными узлами прямоугольной системы (как это, например, осуществлено в Вашингтоне)² может значительно улучшить связь (рис. 17).

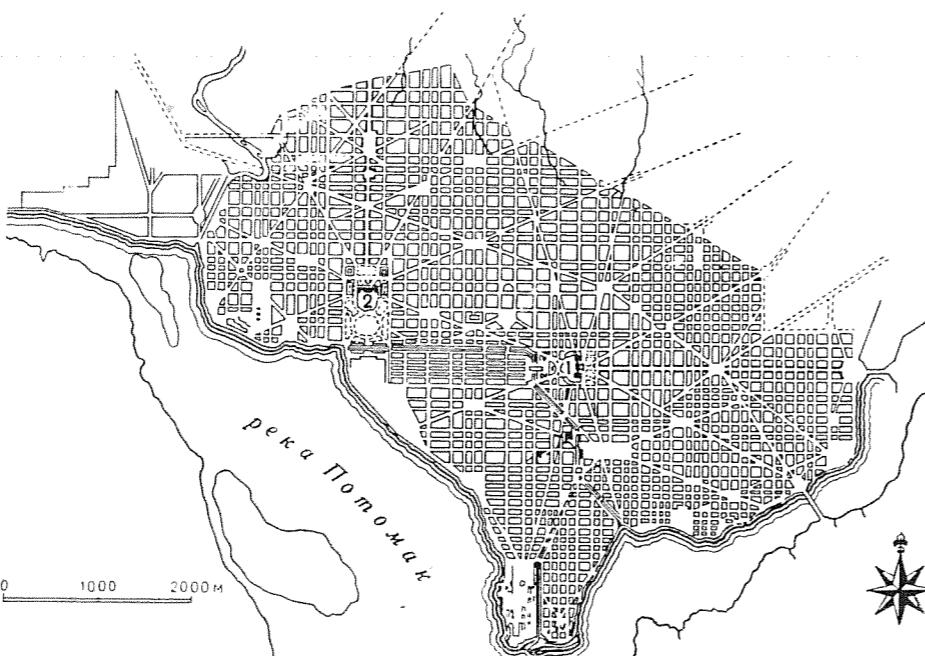
Несколько ухудшается, однако, движение в транспортных узлах созданием пересечений с острыми углами.

Современное состояние транспорта и перспективы его развития. Процесс и темпы развития транспорта за рубежом, а в последние годы и у нас позволяют сделать обоснованные прогнозы того, что нас ждет в городах в результате быстрого роста транспортного движения.

По мере развития городов все больше растет потребность людей в передвижении. Переезды пассажиров к месту их работы вызывают значительные потоки транспорта в определенные часы дня. Возможность районирования и приближения жилья к месту работ ограничена, так как по мере роста специализации в промышленности и науке человек будет выбирать работу не столько proximity к жилью, сколько в соответствии со своими склонностями и знаниями.

С повышением культурного уровня населения увеличивается потребность в посещении музеев, театров, стадионов, выставок, что сейчас приводит к необходимости пользоваться транспортом во все более увеличивающихся размерах.

¹ Черепанов В. А. Транспорт в градостроительстве. М., 1964, с. 248.
² Бунин А. В. История градостроительного искусства, т. I. М., 1953, с. 319.

17. Вашингтон. План, 1790 г.
1 — Капитолий; 2 — Белый дом

В крупнейших городах число поездок в год, по данным статистических наблюдений, достигает 800—900 на 1 человека¹. В малых городах, например, с населением до 100 тыс. человек количество поездок, по тем же данным, составляет всего около 200.

К сожалению, часто планирование и устройство уличных сетей осуществляется вне связи с общими решениями застройки района жилыми и общественными зданиями. Ведь именно городскому транспорту принадлежит в современных условиях первая и основная роль в формировании планировочной структуры города.

Особенно ответственны решения транспортных развязок при включении новых крупных объектов в застройку современного города. Пример неудачного решения основных подъездов к крупнейшей гостинице Москвы «Россия» со стороны узкой улицы Разина говорит о том, что магистралям и подъездам отводилась второстепенная роль, а композиционная роль памятников архитектуры вначале вообще не принималась в расчет.

¹ Страментов А. Е. Некоторые проблемы движения транспорта в современном градостроительстве. «Известия АСиА СССР», 1962, № 3, с. 37—42.

То же можно сказать и в отношении нового здания многоэтажной гостиницы «Националь», где стоянка автобусов для туристов должна сосредоточиваться в пределах потока городского транспорта перед зданием на уличном проезде, снижая его пропускную способность.

Требование расширения улиц и магистральных проездов часто приводит к тому, что памятники архитектуры оказываются жертвой такой реконструкции. Между тем комплексное исследование почти всегда может дать такое решение, при котором обеспечивалась бы сохранность памятников и создавались условия для пропуска транспортных потоков.

Большое значение в загрузке транспортных магистралей имеет и состав транспортных средств.

Удельный вес легкового автотранспорта в общем потоке средств передвижения в зарубежных городах очень быстро привел к предельному насыщению улиц города транспортом, образованию пробок, парализующих движение и жизнь города, и необходимости коренной реконструкции городских путей сообщения¹. Общественный транспорт несравненно более пассажироемок и может обеспечить значительно большую провозную способность потока пассажиров при равной пропускной способности городской улицы.

Некоторое представление о провозной способности разных видов транспорта дает таблица американского инженера В. Абетта² (табл. 1).

Данные инж. В. Абетта в отношении пропускной способности ленты движения следует считать несколько завышенными, особенно

Таблица 1

Вид транспорта	Количество пассажиров на ленту движения в час	Примечания
Автомобили на улице города	600—1270	1,5—1,7 чел. на 1 машину при частоте движения 400—750 маш. на ленту движения в час
Автомобили на скоростных дорогах	2250—2550	При той же загрузке и частоте 1500 маш. в час
Автобусы на улицах города	3870—9100	При 43—70 пассажирах и частоте 90—130 автобусов в час
Автобусы на скоростных дорогах	6300—15 000	При 70 пасс. и частоте 90—215 автобусов в час
Трамвай по улицам города	6300—13 500	При 90 пасс. на вагон и частоте 70—150 вагонов в час
Трамвай на обособленном полотне	10 800—16 200	При той же загрузке и частоте 120—180 вагонов в час
Скоростные подземные поезда (метро)	50 000	При 1000 пасс. на состав и частоте движения 50 поездов в час

¹ Черепанов В. А. Транспорт в градостроительстве. М., 1964, с. 170.
² Там же, с. 131.

для городов старых, имеющих сложную искривленную сеть улиц. Безусловно, на движении по новым спрямленным магистралям города будет сказываться примыкающая сеть сохраняемых улиц и проулков.

Во всяком случае, из таблицы можно установить, что общественный транспорт, например автобусный, может перевезти на ленту движения в 8 раз больше пассажиров, чем легковые автомобили со средним наполнением 1,5 пассажира на машину. Правда, большие по габаритам машины занимают и большую площадь проезжего полотна. Это учитывается при определении общей нагрузки магистралей в случае смешанного движения путем приведения всего транспорта к условным единицам легковых автомобилей.

Пропускная способность проезжей части улицы определяется количеством приведенных транспортных единиц, которое может быть пропущено в течение часа в одном более загруженном направлении.

Значительно снижается пропускная способность улиц с регулируемым светофорами движением. В местах пересечения равноценных улиц одна лента движения может пропустить в два раза меньше автомашин в час.

В то же время учет перспективных размеров движения, определяемых на основе экономических и социологических условий развития города, позволит обеспечивать резерв пропускной способности в размере 20—25%.

Общие расчетные размеры движения определяются путем суммирования транспортных единиц по участкам уличной сети. Запроектированная по генеральному плану сеть магистральных улиц должна полностью удовлетворять требованиям растущего уличного движения при обеспеченной безопасности передвижения пешеходов.

Для Москвы, где средняя подвижность населения уже в 1965 г. достигала 700 поездок в год на 1 человека, была определена для перспективы усредненная мощность потоков автотранспорта за сутки по каждой категории улиц, что и представлено в следующей таблице¹:

Таблица 2

Категория улиц	Автотранспорт	
	пассажирский	грузовой
Магистральные улицы общегородского значения	15 000	6000
Магистральные улицы районного значения	2700	14 000
Жилые улицы и дороги местного значения	900	350

Объем движения по отдельным магистралям, конечно, будет отличаться от приведенных средних величин, а неравномерность движения по часам суток, особенно в утренние часы пик, может достигать до 10—15% суммарного суточного потока.

¹ Черепанов В. А. Транспорт в градостроительстве. М., 1964, с. 234.

Общие показатели повышения подвижности населения говорят о значительном росте этих цифр. Естественно предположить, что интенсивный рост транспортных сообщений в городах будет исключительно быстро расти и дальше. По данным ЦСУ, с 1940 по 1965 г. за 25 лет численность городского населения увеличилась примерно в 2 раза, а количество пассажирских перевозок в городах — в 3,6 раза. И это еще при сравнительно невысокой средней подвижности городского населения (271 поездка на жителя по данным 1965 г.).

Для малых городов существенное значение может иметь также и транзитное транспортное движение. Средние показатели доли транзитного транспорта примерно следующие (в %)¹:

при 1 млн. жителей и более	4—6
» 1000—500 тыс. жителей	6—10
» 500—250 »	10—15
» 250—100 »	15—20
» 100—50 »	20—25

В меньших городах доля автомобильного транзитного движения достигает даже 50—60%. Определенное влияние оказывает, очевидно, и близость малых городов к городам крупным и особо крупным.

Транзитное движение в малых городах требует создания обособленных, проходящих вне города магистралей, иначе мощные потоки транспорта неминуемо перегружают центральные проезды этих городов и приведут к необходимости сноса многих ценных сооружений.

Легковой таксомоторный и даже индивидуальный автотранспорт имеет уже сейчас заметный удельный вес в общем составе городского транспорта крупных городов Союза.

Совершенно естественно предположить неизбежность интенсивного развития индивидуального автотранспорта наряду с общественным в определенной нормальной пропорции.

Все условия развития населенных мест и превращение их в комплексные агломерации заставляют с большой серьезностью отнести к перспективному развитию транспорта в городах и сопредельных с ними районах, предусматривая возможность такого развития не только на 20—30 лет, а на срок, значительно больший.

Если моральный и технический износ современных жилых зданий определяется сроком в 50—75 лет, то памятники архитектуры, уже простоявшие не одно столетие, должны сохраняться и далее, в течение многих веков. Поэтому при создании транспортной сети вблизи этих зданий и сооружений должна предусматриваться возможность перспективного развития магистралей в дальнейшем, без какого-либо ущерба для сохраняемых культурных ценностей.

Игнорирование этого положения может привести в отдаленном будущем к столь острому положению, что под давлением объективных обстоятельств заставит пойти на серьезный ущерб памятникам или даже на полное уничтожение отдельных ценностей культуры.

Принципы реконструкции транспортных систем и сооружений.
Чтобы использовать возможности и способы сохранения ядра древней

¹ Черепанов В. А. Транспорт в градостроительстве. М., 1964, с. 342.

застройки городов и отдельных архитектурных сооружений в процессе быстрого развития города при необходимости коренной реконструкции городских путей сообщений, надо иметь достаточно ясное представление о различных способах переустройства его транспортных путей и тех условий, которые при этом выдвигаются.

Современные транспортные средства обеспечивают связь разных районов города при значительных размерах его. Естественно предположить, что при все возрастающей потребности человека в передвижениях будут развиваться все более интенсивные, более скоростные способы передвижения, создаваться более совершенные транспортные магистрали и устройства.

Рациональная организация движения и повышение скорости транспорта часто не достигаются из-за стремлений ограничиться решением проблем сегодняшнего дня и, как правило, из-за недостаточного учета в комплексе всех факторов, влияющих на организацию транспортных систем. Например, обычно отсутствует комплексное решение вопроса организации движения в городе и в обширной, прилегающей к нему территории. Между тем основные и грузовые магистрали города должны быть связаны с внешней сетью дорог.

Поэтому необходимо в совокупности разрабатывать планировку магистральных и прилегающих к ним улиц, организацию пересечений, определять вид пропускаемого транспорта и способ регулирования потоков транспорта.

При полном комплексном решении не обязательно, конечно, выполнять сразу полную программу дорожного строительства.

Осуществление многих мероприятий (например, устройство пересечений в разных уровнях или др.) может быть отложено на многие годы, но должно быть разработано принципиальное общее решение, учитывающее габариты всех сооружений и необходимых транспортных развязок, должны быть известны и, конечно, существующие сооружения и, в том числе, памятники архитектуры и их охранные зоны.

Отсутствие такого элементарного предвидения может повлечь за собой впоследствии необходимость «неожиданного» строительства, неизбежного при дальнейшем усовершенствовании транспортных коммуникаций, и вот тогда уже гораздо труднее обеспечивать сохранность архитектурного наследия. Приведенный выше пример с транспортными развязками у гостиницы «Россия» в Москве говорит о многом.

При реконструкции городов необходимо в первую очередь решать транспортные проблемы, начиная с магистралей различного назначения, и в том числе для грузового и транзитного движения. При этом надо иметь в виду, что главная улица города и улицы с торговыми магазинами, улицы-бульвары для прогулок и т. п. не должны совмещать свои основные функции с функциями транспортных магистралей.

В последнее время главная улица города все больше приобретает значение улицы для пешеходов, закрытой для всякого сквозного транспорта. Если, как это часто бывает, современная главная улица проложена еще в эпоху старого города, то сосредоточение на ней памятников

архитектуры может быть согласовано с действующими административными центрами, нередко размещенными в зданиях прежних эпох.

Все возрастающий поток транспорта в городах заставляет осуществлять реконструкцию улиц и проездов.

Сеть улиц старых городов в большинстве случаев построена по структуре, вызывающей концентрацию транспорта вблизи ядра города, обычно насыщенного памятниками архитектуры.

Всякое расширение и реконструкция проездов в центральном районе городов неминуемо затрагивает эти памятники архитектуры и часто ведет к уничтожению ценных сооружений, памятников культуры народа. Но и вне пределов центрального района всякое расширение, спрямление магистралей часто ставит под удар группы или отдельные исторические сооружения, находящиеся на учете.

Однако независимо от требований сохранения реликвий истории современные градостроители стараются облегчить напряженность транспортного движения в центральных районах города, улицы которых «захлебываются», не вмещают весь поток передвигающегося и останавливающегося транспорта.

Такая концентрация транспорта стимулируется двумя причинами — сосредоточенностью в этих районах деловых центров и преимуществом более короткого пути пробега через город. Первая может быть постепенно нейтрализована дальновидной политикой городских муниципалитетов путем равномерного рассредоточенного размещения учреждений и предприятий, работа которых связана с большой посещаемостью их населением. Вторая причина устраняется градостроительными приемами путем стимулирования движения транспорта в объезд районов, обладающих невысокой пропускной способностью с обеспечением при этом экономии времени, даже при более удлиненном пути проезда.

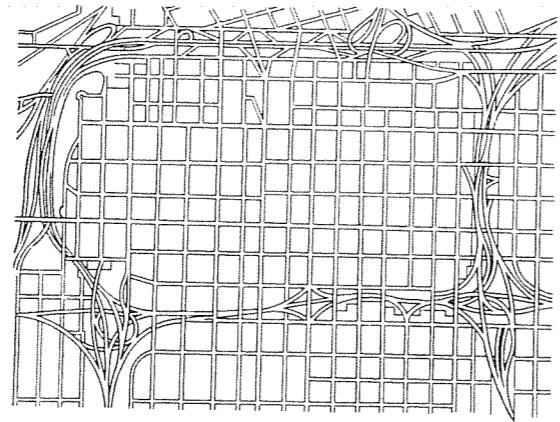
Основные требования современной реконструкции городов во многом совместимы с принципом сохранения в неприкосновенном виде ядра их древней застройки.

Однако достаточное взаимопонимание проектных градостроительных центров и органов, обеспечивающих сохранение памятников, может быть достигнуто лишь при внимательном и серьезном отношении к решению этих сложных комплексных вопросов и, конечно, при своевременной их постановке.

При реконструкции городские проезды, проектируемые соответственно их назначению, делятся на:

- а) магистральные общегородского значения;
- б) магистральные районного значения;
- в) жилые внутриквартальные.

Основной поток транспорта сосредоточивается на магистралях общегородского значения. Трассировка таких магистралей зависит в первую очередь от существующей планировки города и главных направлений движения пассажирского и грузового транспорта. Одно из главных направлений движения — это ежедневно повторяющийся поток транспорта от периферии и ближайших окрестностей к центру и обратно и в значительной части в противолежащие за центром районы,

18. США. Кольцевая автомобильная дорога вокруг делового района в Канзасе

отклонен методом запрета, но легковой все равно будет стремиться просочиться по кратчайшей для него трассе к месту назначения.

Для разгрузки центра от грузового, легкового и массового пассажирского транспорта весьма эффективна прокладка так называемых хордовых магистралей, обходящих центральные районы по возможности в пределах пешеходной доступности. При постройке городов в настоящее время не исключается прокладка таких трасс частично и в тоннелях, особенно при пересеченной местности города.

Достаточность пропускной способности городских магистралей определяется количеством полос движения, т. е. шириной проезжей части и скоростью, с какой транспорт может по ним следовать.

Исследования и нормативные требования показывают, что при 2—3 лентах (полосах) движения ширина проезжей части с учетом зазоров безопасности должна иметь следующие размеры:

При двух лентах для пропуска подвижного состава с преобладанием грузового транспорта	7,5 м
То же, с преобладанием легкового транспорта	7 м
При трех лентах с преобладанием грузового транспорта	11 м
То же, с преобладанием легкового транспорта	10,4 м

Для временных остановок приходится предусматривать дополнительную полосу шириной 3,5 м.

Ширина тротуаров между зелеными насаждениями устанавливается из расчета пропускной способности 1000 пешеходов по ленте шириной 0,75 м. При многоэтажной застройке и наличии магазинов пропускная способность подобной полосы тротуара снижается до 700—800 пешеходов. Однако, согласно нормам, ширину прохода следует принимать не менее 4,5 м на общегородских улицах и не менее 3 м на улицах районного значения.

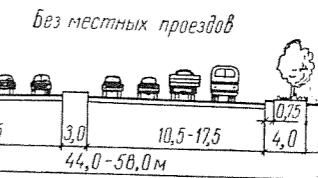
транзитом через центр. Разгрузка центра посредством пропуска транспорта по кольцу, охватывающему город, закономерна только для транспорта, следующего транзитом, и транспорта, особенно грузового, въезжающего в город в сектора, отдаленные от места подхода к кольцу (рис. 18). Пропуск транспорта по кольцу более узкому, охватывающему центральные районы города,— эффективное средство для разгрузки центра, но все же недостаточное. В последнем случае грузовой транспорт может быть

с учетом зеленых полос ширина магистральных улиц общегородского значения достигает 44—58 м (рис. 19).

Магистральные улицы при непрерывном транспортном движении с пересечениями в двух уровнях обеспечивают более скорое передвижение транспорта, а следовательно, и возможность уменьшения ширины проезжей части. Однако в связи с обязательным устройством параллельных скоростному движению местных проездов, а также с массивным озеленением широкой полосы для изоляции от шума и пыли ширину скоростной автомагистрали доводят до 105—110 м при примыкании жилой застройки с одной стороны и до 180 м при необходимости изоляции от шума и пыли с двух сторон от трассы проездов (рис. 20).

Жилые улицы и внутридворовые проезды с зеленью у застройки должны иметь ширину 36—38 м без зеленой полосы у домов 23—26 м (рис. 21).

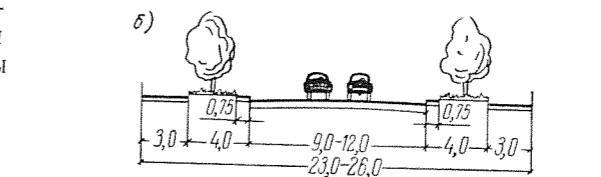
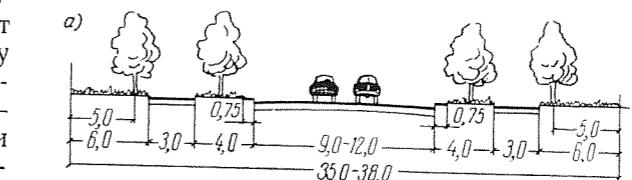
В отношении пропуска транспорта внутри микрорайона надо отметить, что основными принципами градостроительства предусматривается максимальное сокращение такого движения внутри микрорайона и соответствующее сочетание его с движением транспорта по магистральным. Считается возможным также совмещение подъезда к отдельно стоящим зданиям с пешеходным движением¹. Эти вопросы очень важны при составлении проекта планировки участков или квар-

19. Типовой поперечный профиль магистральной улицы общегородского значения без местных проездов

20. Типовой поперечный профиль городской скоростной автомагистрали

21. Типовые поперечные профили жилой улицы
а — с зеленью у застройки; б — без зеленой полосы у застройки

¹ Черепанов В. А. Транспорт в градостроительстве. М., 1964, с. 381.

талов в местах сосредоточения древних памятников архитектуры, на территории кремлей, монастырей и других подобных застроек.

Проезды внутри микрорайона, согласно существующим нормам, для обеспечения встречного движения должны иметь ширину 5,5 м, а ответвления к зданиям — 3—3,5 м при условии устройства разъездных площадок не далее чем через 75 м, длиной 15 м при 6 м ширине. Оборотные площадки в конце тупика делаются размером 12×12 м.

При значительных туристических потоках приходится предусматривать более широкие проезды, допускающие встречное движение автобусов, а главное, резервировать достаточные площади для мест стоянки общественного и индивидуального транспорта туристов. Более подробно этот вопрос освещен ниже.

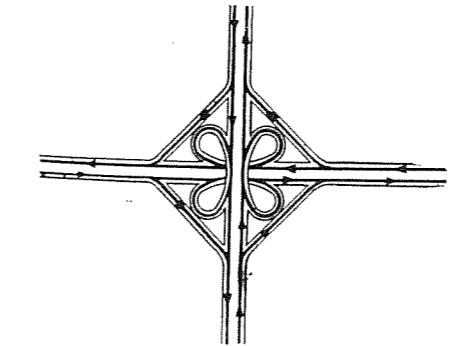
Сведения о ширине магистральных проездов дают некоторое представление о размерах полосы, которую приходится отводить для пропуска транспорта. При этом надо помнить, что лучше предусмотреть больше без ущерба, конечно, для самих памятников и для общего композиционного решения городского ансамбля, нежели через несколько лет стоять перед дилеммой, что же приносить в жертву дальнейшему расширению транспортных устройств.

Не менее существенны вопросы размещения транспортных сооружений в местах пересечения магистралей, у мостовых переходов через реки, вблизи подходов к крупным общественным зданиям и т. п. В связи с тем что с каждым годом обеспечивается все более скорое движение транспорта при одновременном резком увеличении густоты его потока, все интенсивнее приходится строить специальные сооружения и устраивать дорожные развязки, исключающие пересечение транспорта в одном уровне, а затем и обеспечивающие все движение на съездах развязок без задержек на регулирование движения светофорами. Классический пример подобных развязок — пересечение магистралей в двух уровнях по схеме полного клеверного листа (рис. 22). Чем выше намечаемая скорость движения в пределах развязок, тем большими должны быть радиусы левоповоротных съездов (рис. 23).

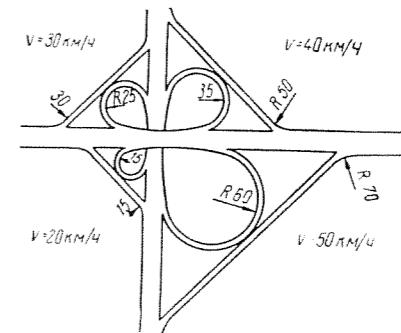
В городских условиях чаще приходится применять «сплющеный клеверный лист» с замедленным движением на минимальных радиусах поворотов, задерживающий движение также из-за необходимости перестроения потоков при выходе отдельных автомобилей на левый поворот (рис. 24).

В настоящее время разработано много схем пересечений транспортных магистралей с регулируемым, частично регулируемым и нерегулируемым (свободным) движением. Выбор того или иного варианта определяется местными условиями и предполагаемой напряженностью (количеством) передвигающегося транспорта. При постепенном росте потоков транспорта растут и требования к более совершенному, быстрому пропуску транспорта в местах пересечений потоков, а следовательно, и к перестройке сооружений и устройств.

Особое место среди транспортных сооружений занимают мосты — сооружения, очень часто соседствующие с памятниками архитектуры, с древними кремлями. Из числа систем сооружений городского транс-

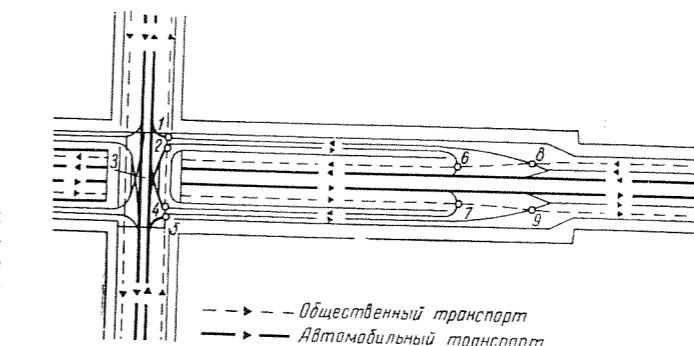
22. Пересечение в двух уровнях по типу полного клеверного листа

23. Левоповоротные съезды клеверного листа с различными радиусами кривых в зависимости от скорости движения по ним. Схема

порта мосты — наиболее дорогие и наиболее сложные постройки, и в то же время их влияние на ближайшую транспортную сеть очень велико. Прежде всего надо иметь в виду, что регулируемое движение транспорта на предметных участках значительно снижает пропускную способность моста. В этом случае при равных пересекающихся потоках транспорта в одном уровне, вдоль реки по набережной и поперек по мосту, пропускная способность мостового перехода бывает снижена по меньшей мере в 2 раза. По мере развития движения транспорта создается необходимость в пересечениях на разных уровнях, а затем и в организации транспортных развязок на предметных территориях для организации нерегулируемого движения. При наличии лишь одностороннего движения по набережной развязка проездов осуществляется сравнительно легко устройством путей по типу «половина клеверного листа». Значительно сложнее развязка при проезде по набережной в двух направлениях. В этом случае в зависимости от ширины набережной возможны два решения:

1) путем устройства пандусов с установкой двух светофоров на набережной в местах пересечения сопрягающих проездов с основным потоком движения вдоль реки или;

24. Движение в двух уровнях по типу сплющенного клеверного листа. Схема. Цифрами обозначены пункты пересечения

2) при широких набережных — порядка 100 м — в виде полукулевого листа с двумя дополнительными кольцами, связывающими трассы обеих сторон движения по набережной (рис. 25).

Совершенно очевидно колоссальное влияние мостового перехода на организацию транспортной сети и всей схемы движения в перспективе.

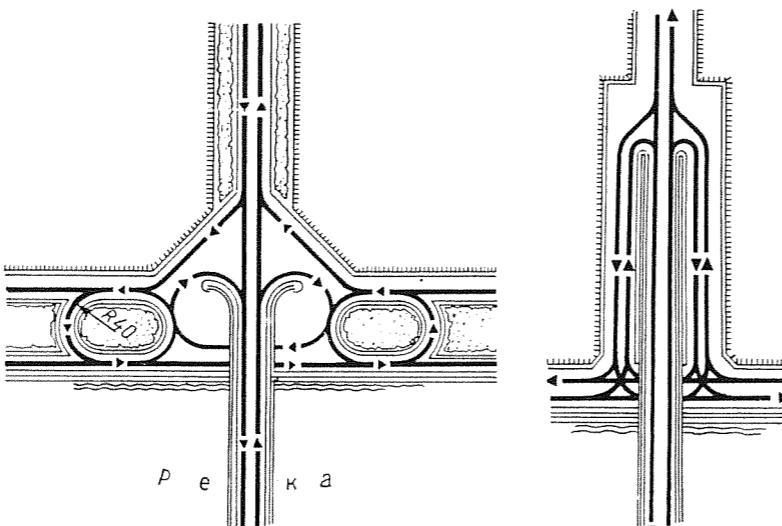
Лишь в простейшем случае, характерном для многих старых городов, при мосте, служащим продолжением одной, подходящей к берегу улицы, не нужна предмостная площадь, кроме площади для ожидания транспорта во время разводки моста.

Однако и в этом случае с развитием транспортного движения не исключается возможность перестройки в будущем такого моста при устройстве развязок и пересечении проездов на различных уровнях.

Примером этому могут служить работы по перестройке еще в 30-х гг. шести мостов в Москве. Организация нормальных проездов по набережным Москвы-реки и устройство длинных береговых подходов в виде наклонных пандусов потребовали значительного расширения предмостных площадей и сноса ряда древних архитектурных сооружений.

Однако и эти большие работы не обеспечивают еще полной развязки на подходах, допуская возможность пересечения в двух уровнях основных направлений движения по мосту и вдоль реки.

Нужно всегда помнить нежелательность очень близкого размещения мостовых переходов магистрального значения вблизи памятников архитектуры, особенно при комплексном расположении последних. Постепенное развитие транспорта неизбежно будет требовать все больших размеров предмостных площадей для устройства развязок. Необ-

25. Движение транспорта на подходе к мосту. Схема

ходимо предусмотреть все возможные транспортные устройства, отвечающие скоростному движению транспорта по мосту при максимальной насыщенности транспортом.

Серьезный элемент транспортной сети представляют собой также городские площади. Их функциональное назначение может удовлетворять требованиям — распределению сквозных потоков транспорта, обеспечению удобных подъездов и стоянок перед входами у мест массового посещения и, наконец, сосредоточению пассажиров, ожидающих транспорт, и распределению транспорта перед въездами на объекты с большим грузооборотом. Первые два требования часто непосредственно связаны с задачей сохранения архитектурных памятников, причем на практике, в условиях сложившейся городской застройки, роль площадей должна нередко отвечать различным транспортным функциям.

Полосы проезжей части на площадях, не имеющих кольцевого движения, обычно рассчитываются на регулируемые взаимно пересекающиеся потоки транспорта двух основных магистралей. Более мелкие транспортные потоки остальных улиц включаются в общую сеть соответственно местным условиям планировки площади. Для скоростного движения в подобных случаях устраивают пересечение на разных уровнях, опуская одну из главных магистралей в тоннель или поднимающая ее на эстакаду.

Довольно часто вопрос о сохранении памятников приходится решать при организации кольцевого движения на площади, связывающей несколько улиц.

Прежде всего следует отметить, что наиболее удобен кольцевой проезд диаметром 100—150 м. Кольцо большего диаметра (200—300 м) представляется несколько завышенным, однако вполне допустимым, если в центре площади имеется какое-либо сооружение.

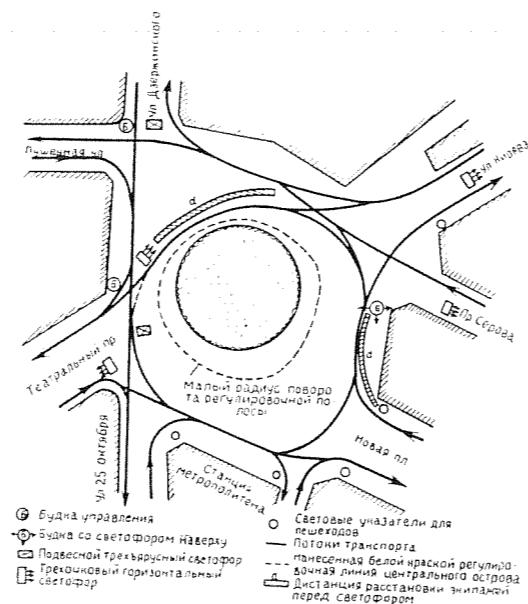
Ширина кольцевого проезда при организации саморегулируемого движения колеблется в пределах 10—15 м, а на площадях с регулируемым движением — 20—30 м. Согласно американским правилам рекомендуется принимать ширину кольцевого проезда как $\frac{1}{4}$ суммы ширины проезжих частей всех улиц, примыкающих к площади¹.

Чрезмерно широкие проезды допускают беспорядочное движение транспорта, что нередко даже снижает пропускную способность площади. Неиспользованные участки на площади могут отводиться под места стоянок, под газоны и т. п. В этих же целях рекомендуется на площадях с кольцевым движением транспорта устраивать центральный озелененный остров. Вопрос о доступе пешеходов на остров решается в зависимости от интенсивности кольцевых потоков.

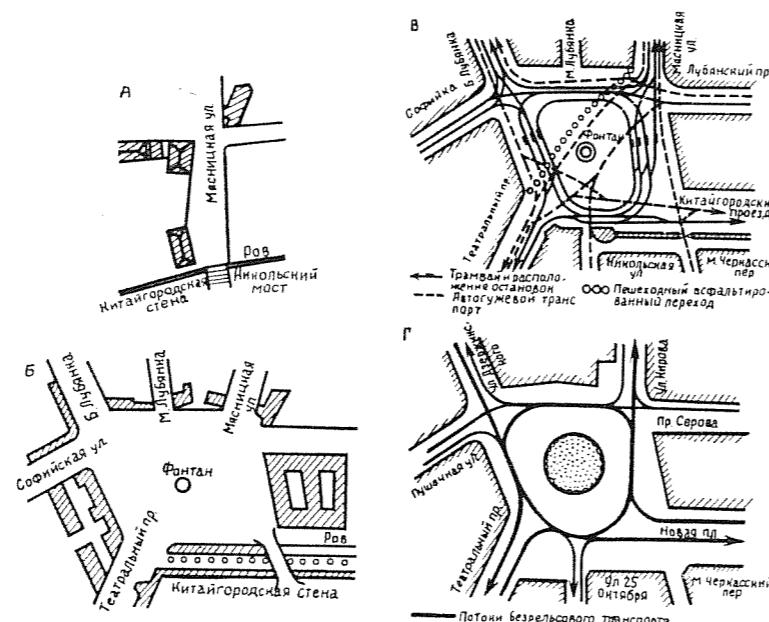
Кольцевое нерегулируемое движение транспорта на площадях отличается наибольшей скоростью и может быть рекомендовано для малых и средних городов, особенно при одноленточном движении автотранспорта и незначительном потоке пешеходов. При неравномерных потоках транспорта, подходящих к площади из разных улиц, а главное при сильно меняющихся расстояниях по кругу между улицами, прихо-

¹ Сигаев А. В. Городское движение и планировка площадей. М., 1957, с. 31.

26. Москва. Трас-
сы автомобильно-
го движения на
площади Дзержин-
ского, 1948 г.

27. Москва. Этапы формирования площади Дзержинского

дится вводить кольцевое регулируемое движение. Так было, например, организовано движение на площади Дзержинского в Москве до перехода на одностороннее движение по улице Кирова, когда на этой улице транспорт, выезжающий с площади, пересекался с транспортом, выходящим из проезда Серова, и, кроме того, имелся доступ транспорта на улицу 25 октября (рис. 26).

Следует отметить, что движению потоков транспорта в настоящее время не помешало бы сохранение участка Китайгородской стены, разобранного в 30-х гг. для развязки трамвайного движения на площади Дзержинского (рис. 27).

Иногда весьма серьезно ставится вопрос о спрямлении отдельных улиц, проездов, сформировавшихся еще при конном извозе, когда их кривизна существенного значения не имела. Нередко при таком спрямлении под удар попадают ценные архитектурные сооружения.

Радиус кривой, согласно современным требованиям, устанавливается в зависимости от расчетной скорости движения транспорта, что, в свою очередь, зависит от категории магистрали.

Для скоростных автомагистралей при скорости движения 100—120 км в час минимальный радиус кривых в плане по оси проезжей части достигает 600 м. Для магистралей общегородского значения с непрерывным движением транспорта величина радиуса может быть снижена до 400 м. При регулируемом движении по магистрали эта величина может быть снижена до 250 м, а для жилых улиц и дорог местного значения — до 125 м. Требования к последней для приведенных категорий проездов определены из расчета величины движения 100—200 приведенных автомобилей в час. При меньшем запроектированном движении ставится вопрос и о некотором изменении радиуса кривых. Согласно «Указаниям по проектированию городских улиц и дорог», выпускаемым в Германии¹, минимальные радиусы кривых в зависимости от категории улицы и застройки района составляют:

Таблица 3

Категория улицы	Радиусы кривых в м	
	в застроенных районах	при отсутствии примыкающей застройки
Главные магистральные	200	300
Магистральные	100	170
Распределительные	75	—
Местные	50	—

¹ Транспорт и планировка городов, пер. с нем. (НИИ районной, городской и сельской планировки Академии строительства ГДР). М., 1960, с. 239.

При планировке проездов в пределах густо застроенных районов старых городов особенно большое значение приобретают условия видимости на улицах. Видимость препятствий, встречного транспорта или транспорта, неожиданно появляющегося на поперечном проезде, считается достаточной, если водитель в любой момент сможет остановить свой автомобиль перед возникающим препятствием. Согласно нормам расстояние видимости на перекрестке рекомендуется принимать не менее 35 м при скорости движения автомобиля у перекрестка до 30 км/ч. Этим и определяется величина так называемого треугольника видимости, в пределах которого не должно быть нарушающих видимость препятствий: киосков, деревьев, остановок транспорта и т. п. Построение треугольника делается на магистральных улицах по оси вторжек от тротуара ленты проезжей части; на прочих улицах — по оси проезжей части (рис. 28).

В заключение следует отметить существующие требования к планировке проездов в местах резких поворотов, пересечений и объездов.

Прямоугольные перекрестки улиц противоречат самой природе механизированного транспорта, способного проходить только по плавным кривым. Поэтому радиусы закруглений бортового камня рекомендуется принимать на улицах местного значения не менее 5 м, а на магистральных улицах — не менее 8 м. Кроме того, на подходах к перекрестку необходимо предусматривать некоторое уширение проезжей части улиц (до 1,5 м) в пределах 10 м участка.

Минимальные величины радиусов поворота по условиям устойчивости автомобилей могут быть: при скорости движения до 20 км/ч 10—15 м, при 30 км/ч 25—30 м. При малых скоростях, не превышающих 10—15 км/ч, допустимый радиус поворота объезда лимитируется конструктивными условиями машин. Для существующих типов легковых автомобилей внутренний габаритный радиус (радиус борта тротуара) не превышает 5 м, а для автобусов радиус около 8 м.

Необходимая общая ширина проезжей части, обеспечивающая возможность обратного разворота, составляет: для легковых машин 15 м, для автобусов 23 м.

Проезды, проходящие вблизи или окружающие памятники архитектуры, связываются через районные магистрали с основными городскими транспортными артериями. Количество выходов для транспорта от архитектурных заповедников, стен кремлей будет, как правило, ограничено двумя-тремя во избежание лишних транспортных узлов. Задачей проектировщиков станет организация удобного транспортного проезда с обязательным сохранением всех ценных реликвий старины.

Приведенные технические требования к транспортным магистралям, проездам и стоянкам машин должны постоянно учитываться при установлении охранных зон вокруг памятников и, что особенно важно, при планировке окружающей застройки, при реконструкции городов. Недостаточный учет резервных территорий для будущих транспортных потоков может стать серьезной угрозой сохранности памятников в будущем.

V. МУЗЕИ ПОД ОТКРЫтыМ НЕБОМ КАК МЕТОД СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ГОРОДА

А. В. Ооловников

Грандиозные преобразования, произошедшие в нашей стране за годы Советской власти, в корне изменившие социальную структуру, экономику и культуру деревни, столь же радикально изменили и ее архитектурный пейзаж, общий характер и весь облик застройки. Старая патриархальная деревня уже давно ушла в прошлое вместе со своим натуралистическим укладом общественно-экономической жизни, почти первобытными орудиями и средствами производства, архаичными пережитками материальной и духовной культуры.

Под неодолимым напором времени уходят в прошлое здания и сооружения, которые были созданы самой природой индивидуального мелкотоварного хозяйства, определяли и образовывали в своей совокупности весь строительный фонд старой деревни, формировали ее архитектурный образ и строй. Но этот строительный фонд, как известно, не ограничивался лишь тем, что было создано сравнительно недавно, в условиях мелкотоварного производства и господства капиталистических отношений. В силу известной замкнутости, отсталости и замедленности развития деревенской деревни в архитектуре крестьянских построек, как и в других средствах сельскохозяйственного производства, в быту и культуре сохранилось немало из того, что было создано в значительно более отдаленные времена, что уходило корнями своего происхождения в недра феодального строя, к истокам древней национальной культуры. Немалое число зданий и сооружений старой деревни в наше время получило значение исторического свидетельства определенных этапов развития материальной и духовной культуры прошедших эпох и стало памятниками народного зодчества. Они вошли в золотой фонд национального культурного наследия народов СССР и в наше время обрели «вторую жизнь» как памятники архитектуры и культуры.

Однако в условиях нашего времени практические возможности сохранения наследия народного зодчества в своей естественной, исторически сложившейся среде вступают в острые противоречия с насущными потребностями экономического и культурного развития социалистической деревни.

Строительный фонд старой деревни, сложившейся в периоды феодального и капиталистического способа сельскохозяйственного производства, не соответствует всему укладу жизни советского крестьянства. Сама планировочная структура старой крестьянской усадьбы,

специфический состав и характер зданий и сооружений, рассчитанных на нужды индивидуального хозяйства, архаичный уровень строительной техники — все это стало в условиях советской действительности тормозом для действенного решения практических задач сельского хозяйства; пропорционально этому уменьшается и возможность сохранения старинных построек в их естественной среде.

По мере укрепления экономики государства тенденции к радикальному обновлению сельского строительного фонда развивались и крепли. Теперь они утвердились уже повсеместно и настолько прочно и глубоко, что их последующее распространение неминуемо должно привести в самые ближайшие годы к почти полной утрате того немногого из наследия древнего народного зодчества, что еще кое-где уцелело. Можно предвидеть, что через какое-то время, очевидно совсем непродолжительное, полная утрата подавляющего большинства древних крестьянских построек — памятников народного зодчества — станет уже свершившимся фактом. Исключение составят лишь сравнительно немногочисленные архитектурные реликвии, находящиеся под государственной охраной, к которым относятся главным образом культовые сооружения и очень немногие другие, являющиеся собственноностью государства. Что же касается крестьянских построек гражданского характера — жилых и производственно-хозяйственных, не охраняемых государством, то при отсутствии мер, необходимых для их сохранности, печальные перспективы дальнейшего существования этих памятников ясны сами собой.

Надо отметить и еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. Дело в том, что подавляющее большинство памятников именно этой категории — избы, амбары, бани, риги и другие приусадебные постройки — представляют собой частную или кооперативную собственность колхозников. В юридическом правовом отношении это ставит их в особое и во многом двойственное положение.

С одной стороны, наиболее интересные и выдающиеся хозяйственno-бытовые постройки включаются в списки памятников архитектуры, что, казалось бы, должно обеспечить для них такую же защиту законом, как и для всех других памятников архитектуры, охраняемых государством. С другой же стороны, именно потому, что памятники данного круга не являются государственной собственноностью, действующее у нас законодательство по сути дела не обеспечивает их сохранность и фактически ставит их в положение вне закона об охране памятников архитектуры.

В настоящее время сложилась такая ситуация, при которой органы охраны памятников архитектуры лишены возможности не только обяжать частного владельца здания-памятника производить своевременный ремонт, но не имеет права даже вкладывать в этот ремонт свои средства, ассигнованные специально на поддержание, консервацию и реставрацию памятников архитектуры. Более того, органы охраны не вправе предотвратить и пресечь любую перестройку старинных крестьянских построек, производимую по вкусу и потребностям их владельцев, как не вправе приостановить даже разборку и снос таких построек, являющихся подчас уникальной редкостью.

Поэтому становится очевидным, что при сложившемся положении вещей реальная возможность сохранения и тем более консервации и реставрации основной массы памятников народного гражданского зодчества непосредственно на их исконных местах чрезвычайно затруднена. Таково, в общих чертах, действительное положение, в котором оказалось наследие народного деревянного зодчества.

Вполне закономерен и общий итог столь неблагополучного положения. На Севере, еще так недавно считавшемся сокровищницей древнерусского деревянного зодчества, теперь уже почти совсем не сохранилось памятников гражданской народной архитектуры, не искаженных позднейшими наслоениями и большими переделками.

Таким образом, при сложившихся условиях, крайне неблагоприятных для сбережения памятников архитектуры старой деревни непосредственно на местах их создания, сама действительность подсказала особыю, реальную и гибкую форму сохранения лучших произведений народного зодчества. Это так называемые музеи под открытым небом, где собираются, хранятся и экспонируются наиболее ценные и типичные памятники архитектуры в комплексе со всеми другими присущими им предметами обстановки, быта и культуры.

Зарубежный и отечественный опыт организации подобных музеев подтверждает правильность этих выводов, а также доказывает испытанную временем жизнеспособность и высокую эффективность такой формы охраны памятников деревянного зодчества.

Во-первых, памятник, перевезенный в музей, оказывается в обстановке, гарантирующей ему полную неприкосновенность и дальнейшее существование.

Во-вторых, перевозка памятника в архитектурный музей и связанная с ней полная его разборка создает очень благоприятную объективную предпосылку для наиболее «чистой», совершенной и полноценной реставрации этого памятника. Только полная разборка позволяет с исчерпывающей полнотой установить все его утраты и определить все позднейшие наслоения. Кроме того, при перевозке памятников открывается возможность поставить срубы на каменные фундаменты с гидроизоляцией, что намного продлит срок жизни памятников и сократит в дальнейшем расходы на ремонт.

В-третьих, памятники, переведенные в музей, находятся в орбите постоянного технического надзора и ухода. Здесь они могут систематически проветриваться, подвергаться своевременному текущему ремонту, антисептированию и другим профилактическим мероприятиям. Кроме того, в музеях имеются несравненно более благоприятные, чем на местах, условия для организации пожарной охраны памятников деревянного зодчества. Только в музейных условиях можно создать контролируемый режим обращения с огнем, соорудить специальный пожарный водопровод, систематически применять пропитку дерева химическими составами, препятствующими горению.

И, наконец, сосредоточение и определенная систематизация памятников в музейных условиях намного облегчает натурное ознакомление с ними. Когда посещение памятников народного зодчества из-за их

отдаленности, разбросанности и бездорожья доступно лишь для немногих энтузиастов или специальных экспедиций, ни о какой массовой культурно-просветительной работе, развивающей на базе этих памятников, не может быть и речи.

И, напротив, когда наиболее типичные и лучшие произведения будут собраны в музеях на открытом воздухе среди живописной природы с хорошо организованными сухопутными и водными подъездными путями, можно не сомневаться в том, что сюда сразу же потянутся поток посетителей со всех концов Советского Союза и из-за рубежа. Что это будет именно так, убедительно показывает опыт уже существующих архитектурных музеев на Западе и у нас. Особенно показателен в этом отношении рост посещаемости Кижского музея. В конце 40-х гг. число приезжающих в Кизи не превышало 100 человек в сезон, в середине 50-х гг. оно составляло несколько тысяч, а теперь за три летних навигационных месяца измеряется уже десятками тысяч. И что особенно важно, основная масса посетителей ныне — не только деятели науки и искусства, как было 12—15 лет назад, а люди самых различных профессий и возрастов.

Отмечая преимущества музея под открытым небом, надо указать и на основной недостаток этой формы сохранения архитектурного наследия. Речь идет о том, что каждый памятник, и особенно такой, как церковь и часовня, будучи изъятым из своей родной среды и перенесенным на новое место, неизбежно утрачивает органическую связь со своим неповторимым природным и архитектурным окружением и, значит, теряет какую-то частицу своего былого обаяния и своей исторической ценности.

Это обстоятельство иногда чрезмерно переоценивается и выдвигается как довод в защиту сохранения памятников только на их исконных местах. Но несостоятельность этого довода очевидна уже потому, что сравниваются и противопоставляются два разных фактора: возможность сохранения отдельного качества памятника и возможность сохранения самого памятника. При этом не следует забывать и того, что речь идет об утрате не уникальных композиционных и структурных качеств сооружения, а лишь в известной мере второстепенных и нередко просто случайных, временных спутников, только подчеркивающих архитектурные достоинства здания подобно выигрышному освещению.

Все то в окружении памятников, что привлекает нас,— живописные куртины темных аллей, чуть не закрывающие всего здания, атмосфера заброшенности и «вечного покоя» и многое другое в этом же роде — все это вряд ли входило в арсенал художественно-выразительных средств, сознательно применявшихся народными зодчими. Образы, исполненные величия, несокрушимой силы и жизнерадостного самовутверждения в лучших творениях народного зодчества вряд ли дают основание предполагать, что современные нам элегические мотивы их окружения в прошлом как-то связывались с этой архитектурой.

Корни скептического отношения к созданию музеев народного зодчества кроются, по-видимому, в непонимании серьезной угрозы, навис-

шей над старинными деревянными постройками, в некритическом эстетике, в недооценке идеологической сущности дела сохранения памятников архитектуры. Эта крайне вредная точка зрения мешает сохранению культурных ценностей, гибнущих у нас на глазах.

Идея создания музеев под открытым небом, как одна из форм активного и действенного сохранения и популяризации наследия народного зодчества, получила в мировой практике очень широкое признание и распространение. Теперь музеи такого рода имеются едва ли не во всех передовых зарубежных странах.

На первом месте среди них стоит всемирно известный шведский музей «Скансен» в Стокгольме, основанный еще в 1871 г. На 30 га этого музея ныне собрано свыше 250 самых различных зданий и сооружений. Этот первенец стал своего рода эталоном для многих музеев, созданных позже в Голландии (Ангейм), Дании (Копенгаген), Норвегии (Лилленхамер), Финляндии (Хельсинки), Румынии (Бухарест), Чехословакии (Рожнов), на Кубе (Гавана), в Индонезии (Джокьякарта) и в ряде других стран.

В СССР, стране многонациональной культуры, идея создания музеев под открытым небом приобрела особую популярность. Первая попытка была предпринята еще в 1923 г. П. Д. Барановским, предложившим создать в с. Коломенском под Москвой «Музейный городок народной архитектуры СССР». По мысли автора проекта, на 5000 га прилегающих к Коломенскому земель надо было собрать произведения народного зодчества всех республик Советского Союза — от Заполярья до Кавказа и от Белоруссии до Сибири. Однако этот малореальный грандиозный замысел претворялся в жизнь крайне медленно, сюда было перевезено лишь пять памятников, один из которых так и остался не собраным.

В послевоенные годы в связи с небывалым патриотическим подъемом и пробуждением повышенного интереса к национальному культурному наследию популярность этой идеи достигла своего апогея, а стремление к претворению ее в жизнь на местах стало своеобразным знамением времени.

Именно с этого времени проблема создания местных локальных музеев народного зодчества той или иной этнической зоны страны, республики, края или области начинает занимать большое место в деятельности многих периферийных органов охраны памятников архитектуры.

В настоящее время в ряде республик и областей Советского Союза музеи народного зодчества уже созданы или находятся на разных стадиях своего дальнейшего формирования и развития. К их числу относятся музеи: в Латвийской ССР в Риге (Баложи), Эстонской ССР в Таллине (Рокк-аль-Марэ), Карельской АССР в Заонежье (Кизи), областной музей в Костроме и некоторые другие.

В других же местах организация музеев пока что еще не пошла дальше разработки проектных предложений или перемещения на музейную территорию лишь единичных зданий. Именно так обстоит дело в Архангельской, Вологодской, Новгородской, Горьковской, Ленинград-

ской, Ивановской областях, Мордовской АССР, Молдавской ССР, Литовской ССР и других областях и республиках.

Но в общем почти повсюду, где специфика памятников архитектуры такова, что их можно сравнительно легко разбирать, перевозить и собирать вновь, идея создания музеев на открытом воздухе утверждалась прочно и в том или ином виде она неуклонно внедряется.

Проблема создания музеев народного зодчества не сводится лишь к решению технических задач по перемещению памятников на музейные территории. Как показала жизнь, правильное и разностороннее разрешение этой довольно трудной проблемы теснейшим образом связано с материалистическим пониманием специфики и сущности архитектуры, с творческим развитием учения В. И. Ленина о двух культурах и с решением многих других столь же сложных теоретических вопросов. Некоторые из этих принципиальных вопросов, как известно, еще не нашли достаточно полной научной разработки и до сего времени остаются дискуссионными. Они нередко получают субъективное одностороннее упрощенное вульгарно-социологическое толкование. Поэтому тематическое содержание музеев народного зодчества — эта основа их жизни — нередко имеет настолько упрощенную направленность, что сама архитектура, главный объект экспозиции, отходит куда-то на третий план, превращается в иллюстрацию самых общих «социальных факторов» и полностью теряет свою первостепенную роль.

Немалую сложность в данной проблеме представляют собой поиски правильной структуры музейной экспозиции или, иначе говоря, принципы пространственной организации всего экспозиционного материала в конкретных топографических условиях каждой музейной территории.

В современной практике создания музеев под открытым небом, отечественной и зарубежной, сложились и утвердились устойчивые принципы их структурного построения. Эти принципы распространяются и на выбор места для музея и на расположение архитектурной экспозиции на музейной территории и на некоторые другие стороны, специфичные для музеев данного типа. Взятые все вместе они дают довольно полное представление о том, какого направления надо придерживаться при создании новых музеев народного зодчества, чтобы избежать ошибок и достичь желаемых результатов.

Из обзора зарубежной и отечественной практики видно, что почти все музеи под открытым небом находятся, во-первых, в непосредственной близости от крупных, чаще всего столичных городов и, во-вторых, в пригородных или городских лесопарковых зонах и обязательно рядом с водой, будь-то река, озеро или морской залив. Другими словами, все они создаются в местах, используемых для зон отдыха, где бывают большие скопления народа и можно удобно расположить архитектурную экспозицию.

Совмещение этих двух основных условий — первый непреложный закон организации музеев под открытым небом, определяющий их жизнеспособность и степень идеально-воспитательной и культурно-просветительной пользы обществу.

Пригородные лесопарки — это лучшее из того, что можно найти для музеев народного зодчества в условиях нашей действительности, когда на всех других территориях, примыкающих к городу, «царит» промышленность, интенсивное сельское хозяйство и широко разветвленная сеть предприятий, обслуживающих нужды современного города.

Привлекательность парков как мест отдыха и развлечений уже сама по себе обеспечивает музею высокую и даже массовую посещаемость. Вместе с тем музейная экспозиция намного обогащает содержание и самих парков. Благодаря этому из сочетания парка и музея получается нечто целое, единое и удачно дополняющее одно другое, что объединяет в себе и приятное, и полезное.

Что же касается размещения экспозиций, то и в этом отношении пригородные парки обладают обычно почти всеми необходимыми качествами. Разнообразный рельеф, водоемы, лес, кустарники, лужайки, поляны и многие другие топографические данные создают здесь вполне благоприятные условия для того, чтобы каждое здание-экспонат могло быть поставлено в музее примерно так же, как стояло оно и прежде.

Кроме того, совмещение функций музея с функциями лесопарков имеет и ряд других преимуществ. Сами парки представляют определенный познавательный интерес, потому что они являются обычно заповедниками, сохраняющими уголки нетронутой природы, типичной для какой-либо географической зоны. Поэтому особенности местной архитектуры в них гармонично дополняются особенностями природных условий, и таким образом сама архитектура раскрывается более полно в своей естественной географической среде. При этом сравнительно большие площади, высокая зелень, перепады рельефа и разные другие особенности парков позволяют скрыть и нейтрализовать неизбежную скученность архитектурной экспозиции — этот один из обычных недостатков музеев под открытым небом.

И, наконец, то обстоятельство, что лесопарки связаны с городом благоустроенными транспортными коммуникациями и обладают обычно сетью культурно-просветительных, коммунально-бытовых и увеселительных предприятий и учреждений, делает парки-музеи легко доступными и интересными для самых широких масс, для людей всех возрастов и профессий.

Общие принципы структурного построения архитектурных музеев сложились в довольно простую и стройную систему. Основной единицей экспозиции служат не отдельные здания, изолированные одно от другого, а целые комплексы различных сооружений, объединенных между собой на основе традиционных планировочных и архитектурно-функциональных признаков с учетом этнической, географической, исторической и так называемой социальной общности каждого экспоната.

Однако в понимании и трактовке самих принципов исторической и социальной общности возникают существенные разногласия. Поводом к ним служат вульгарно-материалистическое понимание сущности архитектуры, недооценка ее как искусства, тенденции к выявлению в народном зодчестве лишь самых общих социальных факторов и явлений предреволюционной деревни, таких, например, как «классовая борьба,

жестокая эксплуатация, социальное расслоение» и т. п. (см. «Государственный музей народного быта Латвии». Краткий путеводитель. Рига, 1950, составитель Типайнис Н. П.). А это, в свою очередь, ведет к одностороннему пониманию архитектурного наследия, к дискриминации некоторых высокохудожественных произведений народного зодчества, к засорению экспозиционного фонда малоценными экспонатами, к иска^{жению} представлений о подлинно народной национальной культуре.

Эта тенденция постепенно преодолевается по мере углубленного осмыслиения и исправления прежних заблуждений и ошибок. Теперь можно не сомневаться, что ошибочные тенденции в понимании архитектуры и в оценке роли архитектурного наследия отойдут в область истории и музеи народного зодчества станут очагами массовой культурно-просветительской деятельности.

Сейчас надо помнить о главном: о том, что сельские здания и сооружения, которые должны формировать основное ядро музеев под открытым небом, сходят с лица земли с катастрофической быстротой, о том, что буквально через несколько лет мы можем стать свидетелями их полной и бесследной утраты. Поэтому сейчас, пока еще время не упущено окончательно, надо сконцентрировать все наши силы и возможности на сохранении того немногого, что еще осталось, что еще можно спасти, показать нашему современному и донести до будущих поколений.

Каково значение музея народного зодчества в облике современного города и его влияние на планировку и застройку пригорода?

Как силуэт отдельного древнего сооружения вплетается в архитектурно-планировочную ткань современного города, так и здания-экспонаты музея народного зодчества органично входят в структуру современной застройки. Они украшают ее и обогащают палитру архитектурных форм, вносят в нее элементы композиционного многообразия, национальной и местной самобытности. И даже возвращают ей аромат поэтического романтизма, давно пропавший и нередко вытравлившийся на протяжении многих лет.

Это органичное единство двух противоположностей — старого и нового — можно видеть на примере многих музеев. Особенно наглядно оно выступает, например, на «морском фасаде» Стокгольма, где темные силуэты древних сооружений «Скансена» мирно сосуществуют не только с контурами старого города, но и со всей новой застройкой XIX—XX вв., с общим обликом и ультрасовременным духом благоустроенного европейского города-столицы.

Кострома... Образ красивого города не отделим от его «екатерининского» центра, древних церквей, ансамбля Ипатьевского монастыря. Но в вихре нового строительства над ней одно время нависла реальная угроза — потерять свой индивидуальный облик исторически сложившегося старинного волжского города, стать одним из многих типовых периферийных вариантов Новых Черемушек — унылых, серых и скучных.

В числе мер, направленных против такого обезличивания города, было и создание в Костроме музея народного зодчества под открытым

небом, экспозиция которого разместилась вокруг стен Ипатьевского монастыря.

Конечно, не один этот музей спас положение и предотвратил на^{двигавшуюся} опасность утраты индивидуальной характеристики города. Но совершенно очевидно и то, что необычные силуэты музейных зданий-экспонатов гармонично дополнили и обогатили ансамбль Ипатьевского монастыря и общую архитектурную панораму всего города.

Причудливые контуры темных церквей, ветряной мельницы и других старинных деревянных построек, обступивших белые стены и башни монастыря, придают панораме города какую-то особую прелест, выходящую за рамки привычной повседневности и уводящую в потаенные глубины человеческого сердца.

Экспозиция музея под открытым небом активно формирует не только общую панораму городской застройки Костромы, ее главный, наиболее ответственный и эффектный «речной» фасад. Еще более активно она воздействует на архитектурную выразительность застройки микрорайона, примыкающего к территории музея, и, в частности, на ту часть города на левом берегу р. Костромы, где расположены фабричные корпуса и здание ТЭЦ, ремонтные мастерские и другие сооружения, даже не претендующие на архитектурно-художественные достоинства.

Великолепный ансамбль — Ипатьевский монастырь, Слобода с ее «обывательской» застройкой и архитектурные экспонаты музея — несказанно скрашивают непривлекательную картину этой сугубо утилитарной части города и еще раз красноречивее всех слов подтверждают, что «не единым хлебом жив человек».

VI. ПАМЯТНИКИ САДОВО-ПАРКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Е. П. Щукина

Одна из важнейших особенностей структуры древних городов,— композиционная и функционально-логическая взаимосвязь между естественными природными особенностями местоположения, планировочной системы и застройкой, а также между искусственно созданными элементами зеленой, водной архитектуры и микрорельефом. Проблему сохранения памятников садово-паркового искусства следует решать комплексно в широком градостроительном плане, не ограничиваясь задачами поддержания отдельных выдающихся образцов. Кроме того, необходимо и само понятие «памятник садово-паркового искусства» расширить, связать с понятием «памятники пейзажного или ландшафтного искусства», имея в виду в данном случае городской пейзаж или городской ландшафт.

При возникновении городов первоначально использовались главным образом естественные особенности рельефа и водных бассейнов, не только обеспечивающие стратегические преимущества при возведении крепостей, но и позволявшие создать грозные и величественные композиции, суровую романтику которых мы пытаемся сберечь при реставрации древних кремлей и замков. Значительно позднее, когда отступила в века военная напряженность эпохи средневековья, а идеи гуманизма проникли в градостроительное искусство, стали создаваться садово-парковые ансамбли, включаемые как органические компоненты в пространственную систему города.

Изучая памятники садово-паркового и ландшафтного искусства, а также изыскивая способы и методы их сохранения при реконструкции, следует учитывать не только историческую и художественную ценность отдельных объектов, но и значение этих памятников зеленой архитектуры в формировании всей планировочной системы данного города, района или квартала.

Наиболее ответственные историко-градостроительные проблемы обычно разрешаются при реконструкции древнего центра города. В соответствии с нашим современным пониманием задачи сохранения культурного наследия ядро исторического города следует рассматривать не только как район, где сконцентрированы отдельно стоящие памятники, но и как единое целое, как памятник градостроительного искусства, ценность которого заключается в общей архитектурно-планировочной пространственной композиции. Право на сохранение при этом имеют в равной степени как уникальные здания, так и рядовая за-

стройка, и сама планировка с сеткой средневековых улиц, и древняя топография, и остатки старого благоустройства, и малые формы. Сохранение общего облика исторического города неотъемлемо связано также с сохранением его живописных особенностей и вполне совместимо с его реконструкцией, имеющей целью улучшение санитарно-бытовых условий. Внимание при этом должно уделяться не только восстановлению и реставрации исторических элементов, в частности памятникам ландшафтного и садово-паркового искусства, но также озеленению территории около памятников архитектуры, освободившейся после сноса малооценной застройки, наносившей памятнику ущерб.

Возникновение дошедших до нас памятников садово-паркового искусства, расположенных непосредственно на территории древнего ядра города, следует относить чаще всего к XVIII в. На территории кремлей, освобождавшейся от малооценной застройки, на месте устаревших рвов, валов и бастионов, а также на участках, где были разобраны обветшалые оборонные стены, устраивались сады, бульвары, аллеи, которые в настоящее время прочно вошли в структуру древних центров русских городов. Подобный градостроительный процесс происходил во многих средневековых городах Европы. Однако следует помнить, что центральные ансамбли древних городов нашей страны, расположенные в южных и восточных областях, носили иной характер: они создавались как единое целое с обширными садами и искусственными водоемами. Это бывшие ханские резиденции, в которых сад по замыслу зодчего играл роль доминанты, синтезирующей многообразные виды искусства.

Наибольшую самостоятельную ценность как образцы высокого садово-паркового искусства представляют ансамбли дворцов и городских или загородных усадеб, создававшихся в XVIII—XIX вв. на свободных местах за пределами густо застроенного и затесненного центра древнего города или входящих в композицию строившихся в конце XVIII—начале XIX в. городов. Эти дворцовые и усадебные садово-парковые композиции органически связывались с современной планировкой и застройкой и представляли цельные городские комплексы. До нас они дошли в сравнительно полной и хорошей сохранности и являются украшением и гордостью многих городов Советского Союза. Естественно, что не только время создания определило композиционные особенности таких дворцовых и усадебно-парковых ансамблей. Эти особенности зависят также от национального характера и географического положения города, природных условий, естественного ландшафта и т. п. Особенно широкие возможности для создания живописных и торжественных композиций представляли не используемые для хозяйственных целей берега моря, заливов или рек.

В пейзаже древних городов большую роль играли также монастыри, расположенные на живописных местах или ключевых позициях оборонной системы города. В старину в них устраивались замечательные сады не только хозяйственного характера, но и декоративные (общепринятый в истории садово-паркового искусства термин «увеселительные» здесь, пожалуй, был бы не вполне уместен). Идеальным прообразом таких садов служил «сад райский». Древние сады и даже

их планировка в большинстве случаев до нас не дошли. Многие из монастырей сохранили свое архитектурно-планировочное значение и в условиях перманентной реконструкции окружающих кварталов. Созданные на территории монастырей и вокруг их стен в XVIII—XIX вв. сады и бульвары следует рассматривать как элементы монастырского комплекса, в некоторых случаях подлежащие сохранению наряду с памятниками архитектуры. По своему архитектурно-планировочному характеру эти поздние сады и бульвары близки к садам и бульварам, возникшим в то же самое время на территории кремлей и вокруг них.

К значительным садово-парковым образованиям, игравшим важную роль в структуре древнего города, следует также отнести исторически сложившиеся комплексы усадебных садов и парков, расположенных почти непрерывной чередой вдоль небольших, обычно несусходных, речек или ручьев, пересекающих город. Эти, иногда в отдельности, небольшие сады вместе создают широкий живописный зеленый массив, сужающийся к центру и расширяющийся по мере удаления от него.

К зеленым элементам, играющим также определенную роль в структуре исторического города, можно отнести радиальные бульвары и сравнительно новые «зеленые клинья», которые проходят от центра города через массивы застройки к пригородным районам или лесопарковым зонам и служат путями, по которым поступает в город свежий воздух. Подобные бульвары существуют во многих городах, их возникновение относится главным образом к концу XVIII и к XIX в.

Надо указать еще на одну форму садово-паркового искусства, которая получает все большее развитие и сопутствует работам по восстановлению памятников архитектуры или организации охранных зон,— это создание нового антуража памятников архитектуры, которые не сохранили исторически ценного или достаточно живописного окружения. Планировка и озеленение территории таких памятников может носить современный характер, но подчиненный задачам выявления художественных особенностей памятников, создания условий для наилучшего его осмотра, а также включения его в общую структуру города или квартала.

Мы указали на несколько основных групп унаследованных памятников садово-паркового и ландшафтного искусства, руководствуясь их ролью в общей структуре исторического города.

Однако следует отметить возможность хронологической систематизации некоторых планировочных структур и элементов памятников садово-паркового искусства. Эти памятники, включающие живые объемные формы зеленых насаждений, на протяжении веков видоизменялись, пополнялись и дошли до нас со значительными «наслоениями», что не позволяет отнести их создание к какому-либо четко определенному времени.

Садово-парковое искусство, как свидетельствуют историко-литературные источники, не менее древнее, чем архитектура. Следует критически относиться к бытующему понятию о возникновении в России декоративных или увеселительных садов только ко второй половине

XVII в., хотя мы действительно не располагаем пока достаточно обширным материалом, который позволил бы дать исчерпывающий стилевой анализ русских садов, например XII или даже XV в. Но если изображения на древних иконах помогают пополнить наши знания в области русской архитектуры, а иногда (при документальной точности этих изображений) используются при восстановлении облика исчезнувших сооружений, то с неменьшим правом возможно таким образом в общих чертах установить характерные особенности и садово-паркового искусства древности. Например, на иконе XVI в. «О тебе радуется» изображен, на первый взгляд в обычной условной манере, многоглавый огромный храм, стоящий в саду. Однако сад на этой иконе трактован как единое художественное целое с великолепным храмом. Манера бесперспективного изображения позволила воспроизвести регулярный ритм однотипных планировочных членений. Обращает внимание декоративность насаждений, любопытен и разнообразный ассортимент растительности в этом саду. Деревьям, кустам, цветам и травам дана индивидуальная художественная характеристика, свидетельствующая о знакомстве автора иконы с земными садами и искусством компоновки в них декоративных растений. Не менее замечательная в этом отношении и другая икона середины XVI в.—«Церковь воинствующая» (хранится в Третьяковской галерее). Не останавливаясь на ее аллегорическом и политическом содержании, обратим внимание только на изображенное место действия — это не просто пейзаж, а парковый ландшафт с дорогами, обсаженными деревьями, с живописными прудами и насыпным холмом. Новгородская икона XVI в. «Видение пономаря Тарасия» говорит о тонком понимании красоты городского пейзажа и сочетания архитектурных форм с природными живописными элементами. Дошедшие до нас литературные источники носят в основном хозяйствственно-бытовой характер и соответственно в них описаны главным образом хозяйствственные сады. Следует отметить, что не всегда правильно понимались, а затем трактовались в последующих работах древние термины. Например, слово «город», «школа», «водомет», как правило, воспринималось в современном понимании, и примечательный древний сад, окруженный оградой, превращался в поздних описаниях в хозяйственный огород при барском доме, фонтан — в устройство для отвода воды и т. д.

Недостаточно уделялось внимания и сведениям о кедровых рощах, насаженных еще в XVI в., и об обширных прудах, и искусственных холмах, насыпанных из земли, вынутой прикопке прудов. При сопоставлении этих данных со сведениями, которые можно почерпнуть при взгляде на иконы XV—XVII вв. (указывающие на тонкое понимание искусства создания пейзажа, сада, группы растений, сочетания их с водными потоками, выразительным рельефом или просто каменными глыбами), появляется уверенность в том, что русское садово-парковое искусство, как регулярное, так и пейзажное, развивалось довольно сложным путем и достигло значительной высоты еще в XVI в. Коренная перепланировка в древних городах, селах или усадьбах практически осуществлялась редко. Местоположение центрального ансамбля, подъ-

ездные пути, значительные водоемы, особенности рельефа, расположение участков, занятых насаждениями, как правило, остаются почти неизменными и ведут свое начало из глубокой древности.

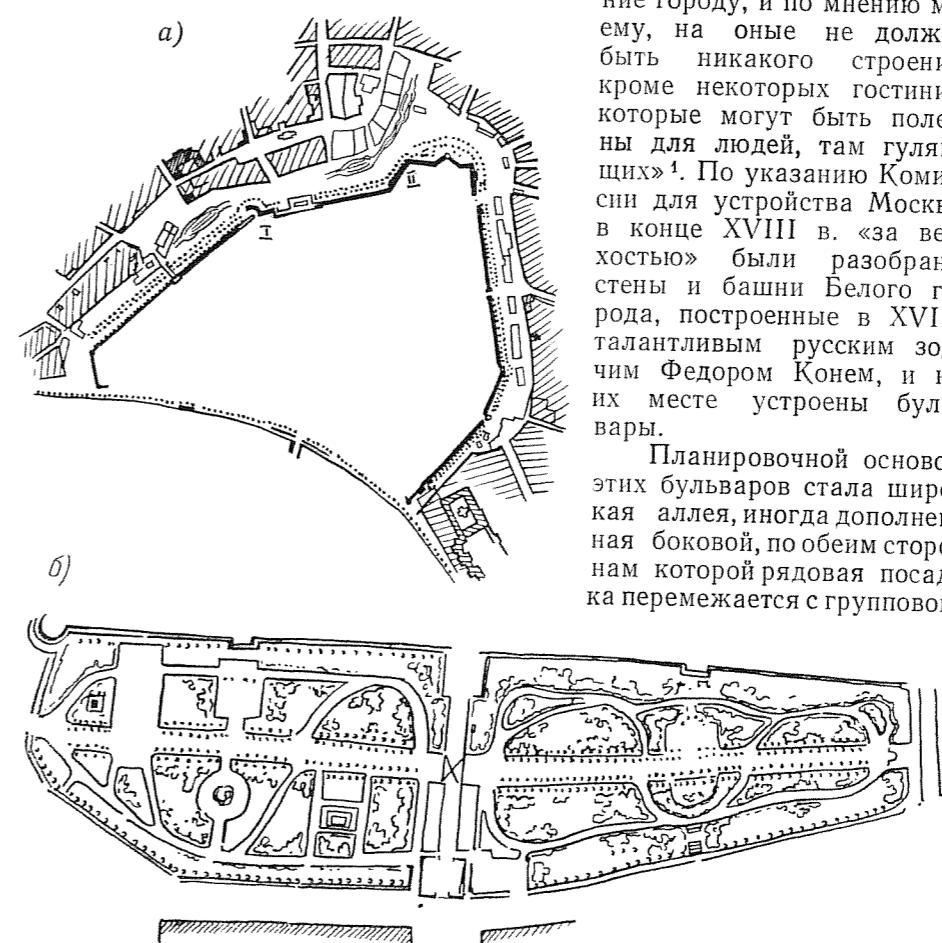
Однако по характерным особенностям планировки садово-парковых элементов можно установить докомпоновки и перекомпоновки, сделанные в первой половине XVIII в. Эти элементы отличаются удивительно правильными геометрическими построениями, отразившими увлечение точными науками, преклонение перед рационализмом и четкими математическими формулами. Вторая половина XVIII в. внесла в садово-парковые композиции черты сентиментализма, любовь к естественности, к романтике ушедших времен, возродила и развила искусство создания пейзажа. В первой половине XIX в. в парках создаются грандиозные искусственные пейзажи со сложной системой водоемов, изрезанным рельефом, которые поражают не столько художественными достоинствами, сколько разнообразием форм, высоким инженерно-техническим мастерством и развитием ботаники.

Памятники садово-парковой архитектуры и древние центры городов. Памятники садово-парковой архитектуры древних центров городов, которые мы рассматриваем сейчас в комплексе с архитектурными памятниками, относятся в большинстве случаев к концу XVII — началу XIX в. В исторических центрах городов Москвы, Новгорода, Владимира, Таллина, Риги, Каменец-Подольска, Ужгорода, Львова и др. зеленая архитектура частично или полностью заняла место устаревших инженерных сооружений, служивших для обороны. Уничтожение древних рвов, валов, эспланад, бастионов и даже крепостных стен с башнями и устройство площадей, бульваров, парков, скверов началось в Западной Европе и России с конца XVII в.

Москва может служить примером наиболее полного развития такого приема реконструкции города, позволившего не только сохранить, но и подчеркнуть средневековую радиально-кольцевую систему планировки. Древнее ядро Москвы, как большинство средневековых городов-крепостей, свое живописное, ландшафтное начало получило от выразительного рельефа. Характер высокой стрелки при слиянии реки Москвы и реки Неглинки определил расположение Кремля, его конфигурацию. С утратой оборонного значения Кремля возникает стремление к благоустройству его территории в соответствии с новыми требованиями времени. Вокруг Китайгородской стены и Кремля по проекту 1775 г. намечается создание липового бульвара. Часть древних укреплений обрекается на снос (рис. 1, а). Новое звучание в жизни города получает и сама Москва-река. Градостроителями XVIII в. она рассматривается не только с экономической точки зрения, как транспортная магистраль, но и с точки зрения ее градообразующего архитектурно-художественного значения. Панорама Кремля и Китай-города дополняется Воспитательным домом, сооружением, воздвигнутым в новых формах и для своего времени грандиозных масштабов. Создание липового бульвара вдоль всей набережной способствовало композиционному объединению старых и новых сооружений и водного зеркала Москвы-реки. План 1775 г. полностью в XVIII в. осуществлен не был, но получил свое даль-

нейшее развитие в проекте В. Гесте. В своем рапорте в исполнительный департамент Министерства полиции арх. В. Гесте писал: «...земляные бастионы, окружающие Кремль и Китай-город к стороне Белгорода, осыпаются и ров почти засыпан мусором и если угодно начальству выровнять сии бастионы и досыпать ров, то на сем месте может быть сделан бульвар, кругом сей части, который, по мнению моему, украсит сии древние стены и башни и был бы полезен жителям Китай и ближайшей части Белгородов, которые отделены от бульвара около версты...» и далее «...Бульвар и земляной вал делают великое украшение городу, и по мнению моему, на оные не должно быть никакого строения, кроме некоторых гостиниц, которые могут быть полезны для людей, там гуляющих»¹. По указанию Комиссии для устройства Москвы в конце XVIII в. «за ветхостью» были разобраны стены и башни Белого города, построенные в XVI в. талантливым русским зодчим Федором Конем, и на их месте устроены бульвары.

Планировочной основой этих бульваров стала широкая аллея, иногда дополненная боковой, по обеим сторонам которой рядовая посадка перемежается с групповой.

1. Москва. Схема бульвара вокруг Кремля и Китай-города
а — схема по проекту Комиссии для строения; б — план Александровского сада 1949 г.

¹ Отечественная война в письмах современников. Спб, 1882, с. 378.

Укрепление Белого города (на это указывали и некоторые современники) следовало бы сохранить даже в руинированном состоянии и вкючоновать их в бульварное кольцо. Однако, несмотря на утрату этого ценного памятника оборонного зодчества, созданное на его месте зеленое кольцо бульваров представляет свою ценность; оно органически вошло в композицию города и закрепило первоначальную структуру центрального района города.

Одним из наиболее сложных вопросов в архитектурно-художественном отношении оказалось создание общественных садов непосредственно у стен Кремля. Над первыми их проектами работал мастер пейзажного искусства Н. А. Львов, позднее архитектор О. Бове (рис. 1, б).

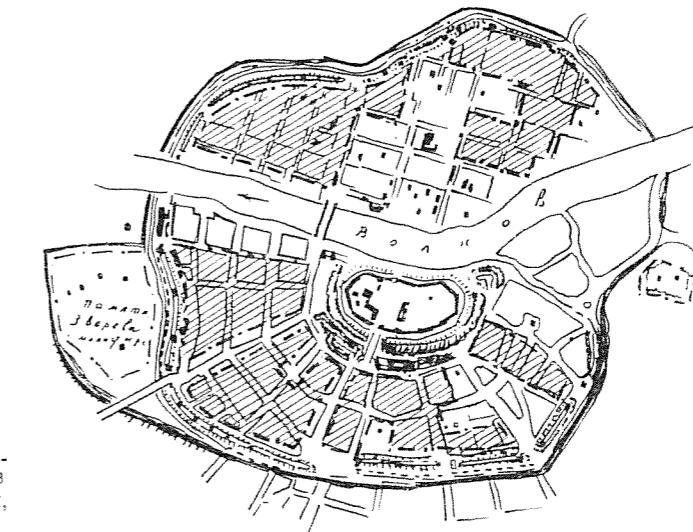
Планировка сада проста. В ее основу положены три аллеи, направление которых подчинено направлению берегового откоса и Кремлевской стены. Средняя, широкая аллея частично повторяет направление, взятое в трубу реки Неглинной. Декоративным сооружением, созданным одновременно с заложением сада, является грот в откосе под Арсенальной башней Кремля. К сооружениям нашего времени следует отнести обелиск в честь международного революционного движения, переделанный из дореволюционного монумента, и «Могилу неизвестного солдата» — памятник, воздвигнутый в ознаменование 20-летия победы над фашистской Германией. Эти два парковых сооружения своим идеальным содержанием связали Александровский сад с садом некрополя, лежащим у стен Кремля со стороны Красной площади. Александровский сад проектировался с учетом сохранения возможности зрительного восприятия кругого откоса и величественных, возвышающихся над ним стен и башен Кремля. Однако первоначальный замысел был нарушен. Высокая растительность закрывает основание и нижнюю часть Кремлевских стен и стала сама непосредственным объемным компонентом прилегающей площади. При решении вопроса реконструкции центра возникает альтернатива. Что важнее? Сохранять ли непомерно засаженный и разросшийся сад или расчистить его от малоценной и высокой растительности, например тополей и открыть склоны холма и основание Кремлевских стен. Подобная реконструкция изменила, например, облик и древних укреплений Новгорода Великого. На ранних изображениях этого города показана сложная система оборонных сооружений, которая включала Детинец, Большой земляной город и Малый земляной город с западной стороны Детинца. Согласно исследованиям М. К. Каргера, первоначальные земляные сооружения относятся ко второй половине XVI в. На протяжении XVII и XVIII вв. они перестраивались и обновлялись. А в начале XIX в. были засыпаны рвы и срыты валы. На месте Малого земляного города (его северной части) разбивается сад, однако при этом сохраняются как видовые площадки два бастиона: северный у Волхова и южный (Екатерининская горка). Большой земляной город-острог также поддерживался до XVIII в. В XIX в. его сооружения разрушились, сохранился только вал, который на отдельных участках был обсажен деревьями и превращен в бульвар (рис. 2).

108

Во Владимире вдоль древнего земляного вала и непосредственно по его склонам разбит парк. Основная прогулочная дорожка проходит по высокому хребту Козлова вала, который в XII в. был насыпан по бровке естественной прибрежной возвышенности. С этой дорожки открываются живописные виды как на город и его памятники, так и на широкую пойму Клязьмы, заречный Георгиевский лес и обширные фруктовые сады, сливающиеся с парком на валу. Значительные древние сооружения, расположенные вблизи вала, — Золотые Ворота, церковь Николы в Галеях, стоящая у самой воды, а также церкви Георгиевская, Спаса и Николы — обогащают первый план раскрывающихся перспектив и делают парк на валу одним из привлекательных мест для прогулок и отдыха. Однако разросшаяся дикая растительность, отсутствие прогулочной тропинки у подножия вала и удобных подходов к указанным памятникам, а также архитектурно и планировочно не оформленный разрыв между валом и Золотыми Воротами и оплавившие склоны вала снижают художественные достоинства всего комплекса и требуют вмешательства реставраторов и планировщиков.

Примером хорошо ухоженного парка с тщательно продуманными и разработанными деталями может служить парк, разбитый вдоль древних укреплений средневековой части Таллина, и липовый бульвар на его бастионах. Этот парк охватывает древнюю часть города с западной и южной сторон. Применение в значительной мере партерной и небольшой растительности, вертикального озеленения подпорных стен способствует тому, что зеленая архитектура этого парка прекрасно сочетается с архитектурой древних памятников.

В Каменец-Подольском при создании парка вокруг древнего ядра города были использованы своеобразные и необычайно живописные природные особенности местоположения. Старый город, в котором

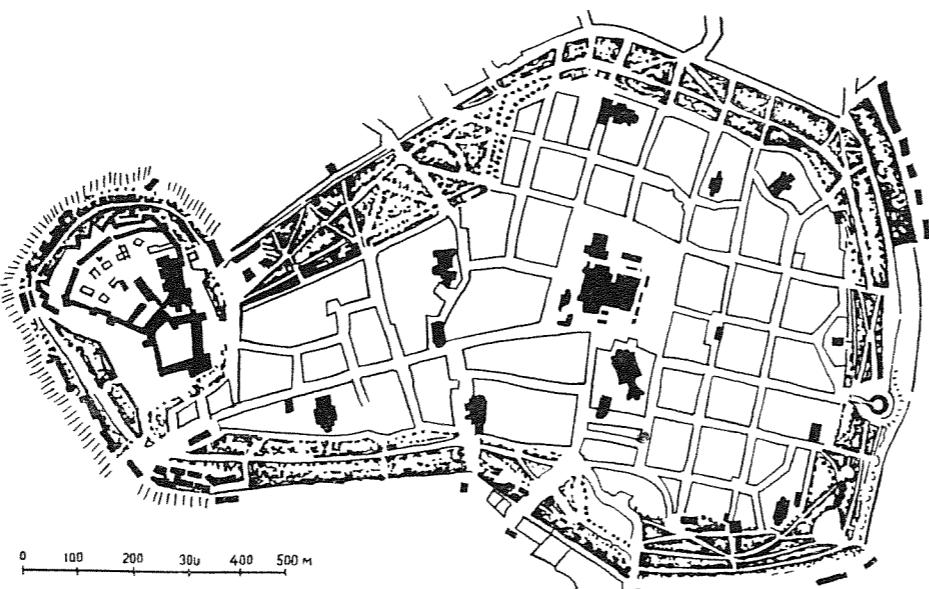

2. Новгород. Схема бульваров вдоль укреплений, XIX в.

109

сосредоточены разновременные памятники разных народов,— русских, поляков, турок и украинцев, лежит в петле быстрой реки. На высоком обрывистом берегу за шумным водным кольцом в XIX в. был разбит парк, который дугой, повторяющей очертания реки, охватил старый город и отделил его от нового, получившего неограниченную площадь для своего развития. Парк, решенный в свободной манере, богат разнообразными насаждениями. Прекрасные группы редких и местных пород деревьев, а также густые, сплошные их массивы чередуются с открытыми с различных точек перспективами на старый город. Архитектурные памятники этого неповторимого города как бы все время присутствуют в парке. Все это позволяют отнести его к лучшим произведениям садово-парковой архитектуры такого рода.

На протяжении более двух веков развивалось и становилось архитектурно-планировочной традицией восполнение утрачиваемых крепостных элементов в центре исторических городов, элементами зеленой архитектуры (рис. 3). Растительность использовалась как архитектурный компонент, роль которого в образовании улиц или площадей аналогична роли застройки. При этом стремление украсить древние и чтимые сооружения и места нередко приводило к их частичной или полной утрате, как мы видели на примере устройства бульваров на месте укреплений Белого города или парка Высокого города во Львове. Однако в данном случае не рассматривается вопрос о том, совместимо ли создание этих садов и бульваров с задачей сохранения исторически-подлинной городской среды, соответствующей средневековым оборонным сооружениям. Центры старых городов дошли до нас с этими поздней-

3. Краков. Схема паркового кольца вокруг древнего города

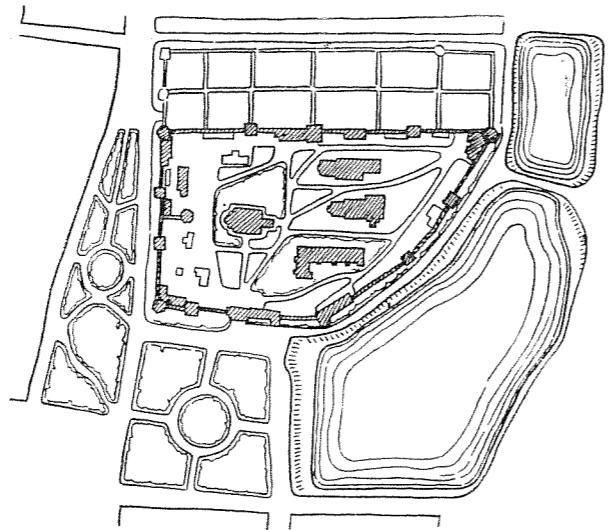
шими компонентами, вошедшими в плоть города, в жизнь города и определяющими часто его художественный облик и специфику городской общественной жизни. Памятником, подлежащим сохранению и включению в структуру реконструируемого города, является архитектурно-планировочный комплекс с ценными историческими наслоениями, которыми в данном случае являются садово-парковые элементы.

Значительными компонентами в структуре исторических городов остаются до настоящего времени древние сторожевые монастыри, создававшие кольцо внешней обороны города. Эти монастыри вошли в черту города и были затеснены позднейшей застройкой еще в конце XVIII—начале XIX в. В проекте планировки послепожарной Москвы В. Гесте пытался подчеркнуть художественное и планировочное значение таких монастырей путем создания вокруг них садов и колец бульваров. Но расчистка для этой цели значительных участков не могла быть осуществлена в условиях частного владения на прилежащие к монастырским стенам участки. В результате развития и реконструкции Москвы с течением времени около стен Новодевичьего, Донского, Данилова, Андроникова, Новоспасского и Симонова монастырей выросли скверы и парки с частичным восстановлением некоторых особенностей исторического рельефа (рис. 4, 5). По своим архитектурно-планировочным особенностям эти сады, скверы и парки носят характер, подчиненный ансамблю и окружающей застройке, и по историческому и художественному значению они аналогичны современным им бульварам, возникшим вокруг кремлей и крепостей.

Дворцовые и усадебно-парковые ансамбли города и пригородов. К памятникам садово-паркового искусства, представляющим самостоятельную художественную ценность, относятся главным образом дворцовые и усадебные садово-парковые комплексы. Большинство из них первоначально создавалось как сады и парки по современной терминологии закрытого характера или ограниченного пользования, но под влиянием исторических и социальных изменений они становились садами общедоступными. Наивысшего развития садово-парковое искусство как неотъемлемая часть градостроительства в России получило в XVIII в.

Наиболее значительную архитектурно-планировочную роль играли парковые ансамбли при строительстве Петербурга. Если Москва, Тула, Калуга и другие среднерусские города замечательны усадебными садами, то в Прибалтике и областях Западной Украины основную ценность представляют парки средневековых замков. На Черноморском побережье, особенно в Крыму, сосредоточены своеобразные относительно небольшие сады и парки, которые, сливаюсь с естественным пейзажем, превращают узкую прибрежную полосу в сплошной вечнозеленый и вечноцветущий сад, в котором утопают курортные города. В степных городах Украины встречаются первоклассные образцы паркового искусства, художественные достоинства которых усиливает контраст с окружающей природной средой.

Однако, как уже отмечалось, наиболее полно садово-парковое искусство было использовано при планировке и строительстве Петер-

4. Москва. План скверов около Новодевичьего монастыря

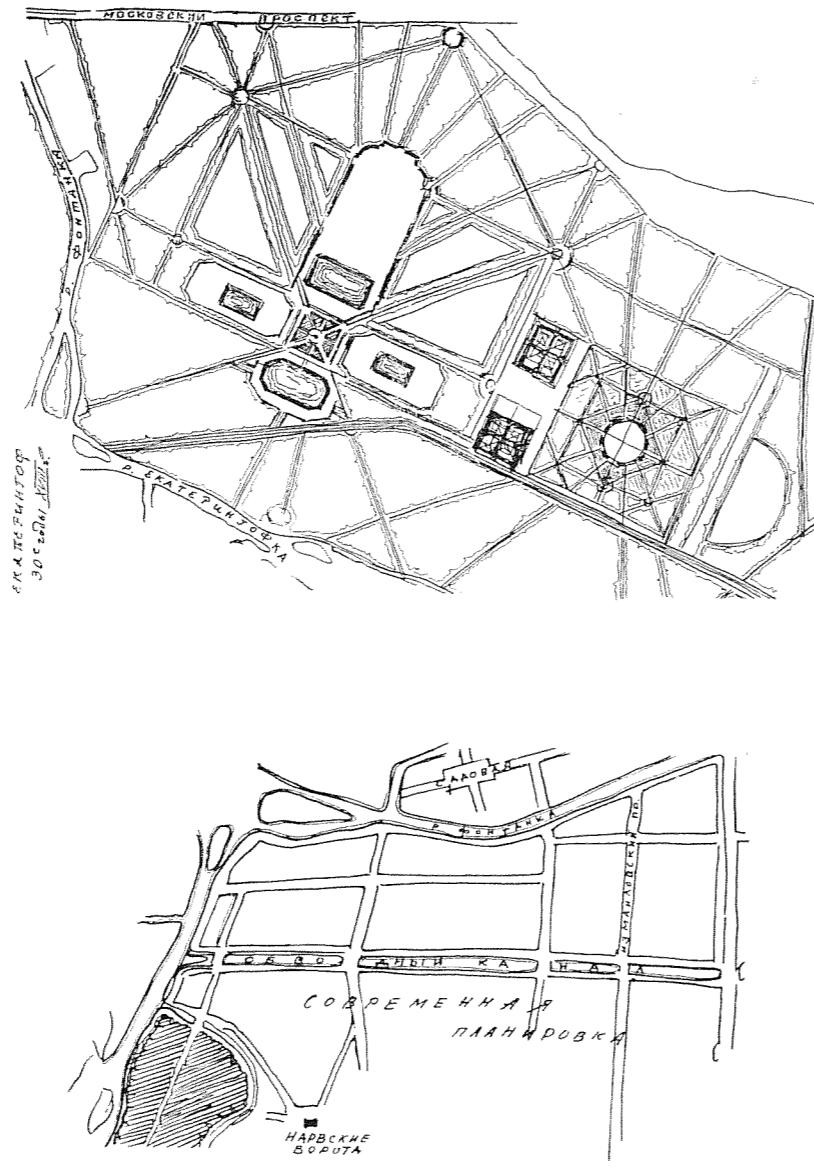

5. Москва. План сквера около стен Симонова монастыря

бурга. Композиции садов в первой трети XVIII в. уделялось не меньше внимания, чем архитектуре дворцов и домов. Иностранцев приводили в изумление не только размах дворцово-паркового строительства в Петербурге, но и непостижимо быстрый, по их мнению, рост деревьев, который позволил за короткий срок (в несколько лет) завершить создание замечательных садов. Берхольц, описывая один из садов на р. Мойке, который он увидел в 1721 г., отмечал: «...группа деревьев в этом саду, несмотря на удаленный север, разрослась так скоро в ширину и в высоту, но это был род деревьев в наших странах, кажется неизвестный, с листьями как у винограда» (по-видимому, татарский клен.—Е.Щ.). Следует отметить, что при создании садов Петербурга в первые годы широко применялась пересадка из лесов взрослых деревьев (во второй половине века для этой цели часто использовались не леса, а ранее созданные сады, обычно опальных вельмож). Сохранились многочисленные донесения, рапорты, отчеты, в которых говорится о десятках тысяч пересаженных деревьев: «...за один день перевезено и посажено 5140 деревьев толщиной 7—9 дюймов...» (из отчета о строительстве Стрельны 1718 г.).

Помимо больших дворцовых садов (рис. 6), неоднократно привлекавших внимание исследователей (четырех летних садов при летнем дворце, сада Меншикова на Васильевском острове, Екатерингофского зверинца «Променада», Марсова поля), в начале XVIII в. в Петербурге была намечена к созданию и почти полностью осуществлена система садов по берегам рек Мойки и Фонтанки. Участки по берегам этих рек раздавались знатным вельможам, их дворцы и сады по великолепию могли соперничать с царскими резиденциями. Создание этих многочисленных садов с обязательными каналами и гаванями способствовало не только украшению города, но позволило в относительно короткий срок на частные средства провести осушение и благоустройство заболоченных берегов этих двух речек с многочисленными заводями.

Большое значение имело также использование при строительстве малых усадеб «образцовых», т. е. типовых проектов, разработанных Д. Трезини по указанию Петра. Сады этих усадеб, рассчитанных на владельцев различного достатка, отличались друг от друга размерами и богатством убранства, но сохраняли общий стилевой характер и единую масштабность. Широкое применение таких проектов позволило упорядочить рядовое строительство и развить сеть садов, сделав их основными компонентами не только дворцовых ансамблей, но и малых усадеб. Архитектурно-планировочная композиция как величественных дворцовых садово-парковых ансамблей, так и садов средних и малых усадеб Петербурга первой трети XVIII в. имела те же особенности, что и архитектура зданий. Планировка как садов, так и зданий была геометрически правильной и четкой, с ясно выявленной главной осью симметрии и повторением в определенном ритме однородных по общим очертаниям элементов, подчиненных в здании центральному залу, а в саду — партеру или обширному бассейну. Все художественное богатство и разнообразие сосредоточивались в декоре здания и в декоре боскетов, бассейнов, фонтанов.

6. Ленинград. Екатерингофский зверинец. План 1730-х гг. и современная планировка этой части

Всемирную известность приобрели дворцово-парковые ансамбли пригородов Ленинграда, в которых получили выражение и были использованы как национальные особенности русского садово-паркового искусства, так и многолетний опыт западных мастеров.

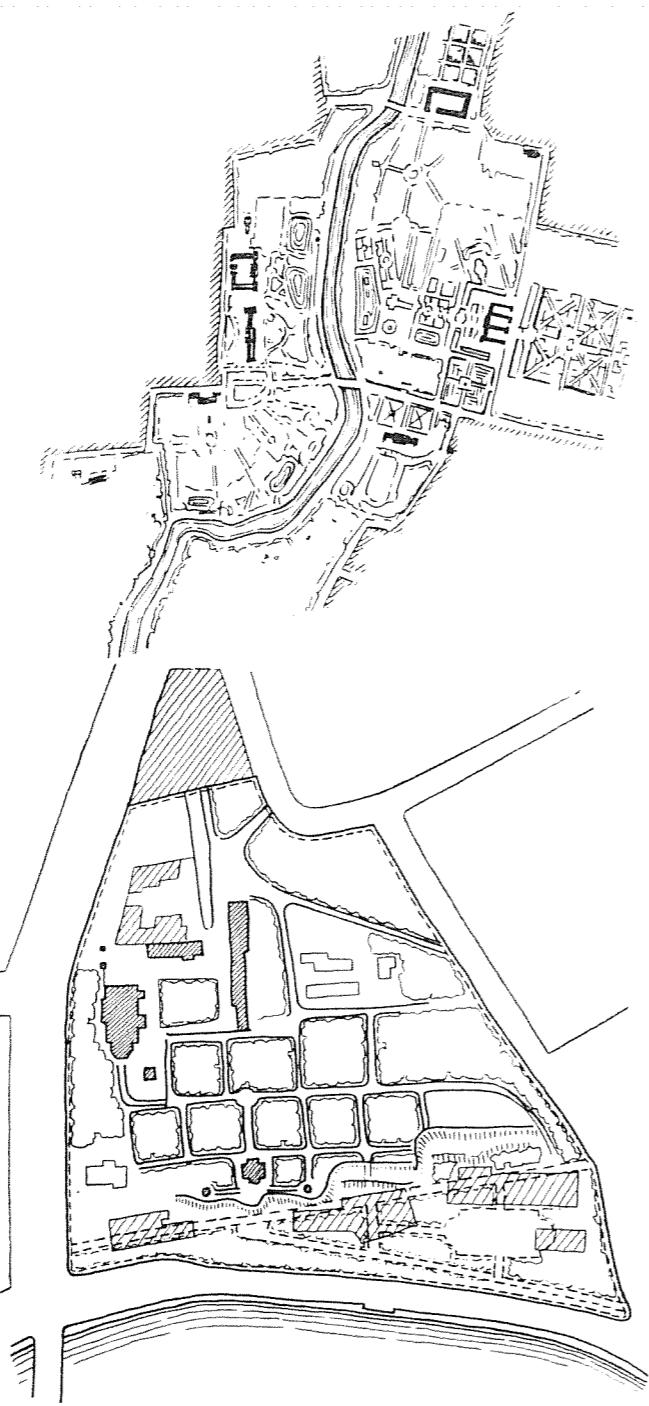
В черте современной Большой Москвы и в ее лесопарковой зоне расположено более 100 старых садов и парков. Многие из них могут служить образцами высокого мастерства и являются ценнейшими памятниками русского садово-паркового искусства. Эти сады и парки вошли в современную жизнь как активные элементы, которые украшают столицу, оздоравливают ее воздух, улучшают ее микроклимат. Среди них широко известные дворцово-парковые комплексы: Коломенское, Кусково, Царицыно, Останкино, Архангельское, Горенки, Братцево.

В исторической планировке города особую роль сыграли садово-усадебные ансамбли, возникавшие по берегам живописной р. Яузы. В середине XVI в. Иван Грозный, укрепляя торговые и культурные связи с Западной Европой, определил участки по берегу Яузы для строительства усадеб иноземных купцов, всячески поощряя возведение дворцов. Значительным событием стало создание на левом берегу Яузы, на ее притоке, обширного охотничьего парка «Зверинца» царя Алексея Михайловича и строительство на острове среди протоков и прудов дворцового комплекса. А когда в Немецкой слободе в конце XVII в. строится дворец Лефорта и Петра I, то эти места приобретают особую притягательную силу. Берега Яузы застраиваются великолепными дворцами с террасными, сбегающими к реке садами (рис. 7, 8). Остатки этих садово-парковых композиций дошли до нашего времени.

Хотя и принято считать Головинский сад погибшим от урагана, но следует указать именно на него как на один из садов на р. Яузе, наиболее полно сохранивших характерные особенности композиции конца XVII и первой четверти XVIII в. До нас дошли общая террасная структура этого сада, древний пруд, сохраненный автором композиции Петровского времени Николаем Бидлоо от старого Головинского сада, круглый пруд с островом, каскад с гротом в подпорной стене, остатки канала (в частности, рукава, который вел к фигурной гавани) и, наконец, планировка главных аллей.

Пути восстановления памятников садово-паркового искусства. Учитывая острую необходимость в восстановлении садов и парков, представляющих историко-художественную ценность, и опасность, которую таит в себе непрофессиональный подход к делу сохранения парков, следует сделать попытку некоторого обобщения того небольшого опыта, которым мы располагаем. Дошедшие до нас работы старых мастеров довольно разносторонне освещают их практическую и теоретическую деятельность в области садово-паркового искусства. Эти работы, к сожалению, известны больше библиографам, чем архитекторам-озделителям.

К общим теоретическим работам, которые должны быть использованы при восстановлении русских старых парков, следует в первую очередь отнести статьи, помещенные в «Сельском жителе» и в «Эконом-

7. Москва. План участка р. Яузы, конец XVIII в.

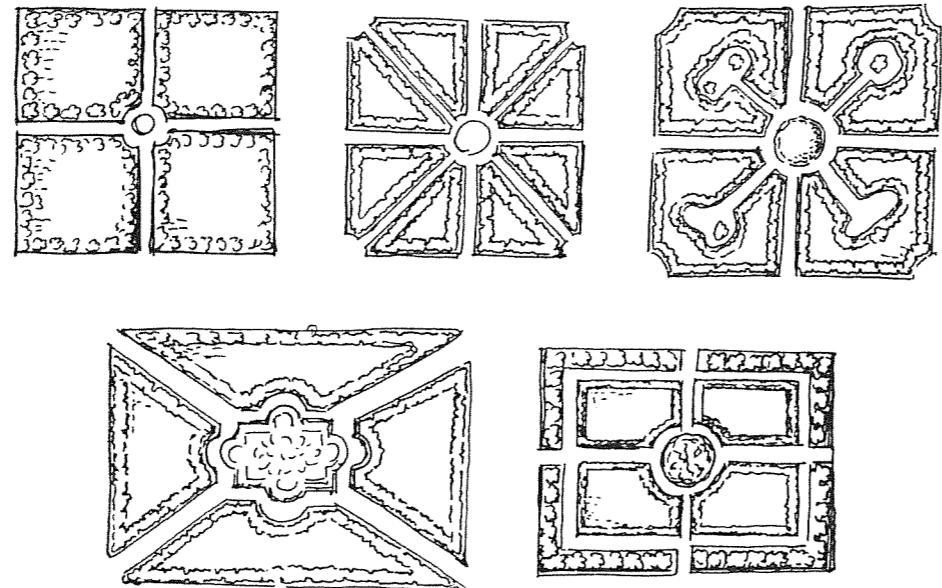
8. Москва. План усадьбы Найденовых на р. Яузе, XX в.

мическом магазине» за 1779—1787 гг. и в «Трудах Вольного Экономического Общества». Общая направленность этих работ определяет и тот путь, который следует избрать, разрабатывая проект реставрации сада или парка XVIII—XIX вв.

Садово-парковое искусство в этих работах характеризуется как «главнейшее» искусство. В этом главнейшем искусстве, требующем разнообразных знаний, по мнению русских теоретиков садово-паркового искусства, наиболее полно и четко отражалось отношение человека к природе, что являлось во второй половине XVIII в. одним из коренных философских вопросов. Модное в свое время среди западной буржуазии философское течение — сентиментализм, которое в парковом искусстве выразилось в форме имитации нетронутой природы, — ненадолго пленило умы русских зодчих и оказалось непримлемым в практике русского садово-паркового искусства. Созерцательному любованию «нетронутой» природой передовые русские мыслители противопоставили требования разумного преобразования природы. Через большинство работ того времени красной нитью проходят положения выработанных с годами эстетических норм: органическое слияние при композиции парка «надобности» и «красоты» и непримиримой борьбы с бездумным подражательством французским и английским садам. «Последние, — как писал А. Т. Болотов, — находятся в несоответствии с нравственным характером нашего народа». Однако требования того, чтобы сады были у нас «не английские, не французские, а наши собственные»... «российские»¹, совсем не сопровождалось отрицанием чужой культуры, опыта и знания. Материалы, относящиеся к садово-парковому искусству всех стран и народов, привлекались и глубоко изучались. Обнаруженные в архивах гравюры, описания и переводы иногда неверно толковались, не было проанализировано их практическое использование, что привело к легковесному, но, к сожалению, стойкому выводу о «французских» и «английских» садах и парках, якобы получивших широкое развитие в России в XVIII—XIX вв.

При работе по восстановлению старого сада и парка необходимо исходить не из поисков элементов подражания, а из определения общего характера композиции. Как правило, этот общий характер, согласно эстетическим и экономическим требованиям того времени, следует искать прежде всего в природном характере местоположения, в хозяйственной структуре усадьбы, в стремлении сохранить и использовать унаследованные элементы. Главным фактором, зависящим от природного местоположения, являлось наличие естественных водоемов, возвышенности и растительности. Значительный естественный водоем использовался как ведущий элемент композиции, определяющий планировочную структуру, как правило, террасного построения. Возвышенность обусловливала местоположение центрального ансамбля. Наличие леса позволяло использовать его массив как основу для создания пространного парка свободной композиции, органически связанного с центральным регулярным садом. Хозяйственная структура определяла

¹ Болотов А. Т. Экономический магазин. ч. XXVI. «О садах России», с. 61.

9. Схема «типовых» элементов регулярных садов

расположение основных дорог, аллей, искусственных водоемов и хозяйственных сооружений — органических компонентов усадебного сада с широким использованием их декоративных качеств. Сохранившиеся старые элементы, как, например, подъездные дороги, липовые регулярные сады, включались в общую композицию, нередко определяя композицию центральной части.

Для многих усадебных комплексов и при единовременном создании парковой композиции характерно логически обоснованное использование в планировке как регулярных геометрически правильных (рис. 9), так и живописных пейзажных элементов.

Большое внимание уделялось растительному ассортименту. В садах XVI—XVII вв. культивировались редкие иноземные деревья и травы. В конце XVIII в. Потемкин заложил сначала в Старом Крыму, затем в Алупке питомник с целью интродукции на побережье новых для того времени насаждений: кипарисов, лавров и т. п. Изучались и широко использовались также отечественные породы деревьев, кустов и цветов. Академик П. Паллас вывез из Сибири и культивировал, в частности в петербургских и подмосковных парках, многие новые виды хвойных и лиственных пород, как, например, гороховник (желтую акацию), пихту и многие другие. В настоящее время ассортимент растений очень обеднел. В старых садах сохранились только наиболее долговечные виды растительности, а при новых посадках разнообразный отечественный ассортимент в полной мере не используется.

При восстановлении старых парков не следует упускать из виду, что принятый в то время метод проектирования натурального сада отличался от современного метода. Проектный чертеж или рисунок парка, обычно служил только эскизом. Парк при осуществлении в натуре разбивался на месте; как правило планировочные членения, по сравнению с изображенными на чертежах, обобщались и укрупнялись.

Более ранние строго геометрические регулярные сады и отдельные регулярные элементы более поздних садов и парков конца XVIII и начала XIX в. создавались в натуре с большим приближением к графическим проектам, чем сады натуральные. Однако в любом случае это не означало, что при осуществлении проекта точно воспроизводился чертеж (рис. 10).

Практическая работа по восстановлению старых парков, представляющих историческую и художественную ценность, может быть условно разбита на четыре стадии.

Первая стадия. Подготовка исходных материалов для разработки проекта реставрации парка и проекта его восстановления (архивных, натуральных, проектных).

Вторая стадия. Составление чертежей, изображающих парк на различных этапах его развития с обозначением существующих элементов.

Третья стадия. Разработка проекта восстановления парка (полного или фрагментарного) с учетом включения его в систему современной планировки и застройки.

Четвертая стадия. Осуществление проекта восстановления парка. В результате первой стадии работы должны быть подготовлены следующие материалы.

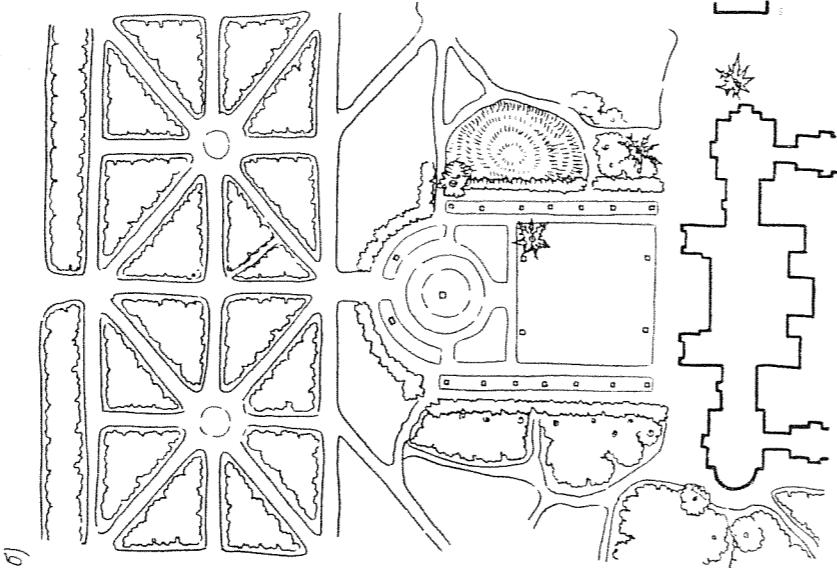
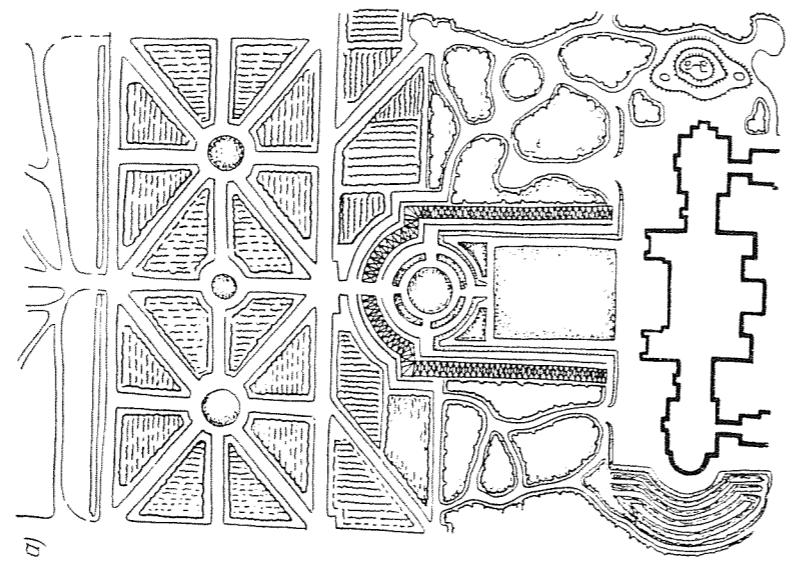
1. Схема района места расположения парка с обозначением прилегающих к нему зеленых массивов, водоемов или жилых кварталов, улиц, площадей, хозяйственных или промышленных территорий. Следует при этом иметь характеристику расположенных вблизи парка промышленных предприятий в отношении их вредности или безвредности для воздуха, водоемов и растительности. Наиболее удобной для работы служит схема в масштабе 1 : 5000 или 1 : 2000.

2. Схема намечаемых мероприятий по реконструкции района, в котором расположен восстанавливаемый парк (также в масштабе 1 : 2000 или 1 : 5000 и только в крайнем случае 1 : 10 000).

3. Геодезическая съемка территории восстанавливаемого парка в масштабе 1 : 500 или 1 : 2000.

4. Архивные и литературные материалы, старые чертежи, рисунки, фотографии, записи устных сообщений старожилов.

5. Корректировка геодезического плана и шагомерно-глазомерные обмеры деталей планировки, художественные особенности которых не получили достаточной выразительности в геодезическом плане. При корректировке плана необходимо различно обозначать насаждения в зависимости от их возраста и породы. Обозначение породы может войти в задание геодезистам, если съемка производится по специальному заказу. Правда, как показывает опыт, и в этом случае необходима дополнительная проверка. При выявлении старых деревьев и

10. Останкино. План партера (реставрационный чертеж); *a* — патурное обследование

введении различных обозначений в зависимости от их возраста следует устанавливать не менее трех градаций: первая градация включает деревья, возраст которых превышает 100 лет; вторая — деревья в возрасте приблизительно от 50 до 100 лет и, наконец, третья — деревья моложе 50 лет. Возраст ориентировочно определяется по толщине ствола на уровне 1 м от земли в соответствии с породой дерева. Надо отметить, что определение возраста требует навыка и опыта; автоматическое пользование существующими для этой цели таблицами может привести к значительным просчетам, которые, в свою очередь, могут вызвать ошибки при установлении времени создания тех или иных элементов парка. Большое значение для роста деревьев имеют конкретные условия, в которых оно развивалось.

При корректировке плана также важно определить, какие наземные коммуникации имеют композиционное значение. Необходимо иметь в виду различие между обозначением функционирующих дорог и дорожек, расположение которых закреплено старыми посадками или сооружениями усадебного ансамбля, и позднейшими хозяйственными дорогами. Следует также выявлять и фиксировать на плане заросшие и не функционирующие дороги, аллеи и дорожки. Потерявшие свое значение и заросшие дороги и дорожки устанавливаются либо по деревьям, если они оформляли эту дорогу, либо по характеру травянистого покрова. Если последний появился на тонком слое наносного грунта, лежащего на уплотненной основе, то он всегда будет отличаться от травянистого покрова других мест.

Это отличие проявляется как в более светлой окраске, так и в видах растущих трав. Предположение о том, что в данном месте в свое время находилась дорога или дорожка, следует проверить при помощи зондажа.

При обследовании территории и корректировке плана надо также произвести изыскание не отмеченных геодезической съемкой остатков архитектурных сооружений, служивших для благоустройства и украшения парка. Особенно важные из них — остатки лестниц, спусков к воде, пристаний, подпорных стен и фундаментов зданий и сооружений. Участки, где можно обнаружить фундаменты, чисто зарастают спиреей и бузиной. Следует особенно тщательно осматривать их заросли.

Наконец, при обследовании территории парка и корректировке плана необходимо особое внимание уделять даже незначительным остаткам водоемов искусственного происхождения, которые входили в садово-парковую композицию. На геодезическом плане водоемы и заболоченные места как естественного, так и искусственного происхождения отмечаются одними и теми же условными топографическими знаками. При корректировке плана для них вводятся различные обозначения. Следует тщательно проследить конфигурацию водоемов или их остатков в виде заболоченных мест, а также конфигурацию отдельных их частей — заливов, протоков и т. п.

На геодезическом плане надо выделить сооружения, современные парку, и сооружения, предшествующие его созданию и построенные

в более позднее время. Обычно сам парк имеет разновременные элементы.

При отсутствии готового геодезического плана обследование территории можно проводить, пользуясь хозяйственным планом или схемой. При фиксации результатов обследования на хозяйственном плане или схеме работа усложняется и ее объем увеличивается. В частности, появляется необходимость в глазомерном установлении отметок рельефа. При этом за исходные данные принимаются горизонтали на плане 1 : 10 000 (через 2 или 2,5 м). Такое установление отметок имеет смысл только на участках с выразительным рельефом при обмере насыпных горок, террас парка и террасных прудов. К этому способу прибегают часто даже при наличии геодезической в общепринятых масштабах съемки. Действительно, если последняя выполнена просто для хозяйственных целей, то важные для восстановления парка элементы рельефа могут оказаться не учтенными.

Одновременно с обследованием территории и корректировкой плана ведутся архивные работы и работы над литературными источниками. Желательно, чтобы эти работы велись тем же лицом, которое проводит обследование территории. Особенно это относится к архивным изысканиям, так как, только хорошо зная объект, можно разобраться в степени важности попадающегося материала, а иногда даже просто в том, имеет ли он отношение к данному объекту.

При разработке чертежа реставрации парка следует добиваться создания такого графического изображения, в котором были бы использованы все полученные в результате предварительных работ материалы, позволяющие документально воссоздать первоначальную садово-парковую композицию восстанавливаемого парка. Этот чертеж реставрации парка является завершением первого научно-исследовательского этапа работы и служит одним из исходных материалов для разработки проекта восстановления парка. Не рекомендуется допускать совмещения реставрационного чертежа с проектом восстановления парка. Однако на чертеже реставрации парка должны быть выделены элементы, сохранившиеся до наших дней на общем фоне всей первоначальной композиции.

При установлении нескольких исторических этапов развития садово-парковой композиции, отмеченных коренными изменениями в ее планировке, следует разрабатывать соответственно этим этапам несколько реставрационных чертежей на различные даты.

Законченный реставрационный чертеж требует всестороннего рассмотрения и обсуждения. После установления достаточной его документальности чертеж может быть использован как научное обоснование для разработки проекта восстановления парка.

Важным исходным положением при разработке проекта восстановления парка является четкое определение нового назначения этого парка, его роли в общей системе озеленения и установление возможных способов его использования.

В современной практике приходится встречаться с самыми различными видами использования старых садов и парков. В зависимости

от художественной ценности парка и его сохранности устанавливается объем и характер специальных реставрационных работ, а в зависимости от способа его эксплуатации определяется возможная форма восстановления. Можно указать на три основные группы парков, требующие различных объемов реставрационных работ.

К первой группе относятся крупные дворцовые садово-парковые композиции, которые являются ценным архитектурно-художественным национальным достоянием и используются в основном как музеи, посещаемые широкими массами населения и туристами. Эти сады и парки стали объектами изучения и исследований, а также служат высшей школой для мастеров-практиков садово-паркового строительства. Такие парки, учитывая их особое познавательное, научное и учебное значение, следуют охранять как заповедники. При восстановлении этих парков надо стремиться к полной реставрации садово-парковой композиции в соответствии с принятой реставрационной схемой.

Разрабатывая проекты восстановления таких парков, руководствуясь принципами реставрации не только при восстановлении общей планировочной схемы, но также и при составлении посадочных чертежей и подборе растительного ассортимента. Желательно восстановление первоначального ассортимента, однако, с учетом сменности пород, современного состояния почвы и насаждений. Например, по архивным материалам установлено, что первоначально в Кускове шпалеры были насажены из берес и имелось значительное количество елей; однако интенсивное строительство на прилежащих участках, а также проведенные на территории в свое время инженерные мероприятия по осушению, отводу воды и созданию водоемов и каналов изменили состояние почвы, влажность воздуха. Следовательно, здесь целесообразнее восстанавливать не бересовый, а более поздний, относящийся к 80-м гг. XVIII г. липовый шпалерник, тем более что смена породы насаждений имелась в виду уже при создании парка.

При восстановлении садово-паркового ансамбля со значительным объемом реставрационных работ следует большое внимание уделять восстановлению водных элементов, предусматривая средства защиты их от загрязнения.

При проведении полной реставрации старых садов и парков особую сложность представляют вопросы, связанные с открытыми перспективами. Живописные виды, которые открывались из различных точек парка, зрительно замыкали перспективы аллей или каналов, являлись значительными элементами композиции. Восстановление этих перспектив в условиях Москвы и многих других городов в настоящее время, как правило, недостижимо. В подобных случаях приходится прибегать к средствам возможного исправления пейзажа, к докомпоновке, а иногда и к закрытию этих перспектив новыми парковыми элементами.

Ко второй группе можно отнести дворцовые или усадебные садово-парковые ансамбли, которые понесли значительные утраты, снизившие их художественную ценность. К таким утратам следует отнести прежде всего значительную перепланировку территории в хозяйственных целях

с закреплением новых планировочных элементов посадками, постройками и водоемами. При таких значительных утратах и изменениях в процессе разработки проекта восстановления целесообразно использовать как основу существующую планировочную схему с учетом сохранения и восстановления исторически ценных художественных элементов, а также требований, связанных с современным использованием территории.

Наиболее распространенная форма использования старых парковых комплексов — это приведение их в соответствие с назначением главных сооружений. Надо отметить, что, если не считать музеиного характера сохранения, наиболее разумным является использование усадебных комплексов для научных и лечебных учреждений; в этом случае возможно изыскать способы для восстановления и сохранения наиболее ценных садово-парковых композиций. При восстановлении парка с целью приспособления его для современных оздоровительных учреждений возникает необходимость, помимо его реставрации, предусмотреть создание новых элементов, как, например, спортивных площадок, пляжей, пристаней, подъездов для машин и т. п. Создание этих новых элементов не должно наносить ущерба как общей планировочной схеме, так и сохранности наиболее ценных компонентов садово-парковой композиции.

К третьей группе следует отнести небольшие парки, утратившие былую цельность композиции и сохранившие только отдельные элементы, иногда включенные в систему новой организации пространства. К таким элементам относятся небольшие регулярные липовые сады и подъездные аллеи. Они довольно многочисленны. Эти регулярные сады и аллеи требуют, в первую очередь, проведения мероприятий по их сохранению и поддержанию. При создании новых парков они должны включаться в новую композицию как значительные планировочные центры. Полноценная взрослая растительность позволяет их использовать в настоящее время более эффективно, чем новые посадки.

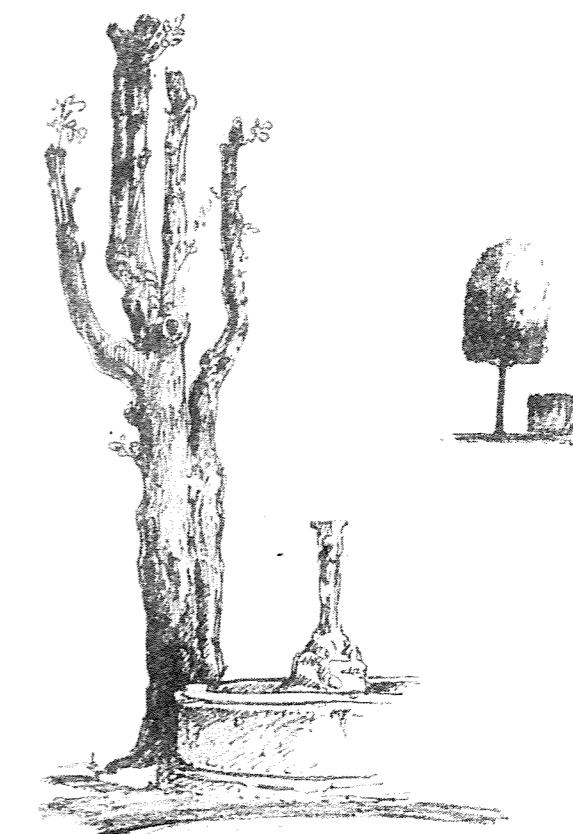
Работа по восстановлению парка ведется обычно в двух направлениях: восстановление общей композиционно-планировочной схемы и восстановление объемных форм, как растительных, так и малых архитектурных. При восстановлении растительных объемных форм имеет особое значение восстановление ассортимента насаждений, учет возраста насаждений, формирование искусственных форм путем стрижки или культивирования крон свободного очертания.

Довольно сложная задача — восстановление объемных форм насаждений в регулярных садах, так как обычно там применялась стрижка. Сохранившиеся деревья в этих садах давно перешагнули возраст, в котором стрижка может дать художественный эффект (рис. 11). Следовательно, для осуществления реставрации этих садов необходимо провести полную смену деревьев, оформляющих сейчас старую регулярную систему аллей, зеленых кабинетов и площадок, и производить стрижку в соответствии с первоначальным замыслом и общим характером планировки. Такая попытка сделана в Кускове. Следует также удалять позднейшую растительность, искажающую первоначальный

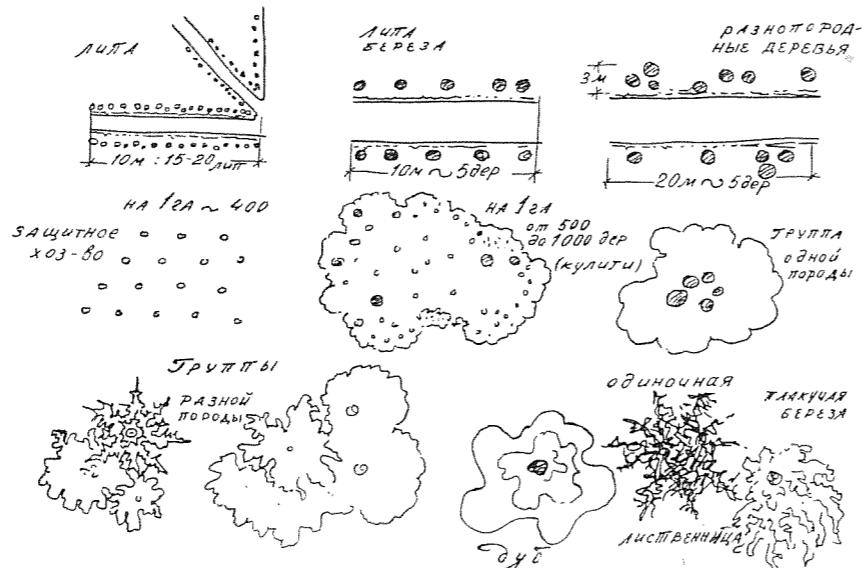
художественный замысел. Правда, на территории регулярных садов таких посадок бывает обычно мало, так как строго определенная ясная геометрическая система планировки не допускала вольных трактовок. Поэтому последующие посадки даже неквалифицированными руками велись без значительных отклонений от общей системы планировки. Подобная замена растительности встречает ряд трудностей организационного характера и связана со значительными материальными затратами. Однако ежедневный уход и лечение старых больных деревьев и постепенная посадка новых на месте выпавших экземпляров в конечном итоге обходится не дешевле и не дает необходимого художественного эффекта.

При реставрации насаждений садов и парков или их частей, пейзажного или «натурального» стиля основное внимание должно быть обращено на сохранение существующих деревьев, на осторожную расчистку заросших полян, открытых пространств и удаление позднейших, искажающих общую композицию посадок. В натуральных садах таких позднейших искажений, нарушающих первоначальный художественный замысел, значительно больше, чем в регулярных садах. Композиция натурального сада требует широкого диапазона знаний, более развитого художественного вкуса, большой эстетической культуры и значительных инженерно-технических работ.

В пейзажных садах к основным растительным компонентам, формирующим общую архитектурно-планировочную композицию, относятся следующие элементы: 1) сплошные массивы, обычно играющие роль кулис в общей композиции парка; 2) рядовые посадки; 3) групповые и одиночные посадки (рис. 12).

11. Старая липа регулярного сада

12. Типы парковых посадок

При восстановлении сплошных массивов следует строго соблюдать правильный, соответствующий проекту реставрации, планировочный контур массива, так как при практическом осуществлении всегда появляется тенденция к выпрямлению его линий. При восстановлении сплошных массивов особое внимание необходимо уделять растительности, оформляющей контурную линию, называвшуюся в свое время «закрайкой», которую рекомендовалось засаживать более часто и лучшими экземплярами. Эта рекомендация остается действенной и при реставрации сплошных массивов. При восстановлении массива надо учитывать, что общая плотность посадки должна не повторять первоначальную, а производиться с учетом современного состояния зрелой растительности. Следует уделять внимание восстановлению подлеска. Подсадкам в массиве предшествует расчистка. Элементы, предназначенные к удалению, должны определяться архитектором-реставратором парка совместно с лесотехником. В том случае, если экземпляр представляет художественный интерес, но является больным или хилым, необходимо обеспечить ему лечение, а не удалять. Удалять надо заросли и отдельные деревья, нарушающие общий замысел парковой композиции и создающие однообразные одичавшие чащи.

Восстановление рядовых посадок по сравнению с восстановлением массивов представляет некоторые трудности. Обычно рядовые посадки в натуральных садах применялись для оформления основных подъездных или парковых дорог. Проводились при этом как однопородные, так и разнопородные посадки, прямолинейно и свободно скомпонованные вдоль дорог.

При восстановлении рядовых посадок натуральных садов целесообразно удалять остатки погибших деревьев и производить подсадку деревьев той же породы, к которой относились погибшие деревья. Трудности возникают при восстановлении деревьев медленнорастущих пород, особенно при значительных их уратах. В этом случае можно рекомендовать применение двойных посадок с учетом подгона. Этот способ был известен в садово-парковом искусстве еще в XVIII в. Он заключался в одновременной посадке рядом с экземплярами основной породы, например дубами, подсobных деревьев, например тополем. Тополь — дерево быстрорастущее, через несколько лет оно дает значительный декоративный эффект. Кроме того, при этом происходит подгон в развитии дубков. При соседстве с быстрорастущими деревьями начинают быстрее развиваться и медленнорастущие. После того, как основные подсаженные деревья достигнут размеров, достаточных для того, чтобы быть полноценными элементами оформления, тополя удаляются. Следует учитывать не только восстановление уже погибших экземпляров, но и подсадку молодняка рядом с деревьями, достигшими возраста естественного умирания.

Целесообразно изыскивать рядом с последними места, где возможно подсадить молодое деревце, которое к моменту гибели дерева станет его полноценной заменой. Такая подготовка возможна только при свободном расположении деревьев вдоль дороги или дорожки, при котором сдвиг дерева на 2—3 м не нарушает общего ритма и общей свободной композиции.

Наиболее сложно восстановление одиночных деревьев или групп из нескольких деревьев. Их художественные достоинства определяются не взаимодействием многих экземпляров, составляющих плотную массу деревьев или их вереницу, а определенными качествами отдельного экземпляра. Этими качествами в полной мере обладают только взрослые экземпляры. При создании таких групп или посадке одиночных экземпляров особо учитывались декоративные качества именно данной примененной породы дерева. Вследствие этого применение подсobных посадок из быстрорастущих пород в этом случае себя оправдать не может. Приходится довольствоваться посадкой саженца рядом с погившим деревом, сохранив по мере возможности остатки дерева. В исключительных случаях возможна посадка взрослого дерева или деревьев, но к ней целесообразно прибегать только при наличии полноценного материала, если возможно обеспечить выполнение всех технических и организационных требований, гарантирующих приживляемость дерева. Если одиночные деревья находятся в том состоянии, когда даже поддержка и лечение не обеспечивают им долговечности, следует предусматривать подсадку около них саженцев соответствующих пород.

Не менее важный, чем растительность, элемент в парках — водоемы, главным образом пруды.

Парковые пруды встречаются двух видов: относительно небольшие регулярные, правильной геометрической формы, копаные пруды и пруды с большим водным зеркалом, живописных очертаний, полученные путем запруживания речек или ручьев.

Регулярные пруды обычно вписаны в строгую геометрическую композицию и ей подчинены, имеют с садом общие оси симметрии и направление их сторон согласовано с направлением аллей. Питание этих прудов обычно происходит за счет атмосферных осадков, реже — путем подвода воды каналами. Восстановление формы этих прудов и их питания не представляет больших трудностей и, как правило, требует только незначительных земляных работ. Сложнее работа по восстановлению запруд, уничтожению заболоченности и восстановлению очертаний берегов больших живописных прудов. Одним из средств уменьшения общего объема работ и их сложности в условиях пригородной зоны может служить устройство простых земляных плотин. Восстановление запруд и больших прудов следует рассматривать как мероприятие, направленное не только на восстановление старой садово-парковой композиции, но и как средство благоустройства района.

Восстановление садов и парков, представляющих историко-архитектурную ценность, имеет значение не только как сохранение основ нашей художественной культуры, но и как практический смысл в соответствии с потребностью в местах отдыха.

О необходимости сохранения садов и парков, имеющих историческое и художественное значение, было заявлено в первых декретах Советской власти. Декрет Совета Народных Комиссаров от 16 сентября 1921 г. об охране памятников природы, садов и парков гласил: «Сады и парки историко-художественного значения, созданные по заданиям художественного паркового искусства или связанные с архитектурными сооружениями, представляющими с ними одно художественное целое, могут быть объявлены Народным Комисариатом Просвещения, по соглашению с заинтересованными ведомствами, неприкосновенными памятниками садово-парковой культуры, музеино-академического значения».

VII. ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОДИНОЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ И АРХИТЕКТУРНЫХ АНСАМБЛЕЙ

П. И. Максимов, А. И. Целиков

Здания, сохраняемые в настоящее время как памятники архитектуры, строились для определенных утилитарных целей, определявшихся историческими, экономическими и социальными условиями, в которых эти здания возникли. Непрерывно менявшаяся жизнь общества, изменения его социальной структуры, повышение культурного уровня населения, а также развитие техники приводили к тому, что даже в здания, сохранившие свое первоначальное назначение, вносились изменения. В жилых домах появились водопровод и канализация, изменялась планировка, увеличивались размеры окон, ради чего иногда разрушались древние своды, заменявшиеся новыми плоскими перекрытиями. В старинных зданиях учебных заведений и больниц, в связи с развитием науки и внедрением новых методов преподавания и лечения, появились човьи помещения специального назначения либо за счет перепланировки, либо в новых пристройках. Даже такие консервативные по своему назначению здания, как церкви, расширялись для увеличения их вместимости пристройками, закрывавшими иногда часть древних окон, что, в свою очередь, влекло за собой расширение остальных.

Новые потребности, возникшие под влиянием указанных выше причин, вызывали и появление новых, неизвестных более раннему времени зданий. Но нередко для этих потребностей использовались существовавшие здания, полностью утратившие свое первоначальное назначение. Художественная ценность многих таких зданий и вложенные в них большие труд, средства и творческие усилия делают понятным всегдашнее стремление приспособить эти постройки для нового назначения в неизменном виде или с переделками. Наконец, изменения художественных взглядов общества, отражавшие перемены его социальной структуры и мировоззрения, часто приводили к переделкам внешнего и внутреннего облика зданий.

После Великой Октябрьской революции утратили первоначальное назначение такие памятники архитектуры, как дворцы царей и вельмож, помещичьи усадьбы, ряд церквей и монастырей и др. Встал вопрос о правильном использовании таких зданий и часть их была превращена в музеи, где главными экспонатами являются сами здания с их внутренним убранством и обстановкой (Исаакиевский и Петропавловский соборы в Ленинграде, Кремлевские соборы, храм Василия Блаженного и церковь Троицы в Никитниках в Москве, Ильинская церковь в Яро-

славле, Софийский собор в Киеве и др., дворцы б. царских резиденций в Петродворце, Пушкине и Павловске, подмосковных усадеб Архангельское и Останкино и др.).

Иногда такие здания-музей используются одновременно и для показа в них собраний произведений искусства (Зимний дворец в Ленинграде, дворец подмосковной усадьбы Кусково). Музейное использование памятников архитектуры — наилучшая форма их сохранения. С одной стороны, это позволяет посещать их большому числу людей и служит целям образования и воспитания, а с другой стороны, не только не угрожает художественному облику памятников, но, наоборот, требует его тщательного сохранения и реставрации.

Но не все памятники архитектуры могут использоваться как музеи, и иногда их новое назначение отличается по своему характеру от первоначального. В таких случаях всегда нужно помнить, что памятники архитектуры переживают их меняющееся практическое назначение и не должны переделываться в соответствии с ним. Наоборот, самое главное заключается в правильном выборе такого нового назначения для определенного древнего здания, которое в наибольшей степени соответствовало бы всем его особенностям — размерам, планировке, композиции внутреннего пространства, освещенности помещений дневным светом — и не причиняло бы никакого ущерба его интерьерам и внешнему виду.

При использовании памятников архитектуры для новых целей могут быть два случая — когда сохранился и подлежит сохранению только внешний вид зданий и когда помимо него сохранились и интерьеры. Наиболее трудное решение задачи во втором случае, так как здесь не только невозможна даже минимальная внутренняя перепланировка зданий, но и новые мебель и экспонаты должны соответствовать интерьерам и составлять с ними одно художественное целое, не мешая их обозрению и не снижая их художественной выразительности. Примерами такого умелого и тактичного использования для новых целей памятников архитектуры, сохранивших свои интерьеры, может быть размещение концертного зала в Домском соборе в Риге, зала певческой капеллы в московской церкви Покрова в Рубцове, картинной галереи в кафедральном костеле в Вильнюсе, музеев военно-морского флота и истории религии в ленинградских Бирже и Казанском соборе и московских музеях А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого и А. М. Горького в особняках начала XIX в.

Если интерьеры зданий лишены художественной ценности, возможно разделение их внутри новыми перекрытиями и перегородками при сохранении нетронутым внешнего вида. Так было сделано в Московской церкви Иоанна Богослова под Вязом при размещении в ней музея истории и реконструкции Москвы. Так же поступили и польские архитекторы при восстановлении разрушенного гитлеровцами Старе Мяста в Варшаве, когда за восстановленными в первоначальном виде фасадами располагались современные, комфортабельные жилища или помещения общественного назначения. В Риге, Таллине, Вильнюсе — городах, сохранивших средневековый облик ряда улиц и переулков,

130

ведутся работы по модернизации древних жилых домов с устройством в них современного жилья, удовлетворяющего всем требованиям комфорта, но с сохранением в нетронутом виде, а иногда и с реставрацией их фасадов. Нужно только помнить, что памятник архитектуры сохраняется навеки, а его использование может изменяться и новые перегородки и перекрытия нужно делать так, чтобы они не затрагивали основных конструкций памятника и могли быть легко удалены при изменении его назначения.

Реставрация памятника архитектуры, вызываемая желанием повысить его художественную выразительность, сниженную позднейшими искажениями, должна сочетаться с решением задачи о его будущем практическом использовании. Нельзя оставлять такие здания неиспользуемыми для современных нужд, так как это использование обеспечивает им дальнейшее существование и сохранение. Отсутствие использования и вытекающее отсюда безнадзорное состояние памятников архитектуры губило бы их не меньше, чем неправильное использование под склады или производственные помещения, что часто было связано с возведением пристроек, пробивкой новых и расширением старых проемов, нарушением основных конструкций, разрушением строительных материалов, избытком влаги и вредными выделениями.

Есть и такие памятники архитектуры, которые не находят никакого применения в современной жизни, — древние крепостные стены и валы, гробницы, а также древние здания, находящиеся в состоянии руин. Они могут быть объектом осмотра, вызывать у зрителей эстетические эмоции, украшать города и ландшафт. Единственное практическое назначение, какое можно придумать некоторым из таких зданий, — это роль естественных декораций для исторических кинофильмов и таких же театральных постановок под открытым небом. Такого рода постановки получают широкое распространение за границей. В Дубровнике (Югославия), городе-заповеднике, сохранившем большое число построек XV—XVIII вв., для этой цели используются и крепостные стены и лоджии Дворца ректоров, и таможни, и отдельные площади и улицы (рис. 1), а большая лестница начала XVIII в. возле иезуитских церкви и коллегиума используется иногда как трибуна для слушателей концертов.

Наконец, памятники архитектуры и монументальной скульптуры используются для получающих в последнее время распространение почных «спектаклей звука и света», когда зрителям показывается, например, ярко освещенный Большой сфинкс в Гизэ на фоне слабо освещенных пирамид и в сопровождении музыки артист в художественной форме рассказывает от имени сфинкса о событиях, происходивших перед ним на протяжении тысячелетий (рис. 2). При этом сила и цвет освещения изменяются в соответствии с характером музыки и содержанием рассказа. Такие же спектакли устраиваются и перед другими памятниками архитектуры (рис. 3).

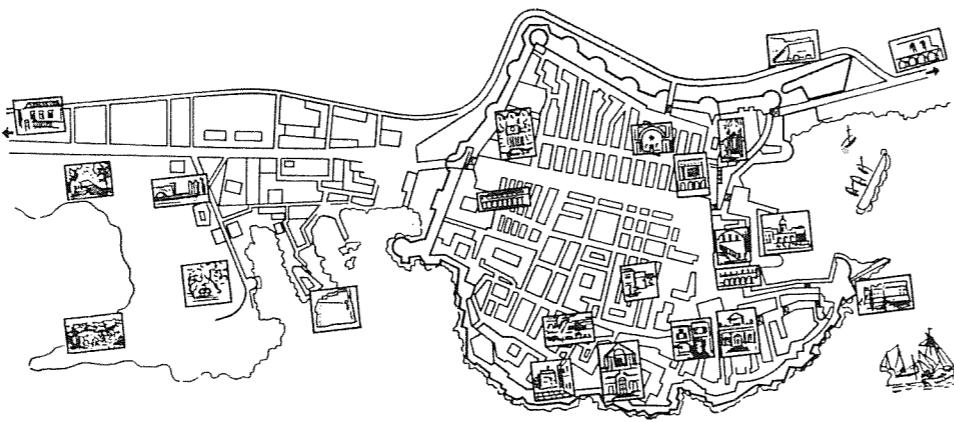
Приводившееся выше основное правило использования памятников архитектуры для новых потребностей (согласно которому не древнее здание должно переделываться для его нового назначения, а но-

1/2*

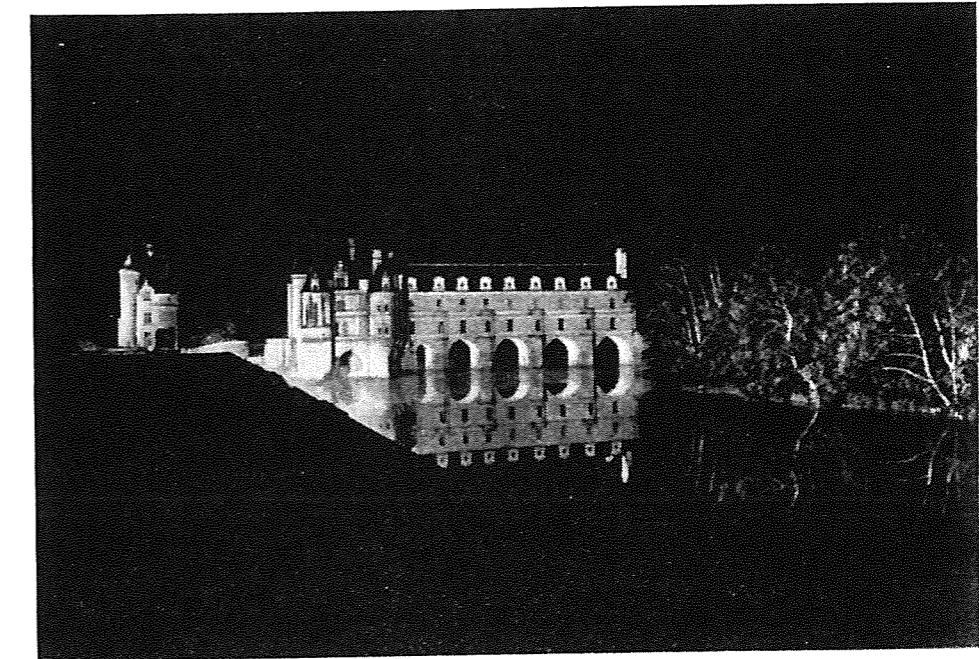
131

2. Гизэ. Спектакль звука и света

1. Дубровник. План с указанием мест театральных постановок и концертов под открытым небом

3. Шенонсо. Спектакль звука и света в замке

вое назначение следует выбирать с учетом особенностей такого здания) распространяется и на архитектурные ансамбли, обладающие архитектурной целостностью, улицы, площади, городские районы и целые города-заповедники. При этом задача сохранения архитектурного ансамбля, как и в случаях с одиночными памятниками архитектуры, облегчается выбором нового использования, родственного по своему характеру первоначальному. Улица зодчего Росси в Ленинграде, обстроена зданиями, вмещавшими учреждения, нисколько не изменилась оттого, что старые учреждения сменились новыми. Не мешает сохранению и реставрации ансамбля московского Новодевичьего монастыря использование его собора как музея, а келий как обычного городского жилья.

Жилые районы старинных городов, сохраняющие свой историко-художественный облик, могут, подобно отдельным жилым домам, использоваться в соответствии с их первоначальным назначением. Нужно только, чтобы необходимые для современного жилья водопровод, канализация, газ, электричество и телефон не искажали ни внешнего вида зданий, ни обладающих художественной ценностью интерьеров (если такие сохранились). Новые дымовые и вытяжные трубы, столбы уличного освещения и воздушная проводка не должны применяться здесь, а обслуживающие население таких районов административные и торго-

ые помещения могут находиться в нижних этажах домов. В тех случаях, когда обладающий художественной ценностью район входит в состав не охранной зоны, а зоны регулирования застройки, в нем целесообразно возводить новые, нужные для нормальной жизни района здания административного, торгового, школьного, больничного, зрелищного назначения, но они должны строиться по индивидуальным проектам, разработанным в полном соответствии с их непосредственным окружением и с общим обликом района.

Улицы и площади таких городских районов и целых городов-заповедников не могут быть транспортными магистралями и развязками. Одни из них должны быть пешеходными улицами, предназначенными для местного населения и для туристов, осматривающих города и их достопримечательности; на другие допускается городской транспорт, но определенных видов (не трамвай или троллейбус с их воздушными проводами) и в ограниченном количестве, необходимом для обслуживания местного населения. Основные транспортные магистрали, в том числе и транзитные, должны, как уже говорилось выше, обходить эти районы или города, иметь остановки на их внешних границах. Последнее требуется для удобной связи населения таких районов с местами работы, большей частью расположеными уже в тех частях городов, где можно возводить новые большие здания для учреждений разного рода, промышленных предприятий и т. п.

Все сказанное выше о районах городов, обладающих художественной целостностью, относится и к городам-заповедникам, в которых особую важность приобретает проблема занятости их населения. При решении этой проблемы нужно помнить о необходимости обслуживания памятников архитектуры и музеев, а также туристического потока. Текущий ремонт и реставрация памятников архитектуры (к каким относятся город в целом) и музейных объектов, показ их туристам, организация экскурсий, лекций, концертов, обслуживание туристских гостиниц, мотелей, столовых потребуют привлечения значительного числа людей. Появится градообразующая отрасль деятельности и градообразующая группа населения, занятая работой по сохранению памятников и показу их туристам. Как свидетельствует опыт Запада, эта группа по численности может превосходить любую другую градообразующую группу, занятую в какой-либо отрасли промышленности. Туризм может для города, богатого памятниками архитектуры, оказаться наиболее привлекательным видом «промышленности».

Показ древней архитектуры, раскрытие ее национальных и местных особенностей вызывают интерес и к другим сторонам культуры и жизни народов. Поэтому большие экономические возможности открывает возрождение старых ремесел и прикладного искусства. В таких городах, планируя их хозяйственное развитие, следует предусматривать не только новой промышленности (характер и размещение которой обуславливается архитектурными особенностями города и прилегающей к нему зоны), но и местных видов производства — грубой керамики, изготовления ковров, художественной обработки металлов или кожи, резьбы по дереву, кости, камню и т. п.

ЭКСПОЗИЦИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ МУЗЕЕФИКАЦИИ

Е. П. Щукина

Древние кварталы городов, комплексы и ансамбли памятников архитектуры, а также отдельные памятники зодчества независимо от их современного технического состояния и характера использования играют значительную роль в городском пейзаже и служат объектами осмотра и изучения, средством эмоционального и эстетического воздействия на зрителя и обладают все возрастающей притягательной силой для отечественных и иностранных туристов.

Общие идеино-политические задачи сохранения и популяризации культурного наследия, задачи, направленные на использование памятников архитектуры в ансамбле современного города как компонента особого художественного значения, и, наконец, экономические предпосылки, связанные с развитием туризма и увеличением государственного дохода, заставляют обратить серьезное внимание на вопросы, связанные с экспозицией памятников архитектуры.

Экспозиции памятников архитектуры в городах с ценными древними комплексами может быть посвящен значительный раздел при разработке проекта перспективного развития города. Причем экспозиция памятников архитектуры может рассматриваться или в общем градостроительном плане, или в непосредственной связи с проектированием и осуществлением проектов благоустройства территории памятников архитектуры, охранных зон и зон регулирования застройки.

В общем градостроительном плане должны решаться общие архитектурно-планировочные вопросы (например, взаимосвязь древнего центра города и современного общественного центра или сохранение древних кварталов с «морально устарелой» застройкой), а также даваться технико-экономические обоснования.

При создании выдающихся произведений зодчества всегда учитывались экспозиционные задачи, максимально использовались все средства, раскрывающие идейную и художественную сущность архитектурного произведения.

Решая вопрос современной экспозиции памятника, ансамбля памятников или целого района города, необходимо по возможности более выявлять первоначальные архитектурно-планировочные приемы постановки памятника, характер его окружения и основные точки зрительного восприятия. Эти данные должны учитываться при разработке генерального плана города или проекта детальной планировки района.

Главная цель архитектурно-планировочной организации территории самого памятника — максимальное восстановление и раскрытие художественных, композиционных и исторических особенностей этого сооружения и окружающей его среды, создание условий для изучения памятника, а в некоторых случаях и для отдыха вблизи него. При этом возникают еще и побочные задачи, сложность которых возрастает в зависимости от значительности объекта, его притягательной силы для

туристов, а также удаленности от благоустроенного населенного пункта. К таким задачам относятся, например, организация подъездов и стоянок для транспорта, строительство гостиниц или туристических баз, строительство административных и жилых зданий для обслуживающего персонала, ресторанов, кафе, киосков и т. п.

Комплексы памятников и отдельно стоящие памятники находятся не только в центре населенных мест, но и на окраинах, и в пригородных зонах, и в местах, удаленных от каких-либо населенных пунктов. Все эти особенности местоположения, так же как и географические особенности, определяют характер архитектурно-планировочной организации территории и влияют на способы раскрытия памятников. При этом экспозиция и показ памятников обусловлены не только композиционными особенностями самого памятника и той архитектурной и природной средой, в которой он находится, но также и характером его использования. В зависимости от характера использования памятники можно разделить на три группы.

К первой относятся архитектурные сооружения, которые благодаря своей высокой историко-архитектурной ценности или художественным особенностям не могут и не должны использоваться в хозяйственных целях. В соответствии с законоположениями об охране памятников сооружения, относящиеся к этой группе, служат только общественно-просветительным, научным и эстетическим целям. В них могут размещаться музеи, они сами служат объектами музейного показа или декоративными элементами города. В эту группу могут входить памятники всех видов: древние городища, крепости, большие городские или усадебные ансамбли и комплексы, монастыри, садово-парковые ансамбли, промышленные постройки, жилые дома, общественные здания, культовые постройки, инженерные сооружения, триумфальные арки, монументы и малые архитектурные формы. Совершенно очевидно, что экспозиционная значимость памятников архитектуры определяется не размерами и не первоначальным функциональным назначением, а их исторической и художественной ценностью. Эта ценность и определяет степень внимания, с которой мы должны относиться к созданию условий, позволяющих наиболее полно и ярко выявить и показать достоинства охраняемых сооружений. Сам характер музейного экспозиционного использования этих памятников облегчает решение задачи.

Ко второй группе относятся памятники, используемые в хозяйственных, общественных или учебно-просветительских целях по их первоначальному назначению. Во многих случаях такие памятники представляют широкие возможности для их показа, так как помимо пластических и художественных достоинств раскрывается их функциональная целесообразность, которая имеет большое значение для понимания и оценки памятников архитектуры.

Третью группу составляют памятники, используемые в хозяйственных целях и приспособленные для размещения современных учреждений или предприятий. Возможности экспозиции таких памятниковываются связаны с характером их эксплуатации, что иногда делает их совершение недоступными для осмотра.

Принадлежность памятника к той или иной группе не всегда бывает стабильной. Например, памятники третьей группы, к которым, как правило, относятся здания, не обладающие особо высокой архитектурно-художественной или исторической ценностью, после их исследования, раскрытия ранее скрытых достоинств и реставрации могут быть отнесены к первой группе с изменением характера использования.

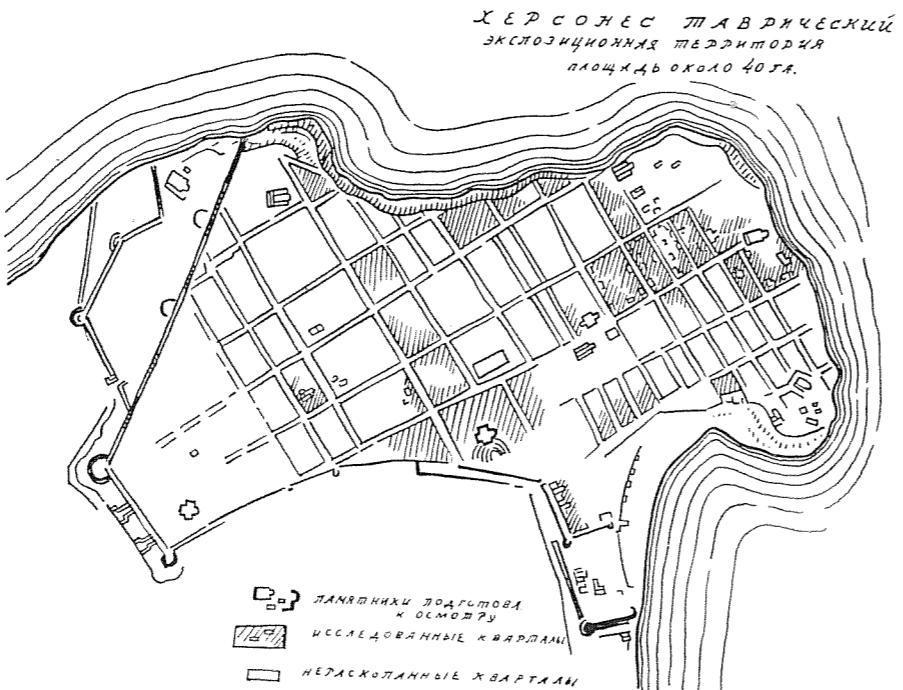
Как памятники у нас могут сохраняться и экспонироваться целые города и поселки или их центральные древние районы, кремли и крепости и отдельные сооружения или их фрагменты. Во многих республиках составлены и утверждены «Списки городов и населенных мест, имеющих архитектурные памятники, ценные градостроительные ансамбли и комплексы, являющиеся памятниками национальной культуры, а также природный ландшафт и древний культурный слой земли, представляющий археологическую и историческую ценность». Например, Украина внесла в такой список более 300 населенных мест; в РСФСР в него включено 115 городов. При решении задач, связанных с планировкой и новой застройкой городов, включенных в упомянутые списки, особое внимание должно быть уделено сохранению и использованию культурного наследия.

Следует выделить в особую группу древние города, ставшие архитектурно-археологическими заповедниками: Херсонес Таврический, Сурож, Нисси Античную, Педжикент Согдийский.

Организация показа таких памятников, планировка их территории, благоустройство и взаимосвязь с планировкой и застройкой современного города или поселка носят иной характер, чем в городах, процесс развития которых продолжается. Например, Херсонес, прекративший свое существование как живой город за четыре столетия до возникновения рядом с его развалинами Севастополя, сейчас входит в его черту и сохраняется как архитектурно-археологический памятник с драгоценными зданиями-экспонатами, с замечательными образцами декоративного искусства. Экспонатом служат и сама планировка города, и элементы его благоустройства. До настоящего времени основное внимание уделялось разработке методической стороны экспозиции в закрытом помещении здания Херсонесского музея и сравнительно недостаточно проявлялось заботы о том, чтобы более явственно «заговорили» кварталы, площади, храмы, дома и крепостные укрепления самого города.

Херсонес расположен на мысу с выразительным рельефом; в южной части этого мыса была удобная естественная гавань. Не защищенные морем западную и юго-западную стороны города охватывали крепостные сооружения (рис. 4). Общая площадь Херсонеса, ограниченная этими укреплениями, составляет около 40 га и представляет интерес для осмотра, исследования и науки.

Несмотря на многовековые наслоения, планировка города сохранила первоначальные очертания и типична для греческих городов — колоний V—III вв. до нашей эры. Прямоугольная, геометрически правильная сетка улиц древнего Херсонеса безразлична к рельефу, площади образовались простым путем — оставлялись незастроенными участки некоторых кварталов, на них возводились общественные здания

4. Херсонес Таврический. План города

или портики. Эта планировка и система застройки сохранялась на всем протяжении жизни города. Постройка монументальных христианских храмов в X—XII вв. не нарушила общей планировки города. Эти храмы ставились с учетом рельефа на выступах высокого морского берега, и очертания естественного рельефа определяли конфигурацию обращенных к морю участков небольших городских площадей X—XI вв.

Древние элементы благоустройства города позволяют воссоздать всю систему существовавших еще до X в. водопровода и канализации. Экспозиция планировочного построения города и системы его благоустройства и не вызывает особых противоречий и трудностей. Сложнее обстоит дело, когда приходится решить вопрос о принципе раскрытия консервации и экспозиции разновременных памятников, находящихся на разных уровнях.

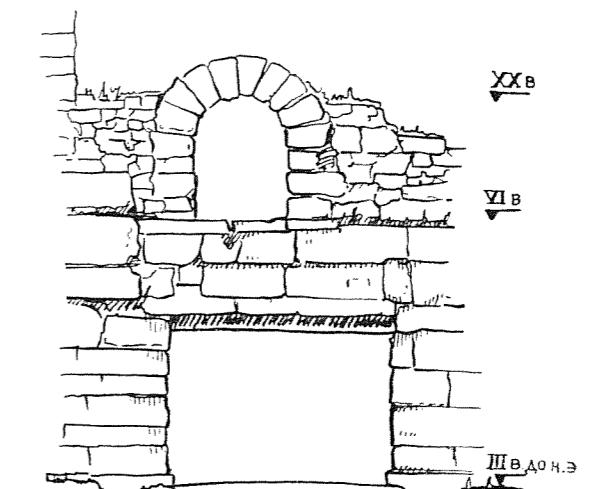
Например, средневековый храм частично закрывает расположенный под ним античный театр или калитка в городской стене V—VI вв. оказалась над воротами и стеной, построенными в III в. до нашей эры (рис. 5). Консервация этих раскрытых архитектурных фрагментов позволяет судить не только об архитектурном мастерстве и уровне строительной техники, но и мысленно воссоздать здания и жизнь древнего

города. Принятая в Херсонесе форма сохранения памятников такова, что древние сооружения сохраняются и экспонируются в том виде, в котором они до нас дошли и были раскрыты раскопками с установкой на свое место собранных подлинных фрагментов памятника.

При архитектурно-планировочной организации территории с расчетом на широкий показ уникального городского комплекса необходимо учесть не только сохранение в неприкосновенности древнего города в его старых границах и резервные территории для раскопок за его пределами (например, поселения тавров X в. до нашей эры), но и сохранение береговой полосы с местами древних причалов. Следует также предусмотреть участки для нового строительства, связанного с притоком экскурсантов и туристов.

Руководствуясь современными нормами и данными по туризму, можно сделать приблизительный расчет необходимой для музея-заповедника подсобной территории. При количестве посетителей Херсонеса до 2000 человек в день потребуется увеличение обслуживающей группы населения минимум до 500 человек (только занятых непосредственно в Херсонесе). Следовательно, потребуется селитебная территория для создания жилого квартала или поселка на площади примерно 12—15 га. К этой площади следует еще добавить площадь, необходимую для сооружения гостиницы на 200—300 мест (около 0,5 га), для стоянки легковых машин (также около 0,5 га) и автобусов (примерно 0,3 га), а также площадь перед входом в музей и у причала для катеров. Таким образом, общая площадь территории для нового строительства, необходимого в связи с организацией широкого туристического показа Херсонеса, составит около 20 га. Выделение этой площади, а также резервирование территории для раскопок за пределами стен Херсонеса должно быть предусмотрено, заранее учтено в перспективном плане развития города Севастополя.

Многие исторически сложившиеся русские города сохранили в системе своего центра кремли и древние крепости. Некоторые из них находились и частично находятся в руинированном состоянии. В 1949 г. было принято специальное решение о восстановлении 12 крепостей и кремлей древних городов России. В большинстве случаев на первом плане стояли задачи градостроительные и эстетические. Предложения сохранять эти памятники в руинах

5. Херсонес. Стена V—VI вв. н. э., надстроенная над стеной III в. до н. э.

нах не были приняты. Например, при решении вопроса о способах сохранения и восстановления кремля в Пскове встретило возражение предложение попытаться найти способ сохранить его в руинах. Несмотря на то что кремли и крепости потеряли свое первоначальное оборонное значение, они воспринимаются как необходимые сооружения, получившие новое качество. Плохая техническая сохранность этих памятников вызывает представление об их моральной смерти. Отсюда стремление видеть их не в развалинах, а в состоянии, соответствующем благоустройству и застройке современного города.

Для нас кремли и древние районы наших городов — памятники нашей культуры, органическая часть городов, их центры. Необходимо в связи с этим искать особые формы сохранения центральных ансамблей наших исторически сложившихся городов и соответствующие приемы планировочной организации территории.

Большинство сохранившихся кремлей превращены в музеи. Чаще всего, как например в Новгородском, Псковском, Тульском, Зарайском, Тобольском кремлях в пределах оборонных стен располагаются культовые и общественные сооружения со своими площадями. Большинство этих сооружений используется для размещения экспозиций, служат сами объектами показа или сохраняют общественное назначение. Это позволяет парадно оформлять планировку и благоустройство всей территории, создавать эффектные видовые точки.

Но в некоторых случаях, как, например, в Коломне, располагались в кремле не только уникальные сооружения, но и тесные жилые кварталы, которые сохранились до наших дней. В проекте детальной планировки центра города Коломны, а также в «Положении об историко-архитектурном заповеднике» этого города было намечено (с целью создания наилучших условий для обозрения выдающихся памятников кремля) снести жилые кварталы, оставив только уникальные сооружения, и всю его территорию (около 30 га) озеленить главным образом партерной растительностью. Это проектное предложение не может получить одобрение. Сохранение исторической среды, подлинной планировки и рядовой застройки — очень важная задача, ради решения которой несомненно стоит пожертвовать желанием создать современный парадный ансамбль в древней части города.

В Таллине и Вильнюсе, где почти полностью сохранилась планировочная система и общая объемно-пространственная структура древнего города, появилась возможность создать историко-архитектурные заповедники с охранной зоной, охватывающей площадь около 100 га. Историко-архитектурная ценность застройки значительно возросла благодаря восстановительным работам, которые ведутся по реставрации не только уникальных памятников, но и домов рядовой застройки. Под слоем штукатурки и позднейших переделок удалось найти остатки старых деталей, которые позволяют воссоздать первоначальный облик средневековой застройки этих городов.

В положении о Государственной охранной зоне средневековой части Таллина записано, что при всех архитектурно-планировочных мероприятиях необходимо учитывать исторически сложившиеся архитектурные

традиции и колорит, применение строительных и кровельных материалов, дорожных покрытий улиц, отделку фасадов, общую масштабность и габариты застройки, планировку уличной сети, сохранение эффективных перспектив, живописных видов и выразительного силуэта. В древних заповедных центрах Таллина и Вильнюса широкое распространение получила стилизация под древность в отделке ресторанов и магазинов, которая помогает созданию исторической, правда, несколько театрализованной обстановки. Но что особенно важно, в древних центрах этих городов расположены административные и культурно-просветительные учреждения, жилые здания, магазины, учебные заведения. Сохранение полновзвучной современной жизни в заповедных частях исторических городов только способствует полному и яркому восприятию памятников. Например, средневековый университет в Вильнюсе остается университетом и в наши дни, так же как древнейшая в Европе таллинская аптека функционирует как аптека. Эти здания не только сохраняют свои художественные, историко-архитектурные и функциональные особенности, но становятся подлинными памятниками национальной культуры.

В таких городах, как Самарканд, Бухара, Хива, Каменец-Подольский, Ужгород, Мукачево, Бахчисарай, Переяславль-Залесский, Ростов Великий, Сузdal и многих других, богатых памятниками архитектуры и истории, но не имеющих перспектив большого промышленного развития, можно ориентироваться на туризм и показ памятников как на градообразующую основу роста города.

По-видимому, в дальнейшем организация туристических центров как форма сохранения, показа и практического использования древних городских комплексов получит широкое развитие и будут найдены тактические формы совмещения задач бережного сохранения исторического наследия, воспитания чувства глубокого уважения к памятникам древности и делового отношения к этим памятникам как к объектам хозяйственного использования.

В настоящее время туристский центр с комплексом учреждений и предприятий обслуживания создан в Суздале и подготовлены проектные предложения и технико-экономические обоснования организации такого центра на основе древней части и памятников Ростова Великого. Эти предложения, к сожалению, страдают пока серьезными недостатками, несмотря на достаточную обоснованность самой идеи превращения Ростова Великого, входящего в систему городов «Золотого кольца», в крупный туристический центр. Главным образом, эти недостатки обусловлены нарушением основных правил разработки проектных предложений по историческим городам. Так, например, не сделан анализ исторических планировок Ростова и отсутствуют материалы обследования планировки и застройки древней части города. В результате не подготовлен опорный план города по разделу «Историко-архитектурное наследие», который должен служить исходным материалом при разработке проектных предложений. Вызывает критику идея превращения центра Ростова в пределах древних валов в район, где «живут только туристы» и будут размещаться предприятия, только

обслуживающие и развлекающие туристов. Несмотря на перспективу получения денежного дохода, нельзя забывать об историческом значении Ростова Великого как древнейшего из русских городов, центр которого сохраняет и должен сохранять традиционные функции. Следует обратиться к опыту сохранения древних центров Таллина и Вильнюса. Спорный характер носит также предложение о поновлении земляных валов и обводнении рва, ограждавших в древности Ростов Великий.

Вопросы сохранения и сочетания с современной застройкой древних земляных укреплений, сохранившихся в центрах древних городов, недостаточно разработаны и должны решаться при участии археологов.

С конца XVIII в. на местах многих крепостных рвов и валов начали создаваться бульвары. В настоящее время нецелесообразно ставить вопрос о восстановлении исчезнувшего былого окружения кремлей и крепостей (открытых эспланад и других элементов оборонного характера) на тех местах, где зеленеют бульвары. Но во многих городах крепостные валы и рвы частично сохранились. Например, в Новгороде, Ростове Великом, Дмитрове, Юрье-Польском, Тобольске, Владимире, Суздале, Волоколамске и др. Наиболее простым и удачным средством их консервации в отношении археологической сохранности и экспозиционных возможностей служит одерновка. Одновременно с решением вопросов сохранения земляных устройств, дополнявших оборонные сооружения кремлей, принимаются меры к укреплению и консервации их естественных оснований. Эти работы имеют целью как инженерное укрепление, так и сохранение археологической ценности, общего вида, соответствующего характеру оборонных сооружений и их исторически сложившемуся облику. Например, при восстановлении Тобольского кремля и консервации скрытых в грунте остатков его первоначальных укреплений вносились проектные предложения по консервации склонов возвышенности, на которой расположен кремль. Эти склоны разрушались под влиянием растущих оврагов вследствие неправильно организованного сброса с территории кремля осадковых вод. Для предотвращения дальнейшего разрушения склонов предлагалось укрепление их посадкой мелкого кустарника — разновидности дрока, посевом местных трав и одерновкой.

Последнее время довольно часто стали появляться проектные предложения о наполнении крепостных рвов водой. С чисто экспозиционной точки зрения эти предложения очень заманчивы, но, к сожалению, они, как правило, не имеют достаточных ни исторических, ни инженерно-технических обоснований. Например, в проектных предложениях по организации туристического центра в Ростове-Ярославском довольно эффектно представлены крепостные рвы, заполненные водой при помощи насоса. Однако эти предложения не подкреплены ни историческими исследованиями, подтверждающими, что ров в свое время наполнялся водой и был способен ее удержать, ни гидрогеологическими изысканиями, характеризующими современное состояние грунтов в отношении возможности сохранения стабильного состояния оснований зданий, рвов и валов.

Такие же соображения возникли при рассмотрении проектных предложений по обводнению рвов вокруг древнейшей части Суздаля. Восстановление земляных укреплений и особенно гидротехнических устройств влечет за собой значительную утрату археологической ценности древних памятников оборонного характера и может, кроме того, вызвать размытие грунтов и нарушить гидрогеологическую стабильность оснований памятников. Разработка подобных предложений возможна только при участии инженеров — специалистов в данной области.

Идея превращения архитектурного произведения в экспонат наиболее полное воплощение получает при создании музеев народного зодчества под открытым небом. Устраиваются эти музеи либо на территории крупных ансамблей памятников, функционирующих как историко-архитектурные или краеведческие музеи, либо на специально отведенных для этой цели обширных и живописных участках в пригородной зоне.

Первоначально предполагалось, что в эти музеи будут помещаться только те памятники деревянного зодчества, которые не могут быть сохранены на своих первоначальных местах в силу коренной реконструкции этих мест, связанной с решением больших народнохозяйственных задач (строительство гидросооружений, сопровождающееся затоплением территорий, разработка ценных ископаемых). Однако сложность сохранения памятников деревянного зодчества в отдаленных от городов местах и возможность создания эффектных музейных композиций привели к тому, что музеи народного зодчества стали создаваться путем вывоза памятников даже из крупных населенных мест. При этом приходится убеждаться в том, что сооружения, становясь экспонатами музея и утрачивая свои первоначальные функции и роль в населенном месте, частично лишаются и своих архитектурно-художественных достоинств. Но особенный ущерб наносится самому населенному месту, откуда вывозятся лучшие исторические сооружения, игравшие в них и в окружающем пейзаже роль архитектурно-планировочных доминант. Этот ущерб становится еще более ощутимым в связи с улучшением средств сообщения и развитием туризма. Например, разборка и вывоз колокольни из села Кулига Дракованова могут быть восполнены только сооружением на ее месте точной копии в натуральную величину.

По-видимому, создание копий выдающихся памятников и установка их либо в музеях, либо в местах первоначального расположения памятника должны стать обязательным условием при решении вопроса о создании экспозиции музея народного зодчества.

Следует также отметить, что развитие новых комплексных форм охраны историко-архитектурного наследия и распространения понятия «памятник» на пространственно-планировочную структуру населенного места и окружающего пейзажа, а также увеличение подвижности населения и появление новых видов туризма и отдыха заставляют считать, по нашему мнению, перевозку памятников в специальные музеи несколько устаревшим способом их использования и сохранения.

Наиболее перспективным методом сохранения и показа памятников следует считать такой метод, который позволяет максимально

сохранить подлинность самого памятника, его функциональные особенности, роль в общей застройке населенного места, подлинность его исторической среды, раскрыть былое его общественное значение и современную ценность как народного достояния.

Многие памятники архитектуры остаются зданиями и сооружениями, используемыми по их прямому практическому назначению. При этом в экспозиционном отношении они имеют преимущество не только перед памятниками «приспособленными», но, иногда, и перед памятниками музеефицированными. Гостиные дворы Ленинграда и Ярославля, выполняя функции торговых помещений, остаются не только историко-архитектурными памятниками, но активно включаются в жизнь города, создавая ощущение исторической преемственности. А такой, например, замечательный памятник, как Тобольский гостинный двор, в котором сочетались композиционные особенности восточных караван-сараев и русских торговых дворов, используемый как помещение для архива и краеведческого музея, выглядит мертвым зданием на обширной площади. Но особенно пагубно неправильное использование этого гостиного двора отразилось на его функциональных торговых помещениях.

Многолетняя практика музейного использования памятников архитектуры показала, что для достижения наибольшего эффекта при их показе необходимо возрождать некоторые утраченные функции здания и воссоздавать соответствующую обстановку.

Домский собор в Риге, превращенный в музей, не производил достаточного эффекта, несмотря на содержательную в историческом отношении экспозицию, пока не возникла идея использовать его орган и прекрасные акустические качества для концертов. Органическая музика в сочетании со средневековым интерьером собора оставляет сильное и яркое впечатление. В Новгороде в Софийском соборе устроена имитация освещения свечами и включается магнитофонная запись церковного хора, что также способствует лучшему восприятию этого замечательного памятника и обогащает его. При музеефикации промышленных сооружений все чаще делаются попытки демонстрировать и процесс древнего производства.

При установлении охранных зон и зон регулирования застройки очень часто прибегают к чисто оптическому решению задачи наилучшей экспозиции памятника. Вычисление «секторов видимости», умножение высот памятника, построение прямых «визуального восприятия» принимает такие размеры, что угрожает сохранности историко-архитектурной среды памятника и противоречит логике художественной композиции. Создание условий для обзора памятника со всех сторон на дальнем расстоянии иногда даже мешает художественному раскрытию памятника. В некоторых случаях следует восстанавливать природные элементы и сооружения, которые служили фоном или кулисами для памятников архитектуры и создавали эффект их внезапного раскрытия, давали возможность видеть сооружение только на близком расстоянии или создавали впечатление единого массива с фоновой застройкой. Детали первого этажа средневековых сооружений, например порталы и

оформление оконных проемов, рассчитывались обычно на восприятие вблизи, завершение зданий,—на обзор с удаленных точек. Иногда и фасады решались по-разному с учетом восприятия с разных точек. Например, мцхетский храм в Тбилиси имеет тонкую детализацию фасада, обращенного в маленький дворик, и монументальные обобщенные формы со стороны обрыва, так как этот фасад рассчитан на восприятие с противоположного берега реки.

Для экспозиции памятников архитектуры имеет определенное значение не только создание условий их визуального восприятия, решение ряда задач, связанных с выявлением всех особенностей сооружения (как художественных, так и функциональных), но и сохранение роли памятников в объемно-пространственной структуре города или в пейзаже.

ИНЖЕНЕРНОЕ БЛАГОУСТРОИСТВО, ОТВОД ВОДЫ, ОТМОСТИКИ, ОСВЕЩЕНИЕ

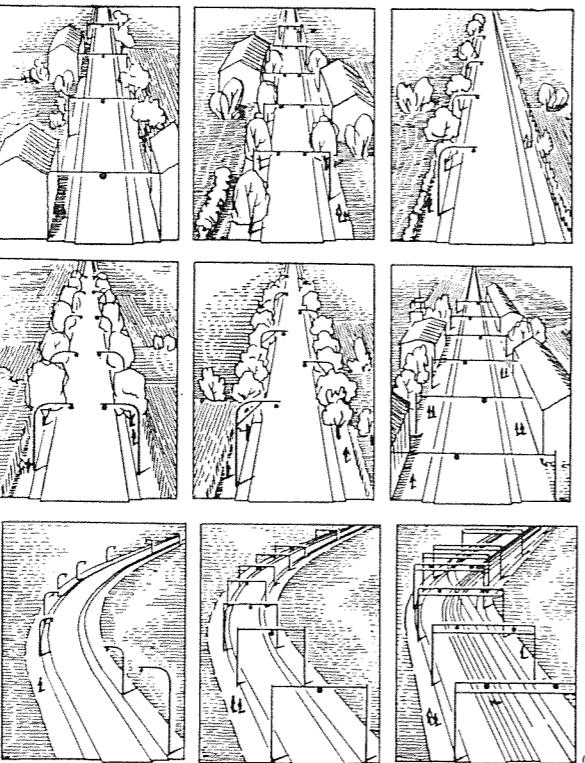
Н. П. Зворыкин

Современный город немыслим без сложных подземных инженерных сетей. К их числу относятся: коллекторы ливневой и хозяйствственно-фекальной канализации, трубы газо- и водоснабжения, энергетические кабели, кабельные сети связи и сети теплоснабжения. И в центральном старинном ядре города, и на улицах и проездах, проходящих мимо отдельных памятников неизбежна прокладка многих из перечисленных сетей инженерного благоустройства.

Естественно, что в числе основных требований во всех случаях прокладки должно быть наименьшее повреждение подземных конструкций древних зданий, а также и археологических остатков фундаментов, склепов и других элементов сооружений, закрытых наросшим культурным слоем земли. Все подземные работы вблизи памятника, т. е. в пределах его охранной зоны, необходимо производить с санкции местной городской инспекции охраны памятников и при обязательном присутствии археолога.

Существенна также маркировка сетей. В обычных условиях расположение колодцев фиксируется на стенах близ расположенных зданий, зачастую весьма грубыми мазками. Подобный прием совершенно недопустим, и поэтому способ и место установки фиксирующих марок должны быть также согласованы с местной инспекцией. По существующим правилам минимально допустимое расстояние от красной линии, а тем более от здания до ближайшей подземной сети установлено 1,2 м. Как при прокладке любого элемента подземной сети, так и при эксплуатации исключается возможность замачивания грунта у фундаментов памятника. Это тем более недопустимо при наличии лёссовых просадочных грунтов. В таких условиях следует тщательно выполнять все требования ведения работ в подобных грунтах.

Дорожные покрытия в пределах древнего ядра города, особенно когда это относится к замкнутым древними стенами территориям,

6. ГДР. Размещение уличного освещения (Академия строительства и архитектуры)

чатки будет представлять серьезные трудности, то лучше пойти на гравийное покрытие, уплотненное катками. Иногда возможно применить отмостку из небольших бетонных плит, укладывая их с прозорами.

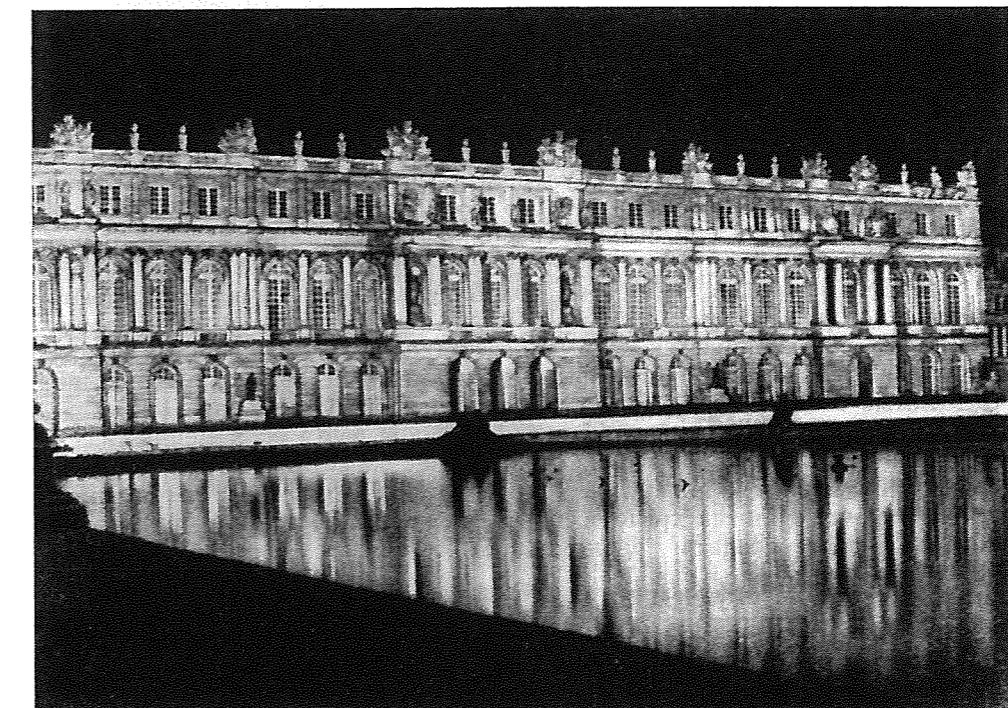
С характером отмосток тесно связан вопрос отвода поверхностных вод. Территория вблизи памятников должна быть спланирована так, чтобы исключить всякую возможность притока воды к стенам зданий. Можно привести очень много примеров пагубного действия повышенного увлажнения грунта. В Вяжищах под Новгородом замерзшим намокшим грунтом были подняты легкие каменные конструкции галерей. Все нараставший крен башни Сююмбеки в Казани был остановлен организацией водоотвода. Бесконечное количество зданий памятников архитектуры, окруженных наросшим культурным слоем земли, отсыревает и разрушается от притекающей к стенам воды. Вдоль стен целесообразно устройство непроницаемой для воды отмостки. Часто такую отмостку устраивают в виде плотной бетонной плиты. Однако такое жесткое окаймление здания по своему виду оставляет много лучшего. В качестве приема, улучшающего характер отмостки, может быть

должны соответствовать по возможности эпохи памятников, хотя бы даже наиболее поздней. Естественно, что восстановление деревянной мостовой из пластин может носить лишь музейный характер, однако булыжная или брусчатая, каменная отмостка вполне может соответствовать общему характеру ансамбля. Покрытие Ивановской площади Московского Кремля восстановлено в брусчатке, как это и было в XVIII в. Уложенный в свое время слой асфальта сильно искажал художественное восприятие памятников, окружающих площадь. Повальное увлечение дорожными покрытиями на битуме грозит значительным ухудшением общего вида многих ансамблей наших старинных городов. Если добывание булыжника или изготовление бру-

екомендовано втапливание в верхний слой бетона булыжника или крупного гравия. Очищенный от пыли и обрастаний мхом такой камень будет плотно держаться в бетоне, выступая наружу на $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ своей толщины.

Применяемое иногда устройство приямка у стен на глубину до обреза фундамента, т. е. до уровня первоначальной отметки, далеко не всегда может быть наилучшим решением. Образовавшийся приямок должен иметь сток в существующую сеть ливневой канализации, в хозяйственную канализацию это обычно не допускается. В малых городах при наличии пересеченной местности иногда удается обеспечить индивидуальный сток из приямка. Естественно, что стены и дно приямка должны быть выложены камнем или обетонированы. Большой недостаток подобных устройств — постоянное накопление в них грязи и мусора, особенно в многогодных местах. При устройстве приямка необходимо исключить возможность попадания в него ливневой воды, для чего у бровки выемки следует иметь окаймляющую котлован стенку высотой 15—20 см.

Планировка окружающей памятник территории должна обеспечить и сток воды и исключить образование провалов и ухабов. На ровной поверхности даже очень тяжелые повозки не вызывают серьезных со-

7. Версаль. Ночное освещение фасада дворца

трясений. Например, опасность сотрясения ровной мостовой от танков на параде в Москве, проходящих мимо церкви Василия Блаженного, оказалась надуманной. Ухабы, естественно, вызывают резкое сотрясение, передающееся на каменную кладку, причем особенно сильное при высоком уровне грунтовых вод. Амортизируют удары грунты меньшей влажности, тогда как грунты, насыщенные водой, передают их иногда даже на довольно большое расстояние.

Большое внимание должно быть также обращено на наружную сеть проводов и подвесок, связывающих многочисленные столбы, щедро расставляемые различными службами городского управления. Необходимо самым решительным образом ограничить паутинное оплетение и самих зданий, и их ближайшего окружения. Выбор трассы проводной связи решается практически проектировщиками без всякого учета существующих памятников, а расстановка столбов определяется, как правило, монтажной бригадой. Очень больших трудов стоило, например, осуществить расстановку столбов в Угличе не вплотную к Дивной церкви, а на противоположной стороне. Мало считаются с памятниками и при прокладке трасс высоковольтных линий электропередачи. Пример этому — церковь Покрова на Нерли, где высокая металлическая мачта электропередачи стоит вблизи этого совершенного памятника архитектуры.

Уличное освещение, согласно условиям транспортного движения, не должно затруднять зрительного восприятия различных дорожных знаков и сигналов светофоров. Возможна расстановка светильников по различным схемам. Считается, что значительно лучшего освещения можно достигнуть, применяя кронштейны на мачтах. При размещении светильников по односторонне расставленным столбам и без кронштейнов условия освещения необходимо улучшить либо путем увеличения света, либо более частой расстановкой столбов. Такую возможность можно всегда использовать при выборе способа освещения дороги вблизи памятников (рис. 6).

В частях городов, полностью сохраняемых благодаря их самобытности и историко-архитектурному облику, иногда оставляются нетронутыми или реставрируются старые осветительные приборы на столбах или кронштейнах, гармонирующие с окружающей архитектурой и неотделимые от нее. Такие приборы могут быть использованы для уличного освещения с заменой прежних источников света современными.

Для наружного освещения важнейших памятников архитектуры сейчас применяют прожекторы, размещаемые группами на стоящих поодаль мачтах или на крышиках противолежащих построек с таким расчетом, чтобы создать равномерное освещение фасадов зданий (рис. 7).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

П. Н. Максимов

Как мог убедиться читатель, за последние годы расширилось содержание таких понятий, как памятник архитектуры, его охранная зона и охрана памятников.

Под памятниками архитектуры теперь подразумевают не только отдельные наиболее выдающиеся здания, но и образцы массового строительства прошлого и целые архитектурные ансамбли вплоть до улиц, площадей, городских районов и целых городов. Сама планировка городов или их частей в ряде случаев признается заслуживающей сохранения как памятник градостроительства былых времен, равно как и природные условия, способствующие красоте целых городов и отдельных зданий.

Охрану памятников архитектуры теперь понимают не только как физическое сохранение их и разумное использование для нового назначения, но и как сохранение, а подчас и усиление их способности вызывать у зрителя эстетические эмоции. Поэтому особое значение приобретает вопрос о природном или архитектурном окружении таких памятников, наиболее выгодном для них и составляющим с ними одно художественное целое, и о сохранении складывающегося на протяжении столетий архитектурного облика городов или отдельных частей их.

Содержание понятия «охранная зона» также переросло прежнее представление о ней как о незастраиваемой территории в непосредственной близости от памятника архитектуры, отвечающей его размерам. Теперь охранные зоны дополняются зонами влияния памятников архитектуры, включающими их видовые точки и сектора обзора. Иногда охранные зоны охватывают значительные части городов, богатых памятниками архитектуры, и окружаются зонами ограниченной застройки, связывающими охранные зоны с районами нового строительства.

В то же время расширение масштабов реконструкции растущих старых городов, охватывающей порой всю их территорию с примыкающей пригородной зоной, и появление новых типов зданий, сильно отличающихся от прежних своими размерами и формами, с особой остротой ставит проблему гармонического сочетания старого с новым. Архитекторы, проектирующие как новую застройку, среди которой сохраняются памятники архитектуры, так и новые здания в старых частях городов, должны всегда думать о таком сочетании и рассматривать старое и новое как активные части вновь возникающих ансамблей, связанные между собой художественным единством. Не довольствуясь

старыми приемами достижения такого единства, архитекторы должны искать и новые пути решения этой задачи, соответствующие особенностям современной архитектуры и возросшим различиям между старыми и новыми постройками.

Архитекторам-реставраторам нужно взять в свои руки дело приспособления памятников архитектуры для нового назначения, а также освоить градостроительные методы сохранения не только их, но и исторически сложившейся городской среды, работая в этом направлении вместе с градостроителями. Архитекторам-градостроителям, в свою очередь, нужно научиться понимать ценность архитектурного и градостроительного наследия прошлого и выработать умение включать его в новые архитектурные ансамбли, наделяя их красотой и сохраняя исторически сложившийся облик городов.

Надо научиться предусматривать развитие городов не на одно десятилетие вперед с тем, чтобы правильно выбирать в них места для нового строительства и намечать трассы городского транспорта. Непременной частью таких планов развития городов в целом должны стать и перспективные планы работ по реставрации памятников архитектуры (в широком смысле этого слова) и по их включению в реконструируемые части городов.

Наконец, необходимо историкам и теоретикам архитектуры изучать и раскрывать приемы создания архитектурных ансамблей до целых городов включительно, которыми пользовались архитекторы прошлого. Это поможет и реставрации таких ансамблей, искаженных позднейшими переделками, и выработке приемов объединения старого с новым в застройке городов, которые соответствовали бы современному состоянию архитектуры и градостроительства.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение П. Н. Максимов	3
I. Памятник архитектуры и его окружение. А. И. Целиков, П. Н. Максимов	7
II. Планировка города как памятника архитектуры. Е. В. Михайловский	19
III. Отдельные памятники архитектуры, архитектурные ансамбли. Методы их сохранения. В. Я. Либсон, Д. Н. Кульчинский	45
IV. Памятники архитектуры и городской транспорт. Н. П. Зворыкин	65
V. Музей под открытым небом как метод сохранения памятников деревянного зодчества и их значение для города. А. В. Ооловников	93
VI. Памятники садово-парковой архитектуры в структуре современного города. Е. П. Щукина	102
VII. Проблемы использования памятников архитектуры в современном городе	129
Использование одиночных памятников и архитектурных ансамблей А. И. Целиков, П. Н. Максимов	129
Экспозиция памятников архитектуры и возможности их музеификации. Е. П. Щукина	135
Инженерное благоустройство, отвод воды, отмостки, освещение. Н. П. Зворыкин	145
Заключение П. Н. Максимов	149

Научно-исследовательский институт
теории, истории и перспективных проблем
советской архитектуры

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ
И СОВРЕМЕННАЯ ГОРОДСКАЯ ЗАСТРОЙКА

Стройиздат

Москва, К-31, Кузнецкий мост, д. 9

Редактор издательства С. Л. Богина
Технический редактор Н. В. Высотина
Корректор А. М. Введенская

Сдано в набор 18.V.1972 г. Подписано
к печати 29 XI 1972 г. Т-20008 Бумага типо-
графская № 1. Формат 70×90¹⁶ 4,75 бум. л.
11,12 усл. печ. л., 11,13 уч.-изд. л. Тираж
5000 экз. Изд. № И IX-2483 Заказ № 1548
Цена 78 коп.

Ленинградская типография № 4 Союзполи-
графпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли,
196126, гор. Ленинград, Социалистиче-
ская, 14.